

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2011

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

1.2011

Издается с 2010 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgou.ru

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
им. М. А. Шолохова

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

Редакционная коллегия
И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.И. Юрьев (*зам. гл. редактора*),
А.А. Орлов (*отв. секретарь*),
В.Д. Нечаев, В.И. Шерemet,
В.В. Панферова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Грезнева А.А.*
Присяжные поверенные о революционных организациях в России
(вторая половина XIX в.) 5
- Шматова М.Б.*
«Набат» П.Н. Ткачева в полемике с эмигрантскими изданиями
«пропагандистов» и «анархистов» 13
- Юрьев А.И.*
Расхождение подходов эсеров и большевиков к политическому
развитию России весной 1917 г. 21
- Субханкулов Р.Ф.*
Участие СССР в вооруженных конфликтах у озера Хасан и реки
Халхин-Гол: историографический аспект 32

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Коттелов Б.В.*
Духовная элита Римской империи в восприятии Юлиана
Отступника 41
- Шеремет В.И.*
Современник Ивана Грозного и Сулеймана Великолепного.
Политический портрет Акбара Великого 49
- Артеменко С.А.*
Социальный состав и общественная жизнь ранних пуритан
в Англии конца XVI – начала XVII вв. 62
- Шимонова Н.В.*
Неизвестный эпизод биографии Яна Андерса Егергорна,
борца за независимость Финляндии и Ирландии 69
- Орлов А.А.*
Новый мировой порядок в рамках венской системы.
Великобритания и Россия: поиск основ послевоенного
взаимодействия (1815 г.) 78

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Гончарова О.А.*
Взаимодействие политических партий с институтами
гражданского общества 89
- Нечаев В.Д.*
«Институциональная организация» как концептуальный
инструмент институционального анализа в политологии 97

<i>Тарасов Л.В.</i> Прогрессивные тенденции современной международной политики в отношении инвалидов	105
<i>Федулова В.В.</i> Информационные и коммуникационные технологии в контексте политики	112
НАШИ АВТОРЫ.	117
CONTENTS	119
ПАМЯТКА АВТОРУ	124

А.А. Грезнева

Присяжные поверенные о революционных организациях в России (вторая половина XIX в.)

На базе вводимых в научный оборот речей присяжных поверенных (адвокатов) дается анализ их взглядов на специфику и методы деятельности ряда революционных организаций. Выступления адвокатов оказали плохую услугу общественному сознанию, т.к. нередко представляли политических террористов «невинными жертвами обстоятельств».

Ключевые слова: политические процессы, присяжные поверенные, адвокаты, государственные преступления, тайные сообщества, процесс «50-ти», процесс «193-х», процесс «11-ти», В.Н. Герард, Н.М. Соколовский, В.Д. Спасович.

Деятельность присяжных поверенных (адвокатов) в России во второй половине XIX в. представляет огромный научный интерес. Учреждение нового института в условиях либерализации русской жизни, равно как даваемые революционному движению оценки со стороны защитников вызвали широкий общественный резонанс, а произносившиеся на политических процессах речи присяжных поверенных содействовали формированию гражданского правосознания. Указывая на специфику понятия «государственное преступление», адвокаты предлагали своеобразную интерпретацию дефиниций («посягательство на государственный и общественный порядок», «протест против существующего строя», «насильственное стремление к изменению государственного и общественного устройства», «неповиновение» и «сопротивление» верховной власти, «порицание образа правления», «заговор», «пропаганда» и др.), под которые подводилась суть политических преступлений. Попытаемся в настоящей статье осветить аргументацию присяжных поверенных

по вопросам образования тайных обществ, выявления их особенностей и методов работы.

Обращаясь к этимологии термина «сообщество», известный присяжный поверенный второй половины XIX в. В.Д. Спасович указал на происхождение его от корня «*общий*». Но ведь «общего я могу иметь много с разными людьми, с одними любовь к скульптуре, с другими убеждения религиозные, с третьими привычки общежития или наклонности политические...» [10, с. 140]. Близкое общение (обмен идей, чувств или услуг), «задушевное» знакомство, по мнению защитника, не являются достаточным для придания данному термину революционного характера. Как *status in statu*, тайное общество – это «живая клеточка», которая воспринимает извне не только какую-либо информацию, но, перерабатывая ее, воздействует на окружающее пространство. Оно представляет собой постоянный союз лиц, решившихся «преследовать по известному плану или уставу политическую революционную цель, например, цель пропаганды идей, которые в более или менее отдаленном будущем, если распространятся и усвоятся, произведут бунт и переворот» [Там же, с. 141].

Более того, В.Д. Спасович заявил, что деятельность тайного общества, хотя по природе своей и имеет политический смысл, но оценивается все-таки по присущему ей социалистическому характеру, т.е. предполагающей разрушение основ общественной жизни, религии, семьи и собственности, возбуждение вражды между сословиями и пр. Для такого общества обязательно присутствие лиц, подчиненных определенному уставу и преследующих одинаковую цель, а также внутренняя и внешняя организация, устав и сеть общин с центром в Москве. В отношении членов московской организации, обвинявшихся в составлении «противозаконного сообщества» (рассматривавшееся с 21 февраля по 14 марта 1877 г. дело «50-ти»), эти элементы далеко не все соблюдены [Там же, с. 143].

Помощник присяжного поверенного Ф.А. Нечаев определил революционную организацию как «тесный союз людей, соединившихся для достижения противоправительственных целей» [2, с. 3]. По оценке В.Н. Герарда, тайное сообщество должно быть упорядоченным и организованным¹. Оно, судя по выражению Г.В. Бардовского, представляет собою «нечто цельное и правильно организованное» [7, с. 3]. Функционирование организации невозможно без учредителя и распределения обязанностей между ее участниками [Там же]. На процессе «11-ти» (6–14 мая 1880 г.) А.И. Любимов указал на то, что для сообщества требуется «нечто вроде

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 797. Л. 32–51

устава, нечто вроде программы деятельности, программы для всех обязательной» [9, с. 4].

Создание тайного сообщества, по мнению адвоката К.К. Арсеньева, предполагает существование лиц, стоящих выше остальных «и по своим способностям, и по положению, и по энергии своей натуры», а также единомышленников его членов к реализации намеченной цели [6, № 166, с. 2]. Разделив эту точку зрения, А.И. Урусов подчеркнул, что костяк любой организации составляют люди опытные, прошедшие «искус политических волнений», умеющие «повелевать своими страстями» и приобретать авторитет над другими [Там же, № 165, с. 3]. Подпольное учреждение подчиняет свободу лиц «непреклонной дисциплине, судит и казнит их суммарным порядком» [Там же]. Однако если А.И. Урусов проводил мысль о насильственной смерти представителей сообщества при всяких обстоятельствах как единственного способа борьбы с сопротивлением, то В.Д. Спасович, напротив, утверждал, что революционная организация в силу «органической необходимости» своего существования обязана допускать возможность подобного исхода, но только в случае грозящей ему измены [Там же, с. 6].

По убеждению защитника Н.М. Соколовского, такие признаки тайных сообществ, как наличие цели, четкая организация и внутренняя иерархия подчинения, свидетельствуют об их непосредственном развитии внутри общества¹. Солидарность по этому вопросу выразил В.А. Кейкуатов. Руководствуясь «здравым смыслом», он добавил, что деятельность каждого сообщества сопровождается проведением регулярных собраний, а схема действий его членов должна строго регламентироваться; в противном случае речь будет идти только об обычных сходках лиц, собравшихся для обсуждения различных вопросов «без всякой системы и порядка»².

При анализе речей присяжных поверенных особый интерес вызывает постановка адвокатами закономерного вопроса: позволяют ли выявленные на политических процессах второй половины XIX в. факты говорить о единой революционной организации, стремящейся к ниспровержению государственной власти в России? При ответе на него защитники давали неоднозначные ответы, приводя следующие доводы и аргументы.

Так, по убеждению В.Д. Спасовича, участники процесса «50-ти» не поняли суть поставленных перед ними целей и задач. Соответственно,

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 797. Л. 104

² Там же. Л. 126 об. – 127 об.

московской организации как упорядоченной ячейки не существовало, т.к. она объединяла людей с различными представлениями о социальных, политических и иных вопросах. «Что в недрах этой, – констатировал защитник, – если она действительно существовала, организации были страшные разногласия, диаметрально противоположные мнения, на это есть указание в письменном архиве, который так богат и разнообразен по настоящему делу» [10, с. 150–151]. Между тем, в любом революционном сообществе, словно «в ковчеге Ноя, сосуществуют и взаимно себе помогают всякие животные – и рядом с человеком, который говорит: бунтовать, убивать, стрелять, – может быть человек, который по принципу не способен убить даже муху» [Там же, с. 151].

По политическому делу «193-х» (18 октября 1877 г. – 23 января 1878 г.) адвокат В.Н. Герард подчеркнул, что был кружок близких друг другу лиц, обсуждавших социальные вопросы и средства к изменению положения народа в лучшую сторону, а это не означало согласия его членов в выработке единых методов действий. «Ведь очевидно в подобных кружках среди молодежи переговориться обо всем, о всевозможных мерах, даже о таких, которые невозможны для самого говорящего, когда он начнет обсуждать их на другой день. Сегодня придумываются известные средства, а в конце концов кончается тем, что приходят к тому или другому результату, совершенно противоположному, а чаще всего ни к какому и каждый расходится, оставаясь при своих собственных убеждениях»¹. Созвучным стал вывод В.С. Самарского-Быховца: по «глубокому убеждению» он отрицал существование «грозного» сообщества и находил в рассматриваемом деле лишь «отдельных личностей», против которых можно было выставлять то или иное политическое обвинение².

Разноплановость взглядов обвиняемых ярко продемонстрировал защитник Н.М. Соколовский, приведя следующий наглядный пример: «Положим, я исповедую известные убеждения и хочу провести их в жизнь путем законным, например, подбором известных цензурных книг, например, социальных; ведь есть такие книги, в которых и такие, и сякие проводятся убеждения. Другой же берет иной путь, путь пропаганды. Ведь между ними и мною, пожалуй, существует общее дело. Мы можем говорить “наше дело”, “наша задача”. Но дело-то не в нашем деле, не в нашей задаче, а в тех путях, которые мы избрали,

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 797. Л. 40.

² Там же. Д. 798. Л. 17.

а эти-то пути и расходятся»¹. Соответственно, выражения «наше дело» и «наша задача» не только, по мысли Н.М. Соколовского, не являются признаком существования революционного сообщества, но даже и необходимым элементом, образующим преступную единоличную деятельность.

Таким образом, в обстоятельствах процесса «193-х» нет возможности уловить «физиономию» кружков. «Например, – рассуждал Н.М. Соколовский, – в обвинительном акте говорится, что Воронцов составил кружок, – один Воронцов. Затем Троицкий и Гейштор составили кружок, это мы понимаем. Но как же я один могу воплотить в себе альфу и омегу этого собирательного числа этой юридической единицы? Затем Андреева составила революционный кружок, из кого же? Из гимназистов, из которых один “дворец труда” написал, а другой, махая линейкой, изображал из себя Наполеона»². На это место речи первоприсутствующий сделал замечание, попросив защитника дать «более серьезный тон» своему выступлению.

Несостоятельность связи революционных кружков между собой также подчеркнул присяжный поверенный В.Д. Спасович, сославшись на нормативно-правовое законодательство: «Закон определяет кружок численности не менее 3-х лиц; где же они? Устюжанинов умер, Панютина играла пассивную роль, остается один Щепкин, да разве один человек может составить кружок»³. Для доказательства реального существования преступной группы обвинение должно указать на «главнокомандующего» и его «штаб», обнаружить ту «руку», которая непосредственно направляла «революционные силы» подсудимых, что, в свою очередь, невозможно увидеть в настоящем деле⁴. Вдобавок Е.И. Утин выделил отсутствие определенных целей, программы и отработанной схемы действий, т.е. необходимых факторов, образующих понятие противозаконного сообщества⁵.

Нарисованная обвинением картина процесса «193-х» не соответствовала действительности. «Очевидно, что строго определенной цели, которая связывала бы всех членов, не имелось, а существовал хаос понятий; собирались лица, которые задумали что-то совершить, но сами не отдали

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Д. 797. Л. 105 об.

² Там же. Оп. 1. Л. 106 об. – 107.

³ Там же. Д. 771. Л. 88.

⁴ Там же. Д. 797. Л. 108.

⁵ Там же. Д. 798. Л. 106.

себе отчета в том, что они задумали, чего они хотят, какие избрать средства для осуществления какой-то, для них самих неясной и неопределенной цели»¹.

Наличие преступного сообщества по делу И.М. Ковальского и др. (19–24 июля 1878 г.) отрицал А.К. Рихтер, указав на слишком маленький срок деятельности организации (со времени составления прокламации «Голос честных людей»), а также на скудные материальные средства. Свою точку зрения защитник доказывал путем следующих умозаключений: «Как бы ни была преступна эта прокламация... как бы ни были возмутительны сделанные в ней указания, от которых каждый добросовестный и честный человек отвернется с омерзением, но, все-таки, сказать, что это воззвание “Голос честных людей” составляет программу какого-нибудь тайного политического общества, в которой намечен ход деятельности, могущей привести сговорившихся к ниспровержению существующего в России порядка государственного управления, невозможно. Документ этот преступен; он производит даже весьма и весьма тяжелое впечатление на всякого человека, каких бы он убеждений ни был, но в нем, все-таки, нет ничего и похожего на программу какого-нибудь политического общества» [3, с. 3].

Еще более категоричнее высказался Г.В. Бардовский: «Если представитель обвинительной власти обвиняет подсудимых в том, что они создали тайное общество, то он должен доказать, что это общество существовало с правильным уставом и с правильным распределением барышей между участниками и кто был учредителем этого общества» [8, с. 3]. Именно этих элементов, по аргументации адвоката, не обнаружено, что отмечалось другими защитниками по этому делу.

П.А. Андриевский сомневался в отношении применения к подсудимым ст. 318 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», предполагающей наличие более или менее правильной организации сообщества, деление его на кружки и иные признаки [4, с. 3]. Из обстоятельств же процесса В. Малавского и др. (6–8 июля 1879 г.) усматривается только то, что был «какой-то кружок более или менее знакомых между собой лиц, но до такого кружка, сообщества в смысле известной организации очень далеко» [Там же].

Отсутствие противозаконного сообщества по делу Н. Антушева и др. (11 апреля 1880 г.) доказывал помощник присяжного поверенного А.Н. Успенский, заметив, что нет письменных документов, указывающих

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Д. 797. Л. 128 об.

на преступную деятельность членов организации, а также на явную противоречивость свидетельских показаний [1, с. 4].

На процессе «11-ти» защитник А.А. Шумахер убеждал, что выявленные факты свидетельствуют об отсутствии единой организации, стремящейся к уничтожению власти в России посредством единых методов; есть только ряд отдельных фракций, действующих различными путями. Раскрывая особенности противозаконных группировок второй половины XIX в., он подчеркнул: «Одна партия действует только путем пропаганды, другая считает нужным прибегнуть к активной борьбе с правительством и, наконец, третья, наиболее опасная фракция, есть та, которая стремится захватить в свои руки власть путем заговора или государственного переворота» [5, с. 3]. Наличие признаков политического преступления напрямую зависело от интерпретации употребляемых этими фракциями средств, примеры чему очевидны. «Государственный преступник Соловьев покушался на жизнь священной особы государя императора. Между тем Мирский заявил на суде, что он не сочувствовал этому преступлению Соловьева и вообще цареубийства не признает. Наконец, подсудимая Бардина, судившаяся по одному московскому делу, прямо заявила на суде, что она не имела никакого намерения идти далее мирной пропаганды» [Там же].

Ввиду неоднозначной трактовки признаков государственного преступления присяжные поверенные указывали на необходимость конкретизировать определения, объясняющие суть преступлений этого рода. В частности, разъяснению различий терминологических понятий «тайное общество» и «заговор» посвятил часть своего выступления присяжный поверенный К.К. Арсеньев, так сформулировав особенности каждого из них: заговор – это «кружок людей, которые поставили себе строго определенную задачу, которые стремятся, во что бы то ни было, прямо и непосредственно, к своей цели, подчиняя ей все свои остальные действия и намерения» [6, № 166, с. 2]. В отличие от него тайное общество может «в отдаленном будущем» иметь те же цели, но оно «действует средствами не прямыми, идет путями косвенными, и разве со временем предоставляет себе перейти к другому способу действий, более близкому к понятию о заговоре» [Там же].

Несколько иную мысль провел присяжный поверенный А.И. Урусов. Для заговора характерна вполне определенная, «всем известная, всеми принятая» цель. Действия заговорщиков к реализации ее предполагают приобретение оружия, назначение времени и места восстания, распределение ролей в принятии насильственных мер. А поскольку в процессе «нечаевцев» названные признаки никак не наблюдаются,

то, по мнению А.И. Урусова, налицо предстает тайное политическое общество с противоправительственной целью. В данном случае следовало говорить не о заговоре, как доказывало обвинение, а о тайном обществе, несшем наименьшую опасность для существования государства. Воплощением его стало «московское сообщество» С.Г. Нечаева [6, № 165, с. 2].

Защитники В.Д. Спасович и Н.С. Таганцев отрицали возможность предварительного сговора ряда лиц судебного дела «193-х» по причине различия намерений и несоответствия убеждений самих обвиняемых¹. В.А. Кейкуатов вовсе указал на отсутствие сплоченности членов сообщества. Из процесса видно, что «то там, то сям собирается кружок лиц, из которых многие, не зная друг друга, приходят на эти собрания совершенно случайно, приходят то в одну, то в другую квартиру... Одни говорят, что цель общества должна заключаться в этом-то, а другие опровергают эту цель и утверждают, что она должна заключаться в ином. Можно ли такие собрания признать тайными политическими сообществами, когда самая цель составляет еще предмет дебатов?»².

Таким образом, анализ речей присяжных поверенных продемонстрировал витиеватость суждений защитников в изображении специфики революционных организаций и особенностей (преступное стремление к уничтожению семейных, нравственных и религиозных ценностей, а также к ниспровержению или изменению существовавшего государственного и общественного устройства), которыми они в реальности должны были обладать. Понятие тайного сообщества, по мнению адвокатов, состоит из нескольких, вполне определенных признаков, главные из которых – внутренняя и внешняя иерархия, присутствие руководителя (или руководителей) организации, обязательная для всех членов общества программа действий, согласованность в выборе методов. Судя по выступлениям присяжных поверенных, далеко не все обстоятельства политических процессов второй половины XIX в. соответствовали наличию подобных признаков, что не давало защитникам возможности, с одной стороны, характеризовать тайные сообщества титулом «революционные», а с другой – и вовсе говорить о существовании таковых.

¹ ГА РФ. Ф. 112 (Особое присутствие Сената для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 799. Л. 199. Д. 800. Л. 62.

² Там же. Д. 797. Л. 127 об. – 128

Библиографический список

1. Берег. 1880. № 37 (23 апреля).
2. Вечерняя газета. 1877. № 87 (31 марта).
3. Голос. 1878. № 227 (18 августа).
4. Голос. 1879. № 248 (8 сентября).
5. Новое время. 1880. № 1530 (2 июня).
6. Правительственный вестник. 1871. № 165 (13 июля); № 166 (14 июля).
7. Русские ведомости. 1878. № 212 (21 августа).
8. Русский мир. 1878. № 222 (16 августа).
9. Современность. 1880. № 99 (11 июня).
10. Спасович В.Д. Соч. Судебные речи (1875–1882). СПб., 1894. Т. VI.

М.Б. Шматова**«Набат» П.Н. Ткачева
в полемике с эмигрантскими изданиями
«пропагандистов» и «анархистов»**

Статья посвящена сравнению программ трех направлений в русском народническом движении 1870-х – начала 1880-х гг., изложенных на страницах эмигрантской прессы: в журналах П.Л. Лаврова «Вперед!», М.А. Бакунина «Община» и «Работник», П.Н. Ткачева «Набат». В статье выявляется отличие позиций по тактическим вопросам в революции редактора бланкистского «Набата» П.Н. Ткачева от взглядов П.Л. Лаврова и М.А. Бакунина.

Ключевые слова: народничество, социализм, революционное движение, пропагандисты, анархизм, русский бланкизм, журнал «Набат», журналы «Вперед!», «Община», «Работник».

Идеологи русского народничества 1870-х гг., как известно, расходились во взглядах на тактику борьбы за социализм, что отразила эмигрантская пресса этого периода – журнал П. Лаврова «Вперед!», издания анархистов, приверженцев учения М. Бакунина, «Работник» и «Община», «Набат» П. Ткачева. Последнему принадлежала особая роль.

Публицистика «Набата» привносила новые «заговорщические» акценты в теорию общинного социализма, обострив внутренний спор в среде русской революционной эмиграции.

В исследовательской литературе не предпринималась попытка сравнительного анализа «программной» публицистики «Набата» с другими популярными в революционной среде изданиями. В трудах Б.М. Шахматова, Е.Л. Рудницкой поставлены другие задачи, касающиеся мировоззрения основоположника русского бланкизма. Исследование И.С. Вахрушева дает обзорное, без сравнительного контекста, представление об органах эмигрантской прессы. В новейшей историографии предложен вывод о том, что между тремя направлениями русской революционной мысли не было «принципиальных разногласий в определении целевой направленности эволюции общества» [3, с. 114]. Разногласия в тактических вопросах, по мнению автора, вызывались «изменением обстановки в стране и необходимостью определения конкретных форм деятельности в конце 1870-х гг.» [Там же, с. 115]. Такая констатация подчеркивает необходимость сопоставления программных материалов указанных изданий, что позволит глубже проникнуть в сущность идеологических установок «Набата», в мотивацию тактики заговора.

В прессе пропагандистского направления, воплотившей взгляды П. Лаврова, программа борьбы за социализм в России фокусировалась в русле таких вопросов, как роль интеллигенции, народа и партии в революционном процессе. Для Лаврова личность в истории – это «сознательный преобразующий элемент, движущая сила развития цивилизации» [Там же, с. 97]. Главная роль здесь принадлежит интеллигенции. Это некий накопитель знаний, но получить эти знания она могла только благодаря труду и самопожертвованию народа, поэтому и находится в неоплатном долгу перед ним. Отсюда следовал вывод о пропагандистской миссии интеллигенции, которая «должна приложить все силы для его просвещения и, тем самым, усилить сознательный элемент в жизни общества» [Там же]. Таким образом, главной движущей силой революции у Лаврова становится интеллигенция, осознавшая коренные потребности крестьянина. Но эту роль она может выполнить при условии саморазвития. Общественный прогресс представлялся Лаврову как «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении» [4, с. 54].

По мнению Лаврова, не все могут быть деятелями будущего. Он формулирует тезис о «критически мыслящей личности». Это люди, которые активно готовят себя к революционной борьбе. В своем развитии эта борьба проходит три этапа. Задача первого – пропаганда идей в массах, время, когда ради своих убеждений революционеры готовы

пойти в тюрьмы, ссылки, пройти страдания и даже принять смерть. Второй этап – появление в народе деятелей, способных к объединению всех усилий. На третьем этапе должно произойти их объединение в партию [3, с. 98].

У Ткачева образ революционера также воплощает в себе лучшие умственные и нравственные силы общества, но для другой цели. Если он ими не обладает, то не в состоянии обладать и властью. Ткачев объясняет, что при отсутствии умственного фактора власть оказывается совершенно бессильной в борьбе с грубой материальной силой – первоосновой любого общества. Ткачев учил будущих революционеров, как им обратить свою умственную и нравственную силу в силу материальную. В этом для него и заключалась истинная революция. Если умственная сила изолирована от материальной, то это может привести только к мирному прогрессу, который губителен для революции. Для того, чтобы преобразовать нравственную силу в материальную, необходимо захватить власть и трансформировать консервативное государство в государство революционное. Отрицать это – значит остаться бессильным и безоружным, считал Ткачев.

Принципиальным отличием взглядов Ткачева от взглядов Лаврова является, таким образом, предназначение революционера. У Лаврова он, прежде всего, источник просвещения народных масс, у Ткачева – человек, который готов совершить для них революционное действие – захват власти. Совпадение их взглядов заключается только в том, что революционер должен обладать высокими нравственными и умственными качествами.

Лавров предполагал, что победить «корпоративную структуру российского государства может только более сплоченная корпорация единомышленников». Так он подходил к теме создания партии. Партийная организация – это некий переходный мостик между «интеллектуальной элитой общества и молчаливой народной массой. Ограничиваться узким партийным кругом нельзя. Она будет существовать только при условии поддержки широкими слоями населения, интеллигенцией, несущей народу свет знаний, и народом, ради которого и должна произойти революция» [Там же, с. 98]. По мнению Лаврова, народ нельзя отстранять от революционной деятельности, т.к. все, что делает революционер, он делает, прежде всего, для народа. Значит, его революционная деятельность должна проходить «вместе с народом». Относительно принципов организации партии Лавров считал, что для установления истины в партийной среде необходимы дискуссии и полемика. Он предупреждал: «А если идея от уступок потеряла все свое содержание, то партия утратила смысл,

дела у нее никакого нет и спор идет лишь о личном преобладании. На их знамени написаны слова, которые когда-то обозначали истину и справедливость, а теперь ничего не обозначают. И будут они тысячу раз повторять эти слова. И поверит им молодежь, влагающая в эти слова свое понимание, свою душу, свою жизнь. И разуверится она в своих предводителях и в своих знаменах. И потащат ренегаты по грязи вчерашнюю святыню. Старая же партия, пожертвовавшая всем для победы, может быть, и не победит, а, во всяком случае, окаменеет в своем бессодержательном застое» [5, с. 423–424].

Партия должна быть основана на принципах демократического централизма. Низовые структуры добровольно передают полномочия центру и в своей конкретной деятельности полностью подчиняются ему, сохраняя при этом свободу дискуссии по принципиальным вопросам. Однако создание партии – это не самоцель для Лаврова, для него главным было создать «коллектив личностей», которые могут решать все поставленные перед ними задачи [3, с. 101]. Ткачев и здесь не согласен с Лавровым. Он считал, что только строгая централизация и полное отсутствие инакомыслия позволит революционной партии подготовить и осуществить революцию.

Мысль о революционной организации присутствует и в программе «Набата». По мнению Ткачева, прежде чем осуществить революцию, необходимо захватить власть и сделать это можно и должно через заговор, что по силам лишь дисциплинированной организации революционеров. Строгая централизация власти и децентрализация революционных функций – вот непреложные условия, благодаря которым можно осуществить заговор. Такая организация способна удержать власть в своих руках и подавить сопротивление консервативных и реакционных элементов общества. Нельзя в этом случае обойтись и без поддержки народа. Ему Ткачев отводил в своей концепции следующую роль: именно народ должен доделать то, что подготовит революционер. Связь народа и революционеров должна быть тесной. Только это обеспечит заговору гарантированный успех [6, с. 115]. Целевая установка для деятельности партии революционного меньшинства все та же – захват власти.

Сближение интеллигентов-революционеров с народом, по Лаврову, произойдет не сразу, а постепенно. Он делал ставку на то, что в процессе пропагандистской работы «критически мыслящих личностей» будет расти недовольство существующим порядком. «Страдания умножаются, происходят местные взрывы, легко подавляемые. Правительство и господствующие классы прибегают к паллиативам и к полумерам для

облегчения слишком явных страданий и к уменьшению полицейского надзора и карательных мер». Но эти меры оказываются недостаточными и, соответственно, «путь мирных реформ для общества невозможен». Все эти полумеры правительства – это «недостаток умственного и нравственного развития в господствующих и руководящих личностях и группах». В конечном результате это «ведет к неизбежному кровавому столкновению». В истории так уже происходило не раз, когда старые формы государственности «не поддавались под напором развития мысли», но «распадались... под взрывами революций» [4, с. 66, 67, 73].

По мнению Лаврова, революция необходима и он понимает, что цена ее будет очень высока. К тому же часто оказывается, что изменения, которые ожидают от революции, не происходят, а преобразования ограничиваются «лишь заменой одной господствующей группы другой, массы же, к улучшению положения которых стремятся искренние революционеры и силами которых революции совершаются, очень мало выигрывают от переворота». И все-таки они выигрывают, если не сразу, то в перспективе, отказываясь от отжившего прошлого и в надежде на лучшее будущее. Для Лаврова было очевидным, что поскольку «хронические страдания масс при сохранении прежнего строя иногда далеко превосходят все вероятные страдания революции, то приходится самым мирным, но искренним реформаторам обращаться в революционеров» [4, с. 67]. Для Ткачева также приемлем только революционный путь.

Лавров подчеркивал, что революцию надо готовить. Для подготовки «революционного меньшинства» необходимы не только научные знания, но и знания о «народных потребностях». Когда «течение исторических событий укажет саму минуту переворота и готовность к нему народа русского, можно считать себя вправе призвать народ к осуществлению этого переворота» [4, с. 67].

В отличие от Лаврова, Ткачев считал, что ждать наступления подходящего момента не стоит. Подготавливать революцию, говорит Ткачев в своей программе, – это не дело революционера. Ее готовят «эксплуататоры – капиталисты, помещики, попы, чиновники и др. [6, с. 3]. Революционер не подготавливает, а делает революцию.

Если главным постулатом в теории Лаврова была роль «критически мыслящей личности» как пропагандистского ресурса в подготовке социалистической крестьянской революции, то Бакунин и его приверженцы сконцентрировались на критике государства и необходимости его уничтожения народной революцией. Ткачев иначе подошел к оценке государства.

С точки зрения идеолога русского анархизма, корень народных бедствий находится в самой идее государства: «Государство есть зло, но зло исторически необходимое, столь же необходимое в прошлом, как рано или поздно будет необходимо его полное уничтожение» [1, с. 17]. Главная цель революционной деятельности, по Бакунину, – уничтожение государства и замена его самоуправляющейся свободной федерацией «индивидуумов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних в Соединенные Штаты сперва Европы, а затем всего мира» [Там же, с. 53].

Для редактора «Набата» антиэтатистские рассуждения Бакунина и их ретрансляция на страницах «Работника» и «Общины» стали информационным поводом, который он использовал, выстраивая свою позицию в отношении государства и его будущего. Ткачев не считал государство злом, более того, он полагал, что на первых этапах становления новой власти оно даже необходимо. По его мысли, после того как революция-разрушительница утратит свою власть, тогда, опираясь на Народную Думу и широко используя пропаганду, революционное государство должно перейти к следующему этапу – к социальной революции, осуществляя ряд социальных мер. Это постепенное преобразование современной крестьянской общины, основанной на принципе временного частного владения, в коммуну; экспроприация орудий производства и передача их в общее пользование; постепенное введение общественных учреждений, которые устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктами и изменили бы принципы буржуазной справедливости на принципы братской любви и солидарности; устранение всякого неравенства между людьми при посредстве обязательной системы общественного (одинакового для всех) интегрального воспитания в духе любви, равенства и братства; уничтожение существующего института семьи, основанного на принципе подчиненности женщины, рабства детей и эгоистического произвола мужчины. Но в перспективе разовьется общинное самоуправление при постепенном ослаблении и упразднении центральных функций государственной власти [6, с. 4].

Только в этом случае, по мнению Ткачева, можно было достичь тех условий, при которых государство со временем исчезнет само собой. Отсюда следует: Ткачев не отрицал мысль об упразднении государства и укоренении форм общественной самоорганизации, но рассчитывал прийти к ним через государственное регулирование социальных отношений в постреволюционный период.

Бакунисты радикальным отрицанием государства отрицали и необходимость политической борьбы, т.е. борьбы за власть. Бакунин считал

вредным участие революционеров в политической борьбе, т.к. народ за свою многовековую историю выработал идеалы свободы, идентичные социализму. В таких условиях политическая борьба не нужна, а необходимо перейти «прямо к организации всенародного бунта». Сама по себе революция должна быть «стихийной, или народно-социальной». Другая революция, по мнению Бакунина, «бесчестна, вредна», она принесет «новую нищету и новое рабство» [2, с. 538]. Для того чтобы организовать народное выступление, необходимо «связать лучших крестьян всех деревень, волостей, передовых людей, естественных революционеров между собой, и там, где возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством». Главная цель деятельности революционеров заключается в том, чтобы объяснить народу задачи революции и не дать утихнуть бунтарскому пылу, создать «чувство и сознание действительного единства» [1, с. 53]. При этом Бакунин не отрицал значения деятельности тайного общества, поставившего себе целью возбуждение, сплочение и организацию народных сил [2, с. 539]. По его мнению, организация революционеров должна объединить «самых умных, самых страстно непоколебимо и неизменно преданных людей, которые, отрешившись, по возможности, от всех личных интересов и отказавшись один раз навсегда, на всю жизнь, по самую смерть, от всего, что прельщает людей, от всех удовлетворений тщеславия, чинолюбия и славолубия, были бы единственно и всепоглощены единою страстью всенародного освобождения; людей, которые отказались бы от личного исторического значения при жизни и даже от исторического имени после смерти». Бакунин предполагал создать организацию из 50–60-ти человек. Это должен быть штаб революции, выполняющий роль посредника «между народным инстинктом и революционной мыслью» [Там же, с. 546, 550]. Бакунин не хотел, чтобы революционер навязывал народу программу анархистов. Он стремился только разбудить в русской общине стремление к свободе и объединению, отводя первостепенное место революционной агитации. Тайная организация, по Ткачеву, – это подготовка захвата власти путем «заговора». В противовес анархистским сентенциям, он считал, что революцию совершит не народ, а, как отмечалось выше, «революционное меньшинство» [6, с. 5]. Другое дело, что революционный пыл народных масс можно и необходимо подстегивать, стимулируя их к активным антигосударственным действиям. В этом просматривается сходство позиций «Набата» и анархических изданий.

Сопоставляя программные установки «Набата» и прессы пропагандистов и анархистов можно ясно увидеть наличие как сходства, так и раз-

личий в понимании средств социалистического переустройства России. Сходство обусловлено прочной приверженностью идеалу социализма путем революции. По тактическим вопросам мы видим общую мысль о роли тайной организации революционеров (партии), признание значимости революционной пропаганды и агитации и контактов радикально настроенной интеллигенции с народом.

Различия вызваны тем обстоятельством, что Ткачев придавал перво-степенное значение активной политической борьбе и пропаганде тактики заговора как главного механизма для достижения цели революционного движения. Такая установка побуждала редактора «Набата» минимизировать роль народа в революции и абсолютизировать роль государства как диктатуры партии революционного меньшинства. В полемике по ключевым вопросам тактики революционной борьбы за социализм в России позиция «Набата» была исключительно конфронтационной и непримиримой по отношению и к «пропагандистам», и к анархистам. Ткачев игнорировал некоторую общность их подходов в оценке роли интеллигенции, революционной партии и народных масс. «Вперед!» Лаврова и бакунистские издания также отвергали программу бланкистского «Набата» Ткачева. Журнальная полемика углубила внутреннюю разобщенность идеологов русского народничества и их приверженцев.

Библиографический список

1. Бакунин М.А. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1934.
2. Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989.
3. Зверев В.В. Русское народничество. М., 2009.
4. Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М., 1965.
5. Лавров П.Л. Избр. соч. Т. 4. М., 1934.
6. Ткачев П.Н. Программа журнала // Набат. Пробный номер. Женева, 1875.

А.И. Юрьев

Расхождение подходов эсеров и большевиков к политическому развитию России весной 1917 г.

В статье рассказывается о нарастании разногласий партий эсеров и большевиков в их взглядах на дальнейшее политическое развитие России в период от Февральской революции до лета 1917 г.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, эсеры, большевики, меньшевики, социал-демократы, кадеты, Временное правительство, Советы депутатов, свержение, демонстрация, собрание.

Характерно, что первое время после Февральской революции социалистические партии работали в тесном контакте, совместно решая все возникающие вопросы. Причем среди социалистов-революционеров (эсеров) были сильны объединительные тенденции в первую очередь с социал-демократами.

Уже 6 марта на собрании социалистов-революционеров в Нижнем Новгороде отмечалась необходимость «во всех выступлениях проводить по возможности единение с товарищами – социал-демократами» [2, 23 марта].

На собрании костромских эсеров 12 марта было признано необходимым по отношению к другим социалистическим партиям «выдвигать на первый план то, что объединяет, а не то, что разъединяет, и стремиться к соглашениям, особенно с социал-демократами при совместной работе с ними среди пролетариата» [Там же, 6 апреля].

Московская конференция Партии социалистов-революционеров, проходившая в марте, приняла специальную резолюцию по объединению социалистических партий. В ней отмечалось, что революция ликвидировала целый ряд теоретических разногласий между Партией социалистов-революционеров и Социал-демократической партией и что обе партии, руководствуясь классово-социалистической точкой зрения, опираются в своей политической работе, хотя и не в одинаковой степени, на одни и те же общественные группы – пролетариат и трудовое крестьянство. Подчеркивалось, что общность рабочей и близость положений аграрной программы являются несомненным фактом, поэтому открытое существование обеих партий, кровная связь их с политической организацией

пролетариата – Советами рабочих депутатов – и совместная там работа толкает к более тесному сближению. Говорилось, что борьба врозь при общности задач и представляемых интересов ведет к несомненной расстрате и раздробленности сил. В связи с этим конференция считала, что создание единой социалистической партии в России отвечало бы и принципам интернационального социализма, и заветным желаниям трудящихся масс. Отсюда делался вывод, что конференция «признает необходимым сближение обеих партий и приветствует все практические шаги в этом направлении» [2, 28 марта].

Об этом же шла речь и в городе Рыбинске Ярославской губернии, где организационное собрание эсеров высказалось за объединение местных социалистических организаций [Там же, 18 апреля].

Объединительные тенденции были сильны и среди социал-демократов. В Петрограде, в начале апреля 1917 г., прошло заседание представителей различных течений социал-демократии по вопросу об объединении. На нем присутствовали члены центральных органов большевиков, меньшевиков и национальных социал-демократических партий, редакций газет «Правда», «Рабочая газета», «Единство», думской фракции социал-демократов всех созывов, исполкома Петросовета, представители Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов и другие. После продолжительных прений подавляющим большинством при трех воздержавшихся представителях ЦК партии большевиков было признано «насушной необходимостью» созвать объединительный съезд социал-демократических партий, в котором должны принять участие все социал-демократические организации России. Для подготовки данного съезда было избрано бюро, в состав которого вошли представители от организаций и органов, принявших участие в заседании, в том числе и от ЦК партии большевиков [Там же, 6 апреля].

Однако ситуация резко изменилась после приезда в Россию из эмиграции Ленина. Его «Апрельские тезисы» стали документом, во многом определяющим дальнейший ход развития революционного процесса в стране. В них Ленин обосновал необходимость перехода к социалистической революции, передачи всей власти Советам рабочих депутатов, установления диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, разоблачения политики Временного правительства и оборонческих настроений. Все это он видел в контексте мировой революции и, говоря, например, о войне и о России после Февраля 1917 г. как о самой свободной стране из всех воюющих государств, отмечал, что «на нас ложится поэтому ответственность перед всем международным пролетариатом» [4, с. 103].

Ленин выступил с резкой критикой объединительных тенденций в России, объединения с оборонцами, говоря, что это «предательство социализма» [4, с. 112]. Эсеровская партия была названа среди некоторых других как входящая в блок «всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов...» [Там же, с. 114–115]. Несмотря на то, что в «Апрельских тезисах» речь шла о мирном развитии социалистической революции, многими эти тезисы были восприняты как призыв к гражданской войне в среде революционной демократии.

Прошедшая 24–29 апреля VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) поддержала тезисы Ленина и заявила, что начинает борьбу за осуществление в России социалистической революции. Однако уже здесь некоторые большевики, в первую очередь, Рыков, выступили против перехода к социалистической революции, говоря о неготовности, незрелости России. Апрельская конференция взяла курс на разрыв с другими социалистическими партиями, не поддерживающими политику большевиков. В резолюции конференции, написанной Лениным, говорилось, что партии социалистов-революционеров и меньшевиков перешли на позицию революционного оборончества, проводят политику в интересах мелкой буржуазии и «развращают пролетариат буржуазным влиянием», внушая ему мысль о возможности изменить политику Временного правительства путем соглашений, это является «главным препятствием к дальнейшему развитию революции...». Конференция постановила «признать объединения с партиями и группами, проводящими эту политику, безусловно невозможным». Сближение и объединение признавалось необходимым только с теми, кто стоял «на почве интернационализма» и «на основе разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму» [Там же, с. 429].

В свою очередь, эсеры и меньшевики, выступая за единство всех социалистических партий, характеризовали политику большевиков как политику скороспелых шагов и авантюризма.

В апреле произошли и другие события, способствовавшие расхождению эсеров и меньшевиков с большевиками. 18 апреля союзникам России была направлена декларация Временного правительства о целях войны, принятая еще 27 марта, в которой подтверждалось участие России в войне до победного конца. По настоянию исполкома Совета из этой декларации были убраны фразы, которые говорили о российских территориальных претензиях к противникам в войне. Министр иностранных дел России кадет Милюков считал, что, получив такую декларацию, союзники могут понять отказ России от обещанных ей территорий за намерение выйти из

войны. Поэтому к декларации была приложена нота, написанная Милюковым и одобренная Временным правительством, в которой подтверждалось, что оно будет выполнять перед союзниками все обязательства, принятые прежним режимом. Это подразумевало и территориальные претензии России к воевавшим против нее государствам.

Нота Милюкова явилась полной неожиданностью для Петроградского Совета и социалистических партий. Поскольку, поддерживая лозунг войны до победного конца (против него выступали только большевики), они в то же время считали, что трудящиеся всех государств объединены общим интересом свергнуть «правящий класс» и поэтому надо вести борьбу с захватническими стремлениями правительств всех стран и заключить справедливый мир без аннексий и контрибуций. Большевики, выступая против войны до победного конца и требуя прекращения ее немедленно, также говорили о справедливом мире без аннексий и контрибуций. 20 апреля в Петрограде начались митинги протеста, на которых выступали с осуждением ноты эсеры, большевики, меньшевики, состоялась демонстрация вооруженных солдат. Петросовет призвал все воинские части, фабрики и заводы воздержаться от демонстраций и ждать решения Совета.

21 апреля кадеты опубликовали воззвание своей партии к населению, где говорили о поднявшей голову анархии, требующей отставки Милюкова, с которым согласно все правительство, и призывали граждан выразить одобрение правительству и спасти страну от анархии. Эсеры и меньшевики расценили это воззвание как провокацию, поскольку, как они считали, оно явно имело стремлением разжечь гражданскую войну. В свою очередь, Петроградская общегородская конференция РСДРП(б), проходившая в эти дни, приняла решение призвать рабочих и солдат к проведению мирной демонстрации. В то же время часть большевиков считала возможным воспользоваться ситуацией для свержения Временного правительства. На заседании ЦК РСДРП(б) 21 апреля большевики опровергли обвинение в свой адрес в том, что они грозят гражданской войной и призывали к мирным дискуссиям и мирным демонстрациям по отношению к ноте, поддержке той или иной партии, о желательности того или иного Временного правительства [4, с. 310].

Однако в ходе демонстрации 21 апреля Петроградским комитетом партии большевиков был выставлен лозунг немедленного свержения Временного правительства. В конечном счете, это привело к вооруженным столкновениям демонстрантов (часть из которых защищала Временное правительство, а другая – выступала против него), и первым жертвам после Февральской революции. Спустя несколько дней Ленин говорил: «Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не

давать сражения, а ПК [Петроградский комитет] взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление» [4, с. 361]. Однако характерно, что никто из большевиков за это «чрезвычайное преступление» наказан не был.

Демонстрации, организованные большевиками, прошли 21 и 22 апреля также в Москве, Иваново-Вознесенске, Твери, но, как и в Петрограде, поддержки у эсеров и меньшевиков не имели [6, с. 116–117].

Так, в Москве, уже к концу дня 21 апреля группы демонстрантов из некоторых воинских частей и фабрик с красными знаменами направились к центру города. В отдельных местах произошли их столкновения с манифестантами, выступавшими в защиту Временного правительства. Исполком Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, признавая, что серьезность положения требует полной согласованности действий и организованных выступлений, выразил надежду, что рабочие и солдаты гарнизона Москвы покажут свою организованность и воздержатся от выступлений вплоть до особого призыва Совета. Московский комитет партии эсеров в соответствии с постановлениями Петроградского и Московского Советов никаких распоряжений об участии в демонстрациях не давал [2, 22 апреля]. Московский Совет рабочих и солдатских депутатов направил также в Советы губерний телеграммы следующего содержания: «Призываем воздержаться от каких бы то ни было неорганизованных местных уличных выступлений и забастовок» [5, 23 апреля].

22 апреля на собрании Рязанского Совета рабочих депутатов было решено обратиться к населению города Рязани с воззванием, в котором просить «по возможности воздержаться от неорганизованных выступлений без ведома рабочих и солдатских депутатов» [Там же].

Подобную линию вело подавляющее большинство Советов рабочих и солдатских депутатов России.

В этой ситуации позиция, занятая Петроградским Советом, эсерами и меньшевиками, позволила предотвратить дальнейшее силовое развитие событий. Временное правительство, дав объяснения по поводу ноты Петросовету, отправило в отставку Милюкова, военного министра Гучкова и обратилось к Петроградскому Совету с предложением выразить согласие об образовании коалиционного правительства.

Предложение долго обсуждалось в исполкоме Совета и сначала большинство, в том числе и эсеры, было против вхождения в состав правительства¹. Однако в конце концов социалисты-революционеры первыми решили согласиться на это, но при условии вхождения и социал-демократов.

¹ Центральный муниципальный архив г. Москвы (ЦМАМ). Ф. 1772. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

При этом Чернов ставил свое участие в правительстве в зависимости от вхождения в него лидера меньшевиков Церетели¹. Исполком Совета принял решение о включении в состав правительства представителей Совета, который на своем экстренном заседании 2 мая одобрил это решение.

3 мая Московский комитет партии эсеров, рассмотрев на своем заседании вопрос о коалиционном Временном правительстве, нашел допустимым, учитывая политический момент, войти в состав правительства на условиях, выработанных Советом рабочих и солдатских депутатов и Партией социалистов-революционеров совместно с другими социалистическими партиями [9, 5 мая]. Еще раньше, 30 апреля, за создание коалиционного правительства высказалась Центральная областная конференция эсеров [1, с. 87].

После переговоров 5 мая было сформировано новое Временное правительство, второе по счету и первое коалиционное по своему составу, в которое вошли пять представителей социалистических партий. Большевики на заседании исполкома Совета голосовали против участия в коалиционном правительстве. Они заявили, что всякий, кто войдет в правительство, ведущее империалистическую войну, станет соучастником империалистической политики капиталистов, и высказались «самым решительным образом» против посылки Советом рабочих и солдатских депутатов своих представителей в правительство².

Среди министров-социалистов, вошедших в правительство, было два эсера. Пост министра земледелия занял лидер партии эсеров, заместитель председателя Петроградского Совета Чернов. Военным и морским министром стал другой заместитель председателя Петросовета, эсер Керенский. Председателем правительства остался князь Львов.

Известие об образовании коалиционного правительства встретило горячую поддержку и вызвало большие надежды среди различных слоев населения России, членов партии эсеров. Например, на состоявшемся 7–12 мая I съезде Костромского губернского Совета крестьянских депутатов новому Временному правительству было выражено «полное доверие». Все трудовое крестьянство призывалось оказывать ему самую деятельную поддержку, которая бы обеспечила правительству всю полноту власти, необходимую для закрепления завоеваний революции, устранения разрухи и доведения страны до Учредительного собрания³.

¹ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 12. Д. 143. Л. 2.

² Там же. Л. 19.

³ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф.Р.–1317. Оп. 2. Д. 3. Л. 201

Такую же резолюцию приняло 8 мая и объединенное заседание Костромских Советов крестьянских, рабочих и военных депутатов, выразив уверенность, что новое правительство «будет идти вместе с нашими революционными организациями – Всероссийскими Советами Рабочих, Военных и Крестьянских Депутатов» [4, 13 мая].

А Московский Совет рабочих и солдатских депутатов призвал всех рабочих и солдат Москвы теснее сплотиться вокруг Совета, чтобы обеспечить ему возможность оказывать Временному правительству полную и действительную поддержку¹.

Из многих губерний в адрес Чернова, Керенского пришли поздравительные телеграммы. Так, крестьяне Кошкинской волости Алексинского уезда Тульской губернии с собрания представителей селений приветствовали министров-социалистов, присоединялись к земельным требованиям Партии социалистов-революционеров и настаивали на скорейшем созыве Учредительного собрания². Группа эсеров в количестве 300 человек с фабрики г. Гусь-Хрустального Владимирской губернии приветствовала Чернова как «борца, смело взявшего на себя новое дело быть революционным министром», и передавала привет всем министрам-социалистам³.

Свою поддержку «товарищам социалистам, принявшим на себя тяжелое бремя быть революционными министрами», обещали и рабочие одного из заводов этой же губернии⁴. Министров-социалистов приветствовала Костромская военная организация эсеров с верой в то, что они, «являясь истинными выразителями желания всего народа», выведут Россию «из создавшегося тупика»⁵. Приветствия поступили из Москвы, Московской, Рязанской губерний и других мест⁶.

На заседании Всероссийского Совета крестьянских депутатов 8 мая по вопросу об отношении к коалиционному правительству подавляющим большинством была принята резолюция, в которой говорилось, что для охраны и расширения завоеваний революции необходимы решительные меры и организация твердой, пользующейся доверием трудового народа власти, что является одним из условий закрепления свободы. Поэтому

¹ ЦМММ. Ф. 1722. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Там же. Л. 36, 37–39, 53, 54, 57.

Всероссийский Совет крестьянских депутатов считал вхождение социалистов во Временное правительство «шагом совершенно правильным и неотложным», и призывал страну оказывать ему полное доверие и поддержку. Всероссийский Совет признавал министров-социалистов своими представителями в правительстве, ответственными до Учредительного собрания перед Всероссийскими Советами крестьянских, рабочих и солдатских депутатов¹.

Газета «Земля и Воля» 9 мая в статье «Новая задача власти» писала: «Какой бы ни был дальнейший ход русской революции – бурный или спокойный, безболезненный или сопровождаемый острыми столкновениями, все более первостепенное значение в нем получает организация демократии, сплочение трудового народа» [2, 9 мая].

После Апрельской конференции РСДРП(б) обостряется борьба за влияние, в первую очередь, в Советах, между эсерами и меньшевиками, с одной стороны, и большевиками – с другой. Ленин говорил на конференции: «Для нас Советы важны не как форма, нам важно, какие классы эти Советы представляют» [4, с. 344]. В резолюции конференции задачей партии было заявлено, с одной стороны, поддержка революции на местах, которая дает возможность передать всю государственную власть Советам, а с другой – «систематическая борьба внутри Советов (путем пропаганды и их перевыборов) за торжество пролетарской линии; направление всех усилий и всего внимания на рабочую и солдатскую массу, на отделение пролетарской линии от мелкобуржуазной, интернационалистской от оборонческой, революционной от оппортунистической, на организацию и вооружение рабочих, на подготовку их сил к следующему этапу революции» [Там же, с. 430–431].

Безусловно, что влияние Партии социалистов-революционеров, как и всех других партий, ее активность в Советах, других сферах деятельности во многом зависели от ситуации, складывающейся в центре и на местах, наличии авторитетных руководителей, агитаторских кадров и многого другого. К лету 1917 г. даже в пределах любой губернии деятельность эсеровской партии и ее взаимоотношения, в первую очередь, с большевистской партией, имели целый политический спектр.

В том числе, нередко были случаи, когда эсеры и большевики работали в контакте, и, несмотря на возрастающие разногласия, продолжали сообща решать возникающие вопросы, как это было, например, в Кулебаках Нижегородской губернии. Здесь в исполнительном комитете Совета рабочих депутатов преобладали эсеры и меньшевики, а в волостном

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.

исполнительном комитете – большевики. Оба комитета были деятельны, вели большую работу, с единых позиций выступали в решении вопроса об отобрании лугов у управления местного завода¹.

Состоявшийся в Москве 30 апреля VI Совет партии эсеров принял решение о созыве III съезда Партии социалистов-революционеров 25 мая 1917 г. Совет определил максимальный состав съезда в количестве 375 человек с правом решающего голоса и 25 – совещательного. В повестку дня были внесены основные вопросы, волновавшие всю Россию: отношение к войне и Временному правительству, основные принципы нового государственного устройства России, главные задачи социально-экономической политики и другие, всего 16 вопросов [7, 3 мая].

III съезд Партии социалистов-революционеров, представлявший делегатов из 63 губерний России, шести фронтов и флотов, проходил с 25 мая по 4 июня в Москве. Чернов, выступая на нем с докладом о текущем моменте, заявил, что размах русской революции «выдвинул партию на самую авансцену политической жизни». Силу партии эсеров он видел в том, что ей удавалось всегда «нащупать самый бьющийся пульс жизни». Говоря о ее численности, Чернов сказал, что партия выросла «до небывалых размеров», и выразил надежду, что «все важнейшие акты» в дальнейшем пойдут под флагом Партии социалистов-революционеров.

Анализируя ситуацию в стране, лидер эсеров сделал следующий вывод: «Насколько политическое положение России можно считать твердым и крепким с каждым днем, настолько экономическое положение становится все хуже и хуже». Задачу спасения страны он видел, в первую очередь, в решении хозяйственных проблем, финансового и продовольственного вопросов, справиться с которыми можно только «героическими средствами», заключающимися «в организации сверху донизу». Для этого, подчеркивал он, необходимо продовольствие, все хозяйство «взять в руки государства», обеспечив «напряжение всех денежных средств страны». Говоря о войне, Чернов отмечал, что буржуазия «не помогла выйти из кровавого тупика» и «мешает пролетариату ликвидировать эту войну»².

Докладчик выделил два основных противоречия, которые, по его мнению, было необходимо решить России. Первое противоречие заключалось «между тем, что происходит внутри и международном отношении», сможет ли русская революция «перешагнуть национальные рамки или она выдохнется». И учитывая, что на Западе революционный процесс

¹ РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 53. Л. 27.

² Там же. Л. 1–4.

идет не так быстро, говорил о задаче России, «раздувая там этот огонек, у себя внутри продержаться до момента, когда вспыхнет мировая революция». «Второе противоречие, – говорил Чернов, – возрастание требования рабочего класса и неподатливость буржуазии и противоречие между укреплением политического положения и финансовыми трудностями, и это противоречие решится или трудовой демократией, которая справится с хозяйственной разрухой, или мы упадем в пропасть»¹.

Доклад Чернова был общим, кратким, вызвал оживленные прения и вопросы к докладчику. Московский эсер Грибанов дополнил к двум противоречиям, названным Черновым, еще одно, третье противоречие – «отсутствие единства в самой демократии, вынужденной тратить свои революционные силы на борьбу с различными течениями в самой же демократии, с течениями опасными и глубокими для революции»².

В резолюции съезда по текущему моменту, написанной Черновым, говорилось, что война вызвана стремлением буржуазии и правительства всех стран к захвату мировых рынков за счет других государств. А поскольку буржуазия оказалась бессильной ликвидировать эту войну на условиях, обеспечивающих продолжительный мир, то «вывести из этого тупика выпало на долю международной трудовой демократии, которая стремится к преодолению империализма». Поэтому в области внешней политики эсеры видели задачу удаления из войны всяческих захватнических планов и ликвидацию ее совместными действиями мировой демократии. В области внутренней политики Партия социалистов-революционеров ставила задачу закрепления завоеваний революции борьбой с разрухой, которой способствуют «темные силы», и стремлением к тому, чтобы урегулировать «течение распада старых сил с ростом новых организованных сил», при котором бы «распад не опережал созидания». Съезд посчитал необходимым «сосредоточить силы социально-революционной демократии на задачах творческого, созидательного характера», в первую очередь, в организации и укреплении народной революционной власти, в подготовке к земельной реформе через земельные комитеты, в борьбе с развалом армии. Резолюция заканчивалась словами, что Партия социалистов-революционеров «готовится к дальнейшей борьбе в ту мировую эпоху, которой, быть может, суждено быть переходной к водворению социалистического строя»³.

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 9, 10, 14, 15.

Таким образом, от Февраля к началу лета 1917 г. нарастает расхождение партий эсеров и большевиков в их взглядах на дальнейшее развитие революции в России, хотя многое в них имело точки соприкосновения в качестве партий социалистических.

Однако эсеры видели это развитие в осуществлении соглашения всех сил общества, выступая при этом как против радикальных правых, так и против радикальных левых взглядов. Они стояли за свой, «третий путь» развития революции, место которого видели между крайне правым и крайне левым путями, и осуществление социалистических преобразований в интересах подавляющего большинства населения страны.

Большевики, отвергая любые соглашения со всеми, кто не был согласен с их точкой зрения, в том числе с эсерами, стояли за осуществление социалистической революции классовым подходом, в интересах пролетариата и мировой революции.

Библиографический список

1. Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции. Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968.
2. Земля и воля. Москва. 1917.
3. Известия Совета рабочих и военных депутатов. Кострома. 1917.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31.
5. Рязанская жизнь. 1917.
6. Спириин Л.М. Россия. 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987.
7. Труд. 1917.

Р.Ф. Субханкулов

Участие СССР в вооруженных конфликтах у озера Хасан и реки Халхин-Гол: историографический аспект

В статье дан краткий обзор отечественной историографии участия СССР в вооруженных конфликтах с Японией в преддверии Второй мировой войны. Автор показывает, что в советский период были выработаны однозначные оценки причин и итогов событий на Дальнем Востоке. В современной историографии многие казавшиеся незыблемыми положения были подвергнуты пересмотру. При анализе работ историков постсоветского периода можно выделить два подхода: с одной стороны, большинство специалистов рассматривают эти события в общем контексте глобального противостояния сверхдержав накануне Второй мировой войны, делая акцент на экспансионистской внешнеполитической программе Японии, с другой – советско-японские конфликты рассматриваются как приграничные споры, вызванные слабой демаркацией границы или вовсе ее отсутствием.

Ключевые слова: историография, внешняя политика СССР, советско-японские отношения, оз. Хасан, р. Халхин-гол, вооруженный конфликт.

Вооруженный советско-японский конфликт на оз. Хасан произошел в июле-августе 1938 г. Локальная советско-японская война на р. Халхин-Гол началась 20 мая и закончилась победой СССР 10 сентября 1939 г.

В довоенные и послевоенные годы освещением этих событий занимались преимущественно военные специалисты, и делалось это в первую очередь в учебных целях. Для написанных по свежим следам событий работ характерно отсутствие концептуальных обобщений относительно наличия агрессивного глобального замысла со стороны японских милитаристов. Столкновения Красной Армии с японскими войсками у оз. Хасан и р. Халхин-Гол в подобного рода исследованиях оценивались, прежде всего, как имевшие локальный, приграничный характер [1; 13; 16; 44].

Авторы подчеркивали самоотверженность и героизм советских военных, их высокую профессиональную и боевую выучку. Положительной чертой данных исследований можно назвать достаточно подробное изложение проведенных военных операций, а также существовавших тогда взглядов на боевое применение военной техники [46, с. 111].

В послевоенное время лейтмотивом исследований советских авторов по данной тематике стало рассмотрение событий у оз. Хасан и р. Халхин-Гол в общем контексте подготовки и реализации широкомасштабных экспансионистских замыслов японских милитаристов в отношении СССР и Монгольской Народной республики. Основы концептуализации этой темы были заложены И.В. Сталиным, который в обращении к советскому народу 2 сентября 1945 г. по поводу победы в войне с Японией высказал ряд соображений относительно всего периода японо-российского соперничества. Высказанные им принципиальные положения затем не могли не учитываться авторами публикаций, научных трудов и исследований по теме японо-советских отношений 1920–40-х гг.

Важное значение для осмысления темы имела работа советских исследователей, проделанная при подготовке к Токийского процессу 1946 г. над главными японскими военными преступниками: по специальному заданию ЦК ВКП(б) Министерство иностранных дел СССР, Генеральный штаб Советской Армии, МГБ, Прокуратура СССР, а также различные научно-исследовательские институты подготовили многие десятки справок, документов и карт. Эти материалы были обобщены и изданы в виде отдельных книг [6; 35].

Следующим этапом в изучении темы стали работы послесталинского периода. Наиболее значительным исследованием внешнеполитических оснований советско-японских конфликтов в 1960-е гг. стали исследования Л.Н. Кутакова [23]. Высказанные им оценки и заключения подтверждали установившуюся к тому времени трактовку, объясняя причины напряженности в отношениях СССР и Японии в 1935–1939 гг. агрессивной и империалистической сущностью японской правящей клики. Действия советской стороны под Хасаном и Халхин-Голом трактовались как вынужденные, но необходимые, имевшие своей целью защитить от японских поползновений территорию как СССР, так и МНР. Именно демонстрация советской силы, с одной стороны, и осознание своей слабости – с другой, по мнению Л.Н. Кутакова, являлись причинами, заставившими японское руководство отложить планы нападения на Советский Союз.

Советские историки 1970–80-х гг., в целом, развивали аргументацию в пользу агрессивности Японии, особым образом уделяя внимание планам нападения на Советский Союз. Постепенно, в связи с тогдашней внешнеполитической ситуацией, особую актуальность приобрели усилия советских исследователей обосновать с помощью исторической аргументации правомерность владения Советским Союзом Курильскими островами [7; 8; 22; 24; 32; 34; 40; 41; 48].

М.В. Новиков, В.Я. Сиполс, А.М. Самсонов и другие трактовали бои у оз. Хасан и р. Халхин-Гол как реализацию общей внешнеполитической стратегии Японии, нацеленной на отторжение от СССР Дальнего Востока [15, с. 210; 30; 39, с.149–151]. При этом подчеркивалась роль мировых держав в разжигании агрессивных намерений Японии в отношении Советского Союза [30; 38, с. 509].

Отдельные сюжеты, раскрывающие деятельность войск ОГПУ–НКВД (они охраняли и прикрывали советскую границу), были освещены на страницах периодической печати, среди которых можно отметить такие газетные и журнальные издания, как «Красная звезда», «Войсковой вестник», «На боевом посту», «Защитник Родины», «Военно-исторический журнал», «Пограничник», «Проблемы Дальнего Востока», «Начеку» и другие [10, с. 83; 20, с. 90–95; 28].

При оценке итогов столкновений в первую очередь отмечалось, что победа на оз. Хасан и р. Халхин-Гол имела широкий международный резонанс, продемонстрировав всему миру мощь Советского Союза [14, с. 236–245; 15, с. 220; 39, с. 152; 30; 36, с. 169].

Общим для работ середины 1950-х – конца 1980-х гг. являлось стремление подчеркнуть руководящую роль коммунистической партии. При этом существовавший идеологический контроль, а также отсутствие доступа к засекреченным материалам архивов не давали возможности предложить иную картину участия советских войск в конфликтах с Японией в конце 1930-х гг.

Следует обратить внимание также на тот факт, что общая тональность советских исторических трудов нередко довольно эмоциональна. «Наглая провокация японской военщины», «разбойничьи планы агрессора», «японский спрут с протянутыми щупальцами» – эти и другие формулировки позволяют говорить о несомненной пристрастности авторов, которые при проведении собственно исторического исследования не отказывались от субъективного взгляда на описываемые события [3; 4; 5, с. 120; 29; 49, с. 172, 198].

Можно утверждать, что советская историография выработала однозначные оценки в том, что касается причин и итогов вооруженных конфликтов на оз. Хасан и р. Халхин-Гол. Позднее, в постсоветский период развития историографии, многие казавшиеся незыблемыми положения будут подвергнуты пересмотру (ревизии) вплоть до полного их отрицания.

При анализе работ историков, опубликованных уже в постсоветский период, можно выделить два подхода.

С одной стороны, большинство специалистов, такие как В.С. Мясников, В.П. Зимонин, А.В. Шишов, А.П. Деревянко, А.А. Кошкин и другие,

оценивают события с позиций, вполне вписывающихся в рамки традиционной парадигмы, подразумевающей рассмотрение конфликтов как спланированных агрессивных акций Японии против Советского Союза. В литературе подчеркивается, что события на оз. Хасан и р. Халхин-Гол явились логическим следствием оккупации Японией Маньчжурии и создания марионеточного государства Маньчжоу-Го [9, с. 5; 11, с. 11; 19, с. 13; 21, с. 9; 22, с. 16; 32, с. 3; 42, с. 13; 43, с. 36; 47, с. 429]. Что касается Советского Союза, то историками данного направления указывается, что советское руководство не стремилось к войне с Японией. При этом подчеркивается, что агрессивные действия японской стороны необходимо рассматривать в общем контексте международной обстановки 1930-х гг. и дипломатической игры ведущих мировых держав [9, с. 16; 22, с. 53–54; 43, с. 37–38, 48; и др.].

Так, академик В.С. Мясников связывает обострение советско-японских отношений в конце 1930-х гг. с активной поддержкой, оказываемой Кремлем Китаю в борьбе против японской агрессии. Он обращает внимание на хронологическое совпадение подписания советско-китайских кредитных соглашений 1938 г. с провокацией у оз. Хасан, а также на то, что в 1939 г. начало конфликта на Халхин-Голе последовало сразу же за подписанием советско-китайского торгового договора [26, с. 90]. «Провокация у озера Хасан, – указывает В.П. Зимонин, – была предпринята японцами с двумя основными политическими целями: попытаться силовым воздействием принудить Советский Союз отказаться от помощи Китаю и успокоить западные державы, продемонстрировав им свою враждебность СССР» [11].

Однако не все историки трактуют события в рамках вышеизложенной парадигмы. Во многих работах, написанных в постсоветский период, конфликты на оз. Хасан и р. Халхин-Гол рассматриваются в первую очередь как приграничные споры. В.Э. Молодяков, К.Е. Черевко, С.Г. Осьмачко, В.А. Невежин и др. расставляют акценты таким образом, чтобы события у оз. Хасан и р. Халхин-Гол выглядели пограничными конфликтами, происходившими от слабой демаркации границы или вовсе ее отсутствия [18, с. 22–23; 27, с. 115; 37, с. 251–287;].

Особенно ярко данная линия проявляется в работах В.Э. Молодякова, который открыто заявляет о своей принадлежности к так называемой «ревизионистской» школе в историографии, оппозиционной «генеральной линии». Так, в предисловии к книге «Россия и Япония: поверх барьеров» он отмечает, что «в книге нет привычных для официальной историографии схем “хорошие парни-плохие парни”, когда победители по определению “хорошие и справедливые”, а проигравшие – “плохие

и преступные». В этом отношении я следую линии ревизионистской историографии, сложившейся в 1920-е гг. в США и Германии... Мне близка свобода от идеологических схем и от мифов «политически корректной» пропаганды, возлагающей всю полноту ответственности на проигравших, которые уже не ответят, и обеляющей победителей, которые предпочли бы не отвечать на неприятные вопросы...» [25, с. 4].

Отметим, что декларируемая Молодяковым свобода означает отказ от следования именно «советским мифам» и подразумевает, в сущности, переход на позиции японской стороны, которая уже в период конфликтов настаивала на своем миролюбии, а свои военные мероприятия в Маньчжурии и Китае представляла как оборону против «мирового коммунизма». В послевоенное время такой подход был усвоен официальной японской историографией. С точки зрения задач нашего исследования важно учесть, что подобный пересмотр предполагает, так или иначе, ревизию решений Токийского процесса 1946 г., которые объявляются «судом победителей» и делигитимизируются.

Характерным является изложение истории конфликта на Халхин-Голе в коллективной монографии «К 70-летию начала Второй мировой войны», изданной под ред. А.Н. Сахарова. Автор соответствующего раздела, Т.С. Бушуева, рассматривает столкновение СССР и Японии на Дальнем Востоке как проявление «мирового соперничества», в котором Советский Союз, подобно Японии, Англии и США, преследовал цель «получить в самоличное пользование китайские рынки и морские пути, ведущие в Китай, а также опорные пункты и порты в Тихом океане» [2, с. 85]. Советскому руководству приписывается также стремление к «обладанию северной Маньчжурией», которая наряду с Монголией якобы рассматривалась в Кремле как плацдарм для распространения своего влияния на Китай [Там же, с. 84]. Эти утверждения, правда, выглядят довольно экстравагантно на фоне работ историков, всерьез изучавших этапы советско-японского противостояния.

В концентрированном виде ревизионистская позиция выражена, например, С.Г. Осьмачко. Последний утверждает, что конфликт с Японией возник на почве «приграничных территориальных споров, которые принципиально поддавались мирному разрешению, но только в случае принципиальной готовности к тому сторон. К сожалению, такой готовности не наблюдалось; для обеих стран пограничный конфликт являлся желаемой пробой сил» [31, с. 16].

В работах данного направления ставится под сомнение не только природа конфликтов на Хасане и Халхин-Голе, но и сам характер действий Японии в отношении Советского Союза. Ответственность за

столкновение возлагается на сталинское руководство, заинтересованное якобы в «пробе сил» [17; 25, с. 248–249; 45, с. 12–14]. Что касается показаний свидетелей обвинения на Токийском процессе, то им отказывается в доверии [25, с. 250–251; 45, с. 47]. При этом один из ключевых документов, на котором традиционно строилось доказательство агрессивных замыслов Японии, «меморандум Танаки», объявляется фальшивкой.

Таким образом, в литературе ревизионистского направления предпринимаются усилия скорректировать традиционную версию событий таким образом, чтобы снять с Японии ответственность за напряженность в двусторонних отношениях, или, по крайней мере, разделить ее между Японией и Советским Союзом. Аргументация данной группы авторов основана на отрицании наличия у Японии широкой экспансионистской программы в отношении советского Дальнего Востока и рассмотрении конфликтов у оз. Хасан и р. Халхин-Гол как пограничных инцидентов, связанных исключительно с неопределенностью советско-маньчжурской и монголо-маньчжурской границы.

Для современной литературы характерно внимание к тем страницам истории, которые в силу ряда причин (прежде всего, из-за недоступности документов) не могли быть освещены в советское время. Это относится, в частности, к проблеме морального состояния бойцов и командиров Красной Армии. Отмечается наличие определенных сложностей, связанных с недостаточной готовностью новобранцев к участию в военных действиях и проявлением «упаднических» настроений [47, с. 499].

В том, что касается политических итогов конфликтов на оз. Хасан и р. Халхин-Гол, то сторонники традиционной линии отмечают, что демонстрация советского военного превосходства сыграла ключевую роль в изменении направления экспансии Японии [9, с. 49; 11, с. 11; 32, с. 46; 33].

Историки-ревизионисты, напротив, связывают переориентацию внешнеполитического курса Японии прежде всего не с военной победой советских войск на Хасане и Халхин-Голе, а с изменением политического климата и новым дипломатическим раскладом в Европе летом-осенью 1939 г. Заключительный этап операции разворачивался на фоне германо-советских переговоров и заключения пакта «Молотова–Риббентропа». В связи с этим утверждается, что именно этим фактом в большей степени обусловлены итоги конфликта на Халхин-Голе, нежели успехами советской армии [25; 45].

Современный российский ревизионизм имеет не только сторонников, но и противников. Обе стороны имеют в своих руках серьезные

аргументы, которые невозможно игнорировать. Поэтому стоит предполагать, что для отечественной историографии тема конфликтов у оз. Хасан и р. Халхин-Гол еще далеко не исчерпана, и следует ожидать появления новых содержательных трудов об этих событиях советской истории.

Библиографический список

1. Болдырев Г.И. Японские милитаристы провоцируют войну. М., 1938.
2. Бушуева Т.С. Очаг военной опасности на Дальнем Востоке. Боевые действия в районе реки Халхин-Гол // К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2009.
3. Войска ПВО страны. М., 1968.
4. Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1961.
5. Гайдук Н. Боевые действия у озера Хасан // Военно-исторический журнал. 1978. № 7.
6. Голумский С.А. Суд над главными японскими военными преступниками. М., 1947.
7. Горбунов Е.А. 20 августа 1939. М., 1986.
8. Горбунов Е.А. Крах планов «Оцу», 10 августа 1938, 20 августа 1939. Владивосток, 1988.
9. Деревянко А. П. Пограничный конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. Материалы к 60-летию Хасанских событий. Владивосток, 1998.
10. Забавин И.И. Записки о военных действиях в районе озера Хасан // Пограничник. 1981. № 11.
11. Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М, 2002.
12. Зимонин В.П. Канун и финал Второй мировой: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру. М., 2010.
13. Иоган Е., Танин О. Когда Япония будет воевать. М., 1936.
14. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. / Под ред. Поспелова П.Н. и др. М., 1963. Т.1.
15. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. / Под ред. Гречко А.А. и др. М., 1973–1982.
16. Как мы били японских самураев: Сб. статей и документов / Сост. Ю. Жуков и М. Гольдберг. М., 1938.
17. Кириченко А.А. На далеком озере Хасан // Московская правда. 1998. 11 августа.
18. Коломиец М. Бои у реки Халхин-Гол. М., 2002.
19. Кольтюков А.А. Вооруженный конфликт у озера Хасан // На границе тучи ходят хмуро... Жуковский; М., 2005.
20. Котов В., Журавлев В. Из истории внутренних войск // Военно-исторический журнал. 1969. № 4.
21. Кошелев А. Советско-японские войны 1937–1945 гг. М., 2009.
22. Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. М, 1989.
23. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.

24. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.
25. Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948 гг.). М., 2005.
26. Мясников В.С. Вторая мировая война: трагедия от пролога на Дальнем Востоке до эпилога на Дальнем Востоке // Партитура Второй мировой войны. Гроза на Востоке / Под ред. Н.А. Нарочницкой, В.М. Фалина. М., 2010.
27. Невежин В.А. «Если завтра в поход»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 1930–40-х годах. М., 2007.
28. Некрасов В.Ф. Основные этапы строительства внутренних войск // Военно-исторический журнал. 1986. №11.
29. Новиков М.В. Эскадрилья особого назначения. М., 1976.
30. Новиков М.В. Победа на Халхин-Голе. М., 1971.
31. Осьмачко С.Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика. Ярославль, 1999.
32. Панасовский В.Е. Уроки Хасана и Халхин-Гола. М., 1989.
33. Петров В. Я. Они пали за Родину (о месте событий в районе озера Хасан в военной истории Отечества) // На границе тучи ходят хмурые.... Жуковский; М., 2005.
34. Победа на реке Халхин-Гол / Отв. ред. П.А. Жилин. М., 1981.
35. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.–Л., 1950.
36. Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии 1939–1945. М., 1980.
37. Сафронов В.П. СССР и японская агрессия (1937–1941 гг.) // Советская внешняя политика. 1917–1945. Поиски новых подходов / Отв. ред. Л.Н. Нежинская. М., 1992.
38. Севостьянов Т.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961.
39. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979.
40. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984.
41. СССР и Япония / Отв. ред. И.А. Латышев. М., 1987.
42. Филимошин М. Об этом забывать нельзя // Вестник военной информации. 1998. № 7.
43. Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2009.
44. Хамадан А. Япония на путях к «большой войне». Военно-фашистский заговор в Токио. 26–29 февраля 1936. М.–Л., 1936.
45. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.
46. Шишкин С.Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 г. М., 1946.
47. Шишов А. В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М., 2000.
48. Шкадов И.Н. Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988.
49. Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1972.

Б.В. Коптелов

Духовная элита Римской империи в восприятии Юлиана Отступника

В статье изучается проблема отношения «философа на троне» императора Юлиана к социальным группам, которые могут быть названы «духовной элитой». Предпринимается попытка объективно рассмотреть взгляды императора на роль в обществе языческих философов и жрецов, а также христианского духовенства. Обращается внимание и на особенности личности Юлиана, влияющие на его философские сочинения. В статье подчеркивается доминирование религиозных соображений императора в его понимании духовной элиты и желание ослабить общественную роль христианства в сочетании с попытками учитывать его положительные стороны.

Ключевые слова: Римская империя, Юлиан Отступник, язычество, христианство.

Юлиан Отступник (331–363) принадлежит к числу заметных деятелей Римской империи IV в. Он вошел в историю не только как правитель, но и как философ на троне. Его литературно-политическое наследие всегда вызывало споры, и, наряду с почитателями, у него было немало противников. Сам Юлиан считал себя продолжателем традиций великих философов прошлого, отмечая при этом свое более скромное место. Изучение его взглядов представляет большую ценность для понимания идейной ситуации в Римской империи того времени.

Одной из важнейших в истории человечества является проблема участия в общественной жизни духовной элиты. Ее значимость вряд ли может быть поставлена под сомнение, ибо без духовной элиты существование людей становится ущербным. Однако это понятие способно вызвать много вопросов и противоречивых оценок, место такой элиты в истории и даже сам факт ее существования в точности не поддаются установлению. Так или иначе, Юлиан, выступающий в роли философа на троне, заслуживает

особого внимания именно как теоретик духовной элиты. Кроме того, сама эпоха, сложная и противоречивая, способствовала тому, чтобы подобная теория стала развиваться. Прежде всего, надо ответить на вопросы: признает ли Юлиан такое понятие, как «духовная элита», какой вкладывает в него смысл, какие социальные группы в нее входят, в чем ее нравственное предназначение, общественные обязанности, генератором каких идей она предстает или должна представлять, как расставлены ее приоритеты?

Очевидно, что слова «духовная элита» в сочинениях Юлиана не используются, но следует отметить стремление императора не только опереться на авторитеты и подчеркнуть этим свою ученость, но и его реальное уважение к некоторым из древних, которых он себе представлял как особых людей, более мудрых и одаренных, т.е. своего рода элиту. Таким образом, нужно определить, кого из них Юлиан персонально упоминает в своих сочинениях, причем с такой позитивной оценкой, что можно видеть в них особую группу, которая воспринимается Юлианом как духовная элита. Очевидно, что с наибольшим уважением Юлиан относится к античным философам, прежде всего, к чаще всего упоминаемому им с эпитетом «божественный» Платону, также Аристотелю, Сократу, а из близких к нему по времени Юлиан выделяет Ямвлиха, который оказал на него большое влияние мистической направленностью своих сочинений¹ [9, р. 170–214]. Также в ряд «особых» людей попал Гомер, а из политических деятелей – древний царь Нума Помпилий [9, р. 143–156]. В целом основным критерием значимости является близость к богам, умение лучше всего описать их природу и постичь их волю. Одним словом, Юлиан оценивает философов и поэтов, прежде всего, с религиозной точки зрения.

В трудах Юлиана нередко противопоставлены «толпа», «сброд», «обычные люди», «безбожники», «люди, несведущие в важных вопросах» и те, кто «вдохновлены богами», «умны», «возвышенны» и «рассудочны», прежде всего, это теурги, сведущие в заклинании духов и изучении примет, знамений, чудес². Таким образом, принцип элитарности Юлиану не чужд, но это не обычная социальная элитарность, а выделение особого слоя на основе религиозно-философских взглядов, а близость к богам для Юлиана – нечто фундаментальное, отличающее элиту от неэлиты.

Что непосредственно Юлиан хочет от этого социального слоя, можно выяснить из того, какой образ жизни для самого себя избрал Юлиан, ведь при всей своей внешней скромности он считал себя принадлежащим к этому слою. По утверждению Аммиана Марцеллина, Юлиана сравнивали с Титом,

¹ Император Юлиан. Соч. СПб., 2007. 146а.

² Там же. 168d, 170b, 295a.

Антонином Пием и Траяном, черты которых он в себе соединял. Сам Юлиан идеалом и образцом для подражания считал императора и философа на троне Марка Аврелия¹. Юлиан отличался умеренностью, сдержанным отношением к роскоши, также ему приходилось много заниматься военными делами и гражданским управлением. Он стремился навести порядок, восстановить справедливость и облегчить положение жителей провинций, ставшее при его предшественнике Констанции II очень тяжелым. Юлиан был разносторонне образован и особенно силен в философии и красноречии.²

Очень большую роль в жизни Юлиана занимало выполнение различных религиозных обрядов и установлений, он внимательно относился к требованиям сакрального характера³. В детстве Юлиан воспитывался в христианском духе, но очень поверхностно, и под влиянием языческой культуры стал глубоко верующим язычником. Внешне изображая христианина, Юлиан тайно молился языческим богам, а после воцарения в 361 г. открыто заявил не только о своих религиозных убеждениях, но и попытался вернуть язычеству статус единственной государственной религии, утерянный при Константине⁴.

Очевидно, что Юлиан, хотя и был императором, считал себя одним из участников интеллектуального сообщества и надеялся на содействие этой группы, поэтому он привлекал ко двору философов [9, р. 635]. Наиболее заметными из них был Максим Эфесский, который, помимо того, что был философом, был и чудотворцем, и Хрисанфий. По свидетельству Евнапия, Юлиана в персидском походе 363 г. сопровождало «огромное множество» софистов, и кое-кто из них выполнял государственные поручения [3, с. 259]. По-видимому, Юлиан не жалел средств на их содержание, а поведение многих мудрецов было заносчивым и своенравным. Сам Максим вел роскошный образ жизни, был окружен множеством почитателей и в общении становился все более неприятным. Теоретически Максим мог претендовать на роль неформального императора, поскольку Юлиан не считал для себя возможным, имея титул Цезаря и Августа, заниматься действенной магией. Максим, напротив, обладал гипнотическим влиянием на окружающих. «Никто не осмеливался ему возражать; даже самые искушенные и опытные молчаливо уступали и воспринимали его слова, словно произнесенные с треножника», – пишет Евнапий [3, с. 253]. Так или иначе, Юлиан сделал попытку возвысить духовную элиту до уровня,

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. Кн. 16.1.4.

² Там же. Кн. 16.5.6–91.

³ Император Юлиан. Соч. СПб., 2007. 174а-б.

⁴ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. Кн. 22.5.1–4.

который соответствовал положению высшей знати, но вряд ли это могло понравиться крупным чиновникам, аристократии и военным. Крупные должностные лица стали видеть в философах и риторях конкурентов и завидовать им, было бы неправильным сказать, что реформаторские усилия Юлиана легли на благоприятную почву.

Тем не менее, рассуждения Юлиана о социальном месте духовной элиты не теряют своей актуальности. Проблема власти и правителя-философа обсуждается Юлианом в его послании к Фемистию. Юлиан весьма последовательно проводит мысль о том, что наиболее благополучное государство получает свое цветение оттого, что находится под управлением демонов, а наилучший правитель после Бога – это человек каким-то образом «божественный», т.е. по существу – «демонический». Естественно, слово «демонический» у Юлиана не носит отрицательного смысла, а фактически означает похвалу, именно так Юлиан называет Платона и Ямвлиха¹. Управление государством – это нечеловеческое дело, оно связано с большими трудностями и толкает людей, находящихся у власти, к порокам². Для философа всегда стоит непростой выбор между практическим и созерцательным идеалом, и в целом Юлиан – сторонник деятельного времяпровождения, однако при этом он защищает и тех философов, которые уклонялись от политики и активной жизни, и считает, что они могут благодетельствовать людей больше, чем цари. Вместе с тем Юлиан отмечает, что человеческими делами управляют боги и Тиха (Судьба), и они очень мешают правителям или фактически подменяют их. Философ на троне должен иметь особые способности к управлению, но при этом зависит от капризов судьбы, и это затрудняет его действия. Поэтому Юлиан считает себя лишь орудием в руках Бога и Судьбы и им вверяет истинное право великих дел³. Таким образом, нахождение философа у вершин власти видится реальным, но не обязательным и не основным его занятием.

Еще одна социальная группа, о которой может идти речь в контексте поставленных проблем, – жрецы. Юлиан в проведении своей религиозной реформы опирался на них, поэтому они должны были занимать особое место в элитарной теории Юлиана [8, р. 184]. Жрецы расцениваются им как слуги и рабы богов, поэтому император относится к ним с уважением, к тому же он и себя, несомненно, считал одним из них, будучи официально великим понтификом. Жрецы выполняют важную социальную функцию, ибо они способствуют тому, чтобы боги дарили людям благоденствие.

¹ Император Юлиан. Соч. СПб., 2007. 133а, 188b.

² Там же. 261d.

³ Там же. 257b, 266d.

Им необходимо воздавать честь «не меньшую, если не большую, чем городским магистратам»¹. Личность жрецов находится под особым покровительством богов, и они наказывают тех, кто осмелится обидеть их служителей. Лишать почестей и звания можно лишь тех жрецов, которые изблечены в нечестии и порочности.

Юлиан предъявляет служителям богов строгие нравственные требования. Они должны не только избегать постыдных деяний, но и произнесения или слушания чего-либо, связанного с нечестием. Им нельзя читать Архилоха, Гиппопакта, Пиррона, Эпикура, любовных историй и комедий. Предпочтительно для жреца читать философские труды, в которых нет ложных мыслей, по мнению Юлиана, это сочинения Пифагора, Платона, Аристотеля, Хрисиппа, Зенона и некоторых других². В философии ценно лишь то, что служит благочестию и вере в богов. Император критиковал современных ему киников за неуважение к благочестию. Помимо философских трудов, Юлиан считает необходимым для жрецов изучать древние гимны в честь богов и молиться, по крайней мере, дважды в сутки, а все обряды должны выполняться по «отеческому закону». Император, по-видимому, не допускал возможности изменения обрядов, но хотел их нового осмысления, поэтому ему требовались жрецы с большим образованием и при этом с консервативными религиозными взглядами. Юлиан также предписывал жрецам носить более простую одежду вне храмов, не посещать театров и зрелищ, воздерживаться от дружбы с актерами, возникшими и другими недостаточно статусными элементами. Основным критерием при назначении жрецов на их должность должны быть не богатство и знатность, а личные качества и вера в богов. Юлиан выделяет из необходимых для жреца качеств также человеколюбие и готовность заниматься благотворительностью. Равнодушное отношение к нуждающимся и недоброжелательность к иноземцам не угодны богам, поэтому жрецы обязаны выделять часть имущества бедным и проявлять гостеприимство. Особое внимание императора к жрецам и стремление придать им более высокий статус приводили к тому, что на должности жрецов Юлиан стал назначать в ряде случаев философов, в которых видел основную и наиболее приближенную к себе часть духовной элиты.

О том, какое значение для императора имели философы и жрецы, можно составить представление из рассказа Аммиана Марцеллина о начале персидской кампании Юлиана в 363 г., начавшейся с события, истолкованного как предзнаменование: на отряд римлян напал огромный

¹ Император Юлиан. Соч. СПб., 2007. 296с.

² Там же. 300d.

лев, который был убит стрелами и принесен Юлиану. «Ободренный этим предзнаменованием Юлиан преисполнился гордыми надеждами на будущее; но голос судьбы всегда неверен и исход дела оказался совсем иной <...> Этрусские гаруспики, знатоки в деле предзнаменований, находившиеся в свите императора, давали неоднократно совет отменить этот поход. Но им не хотели верить. И вот они вынесли свои книги, относящиеся к военному делу, и свидетельствовали, что это знамение задерживающего значения и что оно неблагоприятно для государя, предпринимающего наступательную, хотя бы и справедливую, войну в чужие пределы. Но они были бессильны перед возражениями философов. Эти последние пользовались тогда влиянием на императора, хотя они часто ошибаются и часто упорно отстаивают свои мнения о вещах, с которыми мало знакомы». Затем произошло еще одно событие, требующее пояснений от жрецов, – молния поразила одного из солдат по имени Иовиан и двух лошадей, которых он поил в реке. «Вызваны были по этому поводу толкователи знамений и опрошены. Они настойчиво заявляли, что и это знамение воспрещает поход и утверждали, что эта молния – «советодательная» – так называются молнии, которые советуют что-либо или отсоветуют. Это знамение, по их мнению, было тем значительнее, что молния убила солдата, носившего столь великое имя, вместе с боевыми конями, а книги о молниях не позволяют ни смотреть на места, пораженные молнией, ни ступить на них. Философы, напротив, говорили, что блеск священного, внезапно увиденного огня не заключает в себе никакого предзнаменования, что это только течение более сильного дуновения, направленного некоей силой из эфира вниз; если же отсюда можно получить указание на будущее, то этим предрекается императору в его славнолюбивых предприятиях возрастание его славы, так как известно, что пламя по самой своей природе без сопротивления воздымается вверх»¹. Этот эпизод очень хорошо показывает характер окружения Юлиана и его отношение к духовной элите, в частности, заметно предпочтение, отдаваемое философам по сравнению со жрецами. Но не исключено, что император, собрав для похода большие силы, не считал возможным его отменить. При этом очевидно, что Юлиан был не менее суверен, чем его современники, но он истолковывал приметы по-своему. Юлиану хотелось обладать таким знанием о богах, которое недоступно другим.

Отдельное важное место в теоретических изысканиях Юлиана занимает его попытка развенчать христианство, в связи с чем епископы

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. Кн. 23.5.8–14.

перестали бы восприниматься как духовная элита и их привилегированное положение изменилось бы не в лучшую сторону. В правление ближайших предшественников Юлиана – Константина и его наследников – верхи христианской церкви получили очень серьезную государственную поддержку и уважение, что для Юлиана было неприемлемо. Он считал христиан безбожниками и искажителями иудейской религии, поэтому он принял ряд указов против «галилеян», чтобы ограничить их влияние, в частности, на школьное образование [8, р. 166]. Император не стал предпринимать открытых гонений, однако в некоторых городах по инициативе местных жителей акты насилия над христианами все же происходили, а сам Юлиан отметил только распоряжением убить одного из видных епископов – Афанасия Александрийского, который, впрочем, успел скрыться. В то же время Юлиан замечал некоторые сильные стороны христианства, в частности, благотворительную и проповедническую деятельность, а также церковную организацию. Свою реформу язычества он проводил с таким расчетом, чтобы заимствовать положительный опыт христианства, оттесняя при этом его на обочину общественного развития. Так, он намеревался создать более строгое и дисциплинированное жречество, которое бы напоминало христианских священников, но отвлекало бы людей от учения Христа [8, р. 185–188].

Полемика Юлиана с христианами была весьма острой, что неудивительно, ведь император решительно порвал с христианством и не считал возможным идти на компромисс. Но аргументы идейных противников выглядели довольно однотипными – от абстрактных философских понятий к разъяснению знамений, чудес, пророчеств. По существу, Юлиан создавал религиозную систему, сближающуюся с христианской, которая сама еще только складывалась. Оппоненты Юлиана старались опровергнуть его, прежде всего, в мистическом ключе: крушение планов императора отстроить заново Иерусалимский храм они объясняли небогоугодностью этого дела [7, с. 226]. Да, христиане часто видели неблагоприятные знамения, говорящие о том, что Юлиан идет по неправильному пути, но и язычники тоже обращали внимание на дурные предзнаменования, указывающие на то, что правление Юлиана будет недолгим, а попытки восстановить культ богов окажутся тщетными [3, с. 256]. Мнение о том, что в верованиях Юлиана не было ничего привлекательного и романтического [2, р. 80], в целом не совсем точно, но император жил в переходную эпоху, и его замыслы слабо учитывали тенденции времени. Даже язычники, на которых Юлиан надеялся, смотрели на него с удивлением, а иногда – с насмешкой. Сухо и трезво мыслящий Аммиан Марцеллин отмечал, что Юлиан был «скорее

суеверный, чем точный в исполнении священных обрядов»¹. Культовые церемонии были слишком затратными и наносили вред казне. Стремление императора возвышать философов и жрецов, создавая из них духовную элиту, давало не тот эффект, на который рассчитывал Юлиан. «Заявлять себя предсказателем можно было всякому, знал ли он дело или нет, без определенной цели и установленных правил; всем разрешалось вопрошать оракулы и копать в внутренностях животных, которые иногда дают указания на будущее; на всякий лад с преувеличенным разнообразием усиленно выискивали предсказания в пении и полете птиц и других знамениях»². В общем, борьба императора с христианами показывает непрочность его идеологии: обвиняя своих идейных оппонентов в искажении истинной религии, сам Юлиан не замечал, что особенной духовной силы за ним не стоит и он начинает походить на мечтателя или лидера небольшого философского кружка.

В итоге можно отметить, что взгляды Юлиана на духовную элиту формировались, в основном, в русле неоплатонических представлений, особенно являхиянства, предусматривающего слияние философии с религией и магией. Помимо этого, Юлиан испытывал влияние консервативного язычества и его древних обрядов. Он полагал, что истинный мудрец-философ может заниматься управлением государства и участвовать в социальной жизни, но это не должно входить в его обязанности. Юлиан считал, что философы и жрецы являются духовной элитой в силу их причастности к «божественной сфере». Император личным образом жизни и поступками старался воплотить свою элитарную теорию в жизнь. В то же время Юлиану не хватало внутренней цельности: сложные и утонченные философские рассуждения сочетались у него с любовью к уже ставшим архаичными языческим обрядам. Его попытки провести религиозную реформу и фактически потеснить обычную социальную элиту, выдвинув на первый план философов и жрецов, были обречены на неудачу. В обществе экзальтированность и софистические идеи Юлиана не встречали особой поддержки, массам хотелось более простого и ясного учения, которое с IV в. стало ассоциироваться с христианством. В то же время элитарная теория Юлиана занимает достойное место среди концепций, отстаивающих права небольших кружков «избранных» интеллектуалов и мистиков, которые хотят возвыситься над «толпой», управлять ею или просто получать выгоды от близости к властным структурам.

¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. Кн. 25.4.17

² Там же. Кн. 22.12.7.

Библиграфический список

1. Бенуа-Мешен Ж. Юлиан Отступник. М., 2001.
2. Либаний. Речи. Т. 1–2. Казань, 1914–1916.
3. Римские историки IV века. М., 1997.
4. Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.
5. Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 2001.
6. Феодорит, епископ Кирский. Церковная история. М., 1993.
7. Церковные историки IV–V веков. М., 2007.
8. Athanassiadi-Fowden P. Julian and Hellenism: An intellectual biography. Oxford, 1981.
9. Bouffartigue J. L'Empereur Julien et la culture de son temps. Paris, 1992.
10. Bowersock G.W. Julian the Apostate. Cambridge, 1978.
11. The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425. Cambridge, 1998. P. 78–110.
12. Smith R. Julian's gods: Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate. L.–NY., 1995.
13. Lotz A. Der Magiekonflikt in der Spätantike. Bonn, 2005.
14. MacMullen R. Christianity and Paganism in the Fourth to Eight Century. L., 1997.

В.И. Шерemet

Современник Ивана Грозного и Сулеймана Великолепного. Политический портрет Акбара Великого

Статья посвящена крупнейшему представителю династии Великих Моголов Акбару Великому. Прослежена его деятельность как военачальника, императора, основателя новой синтетической религии, которая, однако, прекратила свое существование вскоре после смерти Акбара.

Ключевые слова: Великие Моголы, Акбар Великий, Индия, Португалия, религия, ислам, терпимость.

Он правил в год Тысячелетия хиджры (мусульманского летоисчисления) и был приветствуем как «махди» – спаситель и устроитель. При

нем сотни тысяч мусульман с привычным восторгом восклицали «Аллах Акбар!». Спустя столетия люди забыли, что они возглашали здравицу *падишаху*, правителю, который, возможно, впервые после фараона-еретика, великого Эхнатона, попытался ввести новую государственную религию. В его, Акбара Великого, правление Мухаммад, Печать пророков, последний довод для сотен тысяч исламистов, штурмующих в начале 2011 г. правительственные здания в Тунисе, Египте, Йемене, Ливии, был всего лишь *одним из равных* столпов – строителей миропорядка.

В возрасте 13 лет Акбар взошел на престол страны с населением около 20 млн человек. После полусотни лет правления он оставил мировую державу с населением в 150 млн человек.

«Абу-л Фатх Джалал-уд дин Мохаммед Акбар, падишах Гази (Победоносный), – да хранит Бог вечно его царство! – самый праведный, умный и познавший Бога», – таков был официальный титул этого правителя. Далее мы будем называть его именем, под которым он вошел в историю мировых цивилизаций, – Акбар, или Акбар Великий.

Дед нашего героя Захиреддин Бабур-хан (1483–1530), внук неистового Тамерлана, правитель Кабула, блестящий поэт и воин с переменчивой судьбой, в 1525–1527 гг. сумел захватить Северную Индию (Делийский султанат) и основать там свою, новую династию Великих Моголов (в европейском произношении – от «монголов»). Новая держава получила то же название – Могольская империя, что соответствовало больше традиционной для Востока преемственности (не всегда реальной, но такой убедительной для податной массы населения) власти от действительно великого правителя. В нашем случае – весьма отдаленными потомками по боковой линии Чингисхана были Тамерлан (эмир Тимур) и Бабур-шах.

Старший сын Бабура по имени Хумаюн-хан (1508–1556), «больше мечтатель, чем правитель», по выражению современника, провел свою жизнь в военных походах, отстаивая завоевания отца. Маленький Акбар, первенец Хумаюна, вырос в люльке, притороченной к спине боевого верблюда. Кинжал отца был его любимой игрушкой. Как сообщает почтенный хронист Джоухар, в юности бывший мальчиком на побегушках при Хумаюне, отметить рождение первенца хану оказалось нечем. Тогда Хумаюн раздал приближенным бочонок драгоценного мускуса – единственную ценность, которая у него была. Драгоценности, перекочевавшие много позже в короны британских королей, собирали уже другие Великие Моголы.

15-летняя Хамида Бегум, мать маленького Акбара, дочь одного из вождей Синда, что в низовьях Инда, поклялась, что, если она и малыш

выживут, она воспитает своего сына так, что голову ему будет кружить не запах крови, а только аромат благовоний. Она сдержала слово [10, р. 43–45].

Предания империи Великих Моголов, впоследствии тщательно собранные английскими завоевателями Индии, содержат массу рассказов о необычайных дарованиях Акбара. О том, например, что заговорил он еще в младенчестве, утешая свою расстроенную кормилицу; что в три года легко перебрал через плечо пятилетнего товарища по играм. В 12 лет он уже уверенно управлял боевым слоном. Став старше, исцелял болезни и укрощал хищников... Как дед и отец, сочинял музыку, слагал стихи...

Согласно преданию, в 1556 г., в переломный момент сражения на Панипатской равнине, когда индус, т.е. «из местных» по рождению, блестящий военачальник Хему стал во главе армии, готовой свергнуть малолетнего правителя-чужеземца Акбара, и уже пять тысяч боевых слонов ревели от возбуждения, Акбар проявил свои особые дарования. Он встал во весь рост на платформе «своего» слона (с ним вместе он вырос), с которого следил за сражением, звонким голосом призвал все стрелы, все луки битвы поразить его, Акбара ничтожного (!), либо одну стрелу направить в мятежника Хему. Случайная стрела вскоре ослепила Хему. Мятежники дрогнули и бежали...

Достоверно другое. Подобно своему великому предку Тамерлану, он так и остался неграмотным. Сохранилось лишь одно слово, коряво написанное детской рукой, – дата на книге, подаренной ему на 10-летие.

Впрочем, любознательность, феноменальная память и неуемная жажда общения с учеными людьми были столь велики, что в его неграмотность никто не верил. Из 24 тысяч рукописей его личной библиотеки Акбар, по отзывам миссионеров-иезуитов, знал все или почти все и непрестанно расширял свои познания о мире, выслушивая путешественников, послов далеких стран, чтецов и сказителей [8, р. 18].

Хумаюн, отчасти по политическим мотивам, чтобы обуздать сподвижников деда и отца – своих не в меру экспрессивных узбекских и афганских воинов-суннитов, отчасти под влиянием своей юной, прекрасной и очень терпимой к иноверцам Хамиды Бегум (а иначе быть не могло – ее родной Синд лежал на перепутье военных дорог и различных религий), усердно посещал священные места шиитов в Иране – в Мешхеде и Ардебиле, писал стихи в честь шиитского святого имама Али и читал их смышленому сыну [7, р. 161–164]. Стоит ли удивляться тому, что Акбар впитал и суровую бескомпромиссность суннитских преданий о Пророке Мухаммеде и праведных халифах, и шиитский, сравнительно более широкий взгляд на устройство мира. Да и на роль Правителя, духовного

главы правоверных, которого общество должно не бояться и терпеть, а уважать и ценить.

Исключительная выносливость и приверженность к физическим упражнениям, природный ум и умение разбираться в людях, граничившее с мистическим проникновением в души собеседников, были неотъемлемыми чертами Акбара. То, что в лидерах Востока XXI в. тщетно ищут повстанцы на площадях Каира, Багдада, Кабула...

Для Акбара оказалась исключительно сложной, воистину требовавшей особых дарований ситуация в стране, во главе которой он оказался подростком после смерти отца (1556 г.). Полный сил и энергии Хумаюн упал и разбился насмерть на мраморной лестнице своего дворца после того, как в присутствии посторонних сделал суровый выговор сыну – Акбару. Таково предание. За века, прошедшие до наших дней, никто не бросил упрек Акбару, что он или его окружение готовили переворот, столь обычный для тех мест и эпохи.

Его дед и отец были мусульманами, «пришлыми завоевателями» в землях, населенных многими народами с разными религиями. Об Индии доакбаровской эпохи наш замечательный соотечественник – путешественник Афанасий Никитин – писал: «А всех вер в Индеи 84 веры, а все веруют в Бута [т.е. идола. – *Авт.*]: а вера с верою ни пьет, ни ест, ни женятся межи собой» [4, с. 41]. Бесчисленные схватки с воинственными иранскими, афганскими и тюркскими соседями за мелкие и разобщенные местные княжества привели богатые и плодородные земли Северной Индии в упадок и разорение. Лучше Афанасия Никитина не сказал никто: «А земля людна велми, а сельские люди бедны велми, а бояре [правители. – *Авт.*] силны добре и пышны велми» [Там же, с. 16].

Одаренный от природы, Акбар все-таки не мог, конечно, в 13 лет править государством. Но, оказавшись на троне, он деятельно учился. Военному делу – у регента-правителя, туркмена по происхождению и мусульманина-шиита по вероисповеданию, храброго военачальника Байрам-хана. Искусству управления и, что гораздо сложнее, науке выживания в клоаке дворцовых интриг – у ловких царедворцев и финансовых воротил из семьи своей кормилицы, среди которых были и мусульмане, и индуисты.

Взрослея и наблюдая роскошь, своеволие и жестокость вельмож по отношению друг к другу и к подданным индийцам-немусульманам, Акбар пришел к определенным выводам. Верить, сидя на троне, можно только себе и... звездам. Богов слишком много; кто услышит тебя, кто поймет – неизвестно. Так, во всяком случае, много лет спустя Акбар воспитывал своего сына-преемника. Действительно, индуистский пантеон необъятен.

К 19 годам Акбар избавился и от опеки регента, и от опасных склок в своем окружении. Причем сделал это так, как будет поступать следующие полсотни лет, – исподтишка и чужими руками.

Регента Байрам-хана по пути в Мекку зарезал какой-то случайный афганец – «по личным мотивам». Один смутьян из свиты утонул, переправляясь через тихую речушку; другой (кстати, его молочный брат – сын любимой кормилицы) упал с балкона. Или был сброшен, но тот, кто говорил такое, жил недолго...

С 1562 г. Акбар стал единоличным правителем с четким осознанием своей исключительности и судьбы «преобразователя мира». Соответствующим образом он формировал свое окружение, двор, военные и административные органы. Все было подчинено идеям преобразований. Столь же очевидно сказывалось и влияние традиций многомиллионной Индии. Причем двоякого рода: привнесенных – тюрко-монгольско-иранских (вместе с войсками сил вторжения Бабура и Хумаюна) и местных – домонгольских, раннесредневековых и даже древнеиндийских. К числу ревнителей привнесенных обычаев и традиций, например, относилось соперничество ортодоксального *суннитского* ислама выходцев из Средней Азии и относительно веротерпимого ислама *шиитского* толка ирано-язычных сподвижников его деда и отца.

Защитниками и поборниками местных традиций были, среди прочих, влиятельные своей воинственностью и древними богатствами владельческие индуисты *раджи* (буквально – «царь», «царек») области на северо-западе Индии – Раджпутаны (совр. Раджастан), а также масса менее компактных этнических и религиозных группировок. Незыблемой оставалась многовековая кастовая система доисламской эпохи. Заметим, что эта система пережила и Моголов, и Британскую Индию...

Из исламских кругов вышла подавляющая часть акбаровских военачальников и, конечно, все исламские священнослужители. Служила военной исламской знать – *джагирдары* – кормились за счет наделов – *джагиров*, не передаваемых ни в собственность, ни в наследство, ни даже в длительное держание. Военачальник-джагирдар содержал со своего надела лично ему (!), а не падишаху Акбару (и в этом отличие Могольской империи, скажем, от османского государства *Сулеймана Великолепного*, еще одного, помимо Ивана Грозного, современника Акбара) подчиненные войска. Однако падишах мог отобрать надел у джагирдара, передать другому, дать лучший (или худший) надел и т.д.

Временность власти джагирдара на держание надела порождала психологию: «бери с крестьянина все, кроме его костей, которые принадлежат потомкам», – и лютые междоусобицы. Военная знать владела землей

в деревне, контролировала внешнюю торговлю (ткани, пряности, драгоценный краситель – индиго) и основные нити жизни древних городов Индии.

Империя Акбара, как иногда называют государство Великих Моголов, для Востока с его «культом меча» как мерила и символа власти отличалась предельной военизованностью органов управления. Даже дворцовые повара, к удивлению английского путешественника У. Хокинса, имели воинские звания – «десятник» и т.д. Матери своего первенца, любимого сына Джихангира, Акбар присвоил одно из высших воинских званий – «командир 12-тысячного войска», чем эта тихая и чувствительная женщина невероятно гордилась [8, р. 29]. По преданию, ножом и боевым веером она владела бесподобно...

Феодалы-джагирдары и мусульманская религиозная верхушка – муллы и шейхи – были опорой Акбара, но и его кандалами. При дворе практически не было ни богатых купцов, ни ростовщиков-финансисов, – фигур, обычных для дворов исламских султанов и иранских шахов Востока. Зато много больше было поэтов, художников, историографов-летописцев, зодчих и других представителей изящных искусств. Причем в их числе, в отличие от «управленцев», было много немусульман, приезжавших со всех уголков Индии и из многих стран Востока и пользовавшихся полной защитой Акбара, вне зависимости от религии.

Относительный баланс воинов-раджпутов в своей армии Акбар поддерживал за счет предоставления некоторым индусским князьям джагиров – «наделов в виде премии» за верность, за участие в походах. Иногда за удачную мысль или благозвучное стихотворение во славу Акбара тоже даровался надел.

Относительно удачной оказалась брачная политика Акбара. До пяти тысяч дочерей и сестер правителей из знатных родов Индии стали официальными женами Акбара. Поскольку Коран не допускает более четырех жен, суннит Акбар (которого политика интересовала куда больше, нежели власть над гаремом) сочетался с ними по известному в Иране шиитскому обряду «мут'а» – «временным, на срок» браком. Почти никого из этих жен Акбар не видел и, кажется, не особенно к этому стремился. Зато князья и раджи оказывались в выгодном, защищавшем их положении – родства с зятем-падишахом, а богословская и военная шиитская верхушка была особенно довольна: древние иранские обычаи соблюдаются. Сунниты ворчали, но мирились с происходившим, принимая подправленные Акбаром исламские каноны.

Впрочем, равновесие в стране было предельно хрупким. Удержать его можно было только какими-то серьезными реформами, но на реформы

требуются большие деньги. Выход один – военные походы. Среди первых завоевательных походов Акбара было окончательное подчинение раджпутанских князей, которых победить только силой вторжения было невозможно. Акбар расколол их ряды подчеркнутым вниманием к своим женам – княжнам из раджпутов и... устройством кольца фортов и пограничных укреплений, изолировавших наиболее строптивых князей.

Независимые персоязычные источники гласят, что неизгладимое впечатление на Акбара произвел подвиг раджпутов города Читтора. Осознав неизбежность поражения, гарнизон раджпутов совершил «джаухар» – воины собственноручно сожгли всех своих жен и дочерей, чтобы те не стали добычей мусульман, надели шафрановые накидки и вышли на последний бой. Их было 30 тысяч, ни один не пережил своих женщин... Больше Акбар «джаухаров» не допускал, шел на любые переговоры.

Следующий поход – в княжество Гондвана – поразил даже привычные ко всему мусульманские войска. Мудрая и храбрая правительница княжества по имени Рани Дургавати возглавила отчаянное сопротивление вторжению, вооружив и мужчин, и женщин, а, потерпев поражение, публично покончила с собой. Вместе с ней «ушли» и все ее близкие, на глазах... Увезти все сокровища древнего княжества Гондвана захватчики даже не смогли – не хватило слонов. К тому же при дележе золота, рубинов и изумрудов перессорились командиры войска Акбара, – поговаривали, что сказалось проклятие Рани.

Решения падишаха были, как всегда, стремительны и неординарны. Ненасытные мирзы были казнены. Раджпутская принцесса (не из семьи Рани) стала любимой женой Акбара, а ее духовники-брахманы получили доступ к вечерним беседам с ним. Конница героев-раджпутов заняла подобающее место в армии завоевателя. Индус Тодар Мал на долгие годы стал доверенным военачальником – правой рукой Акбара, другой индус Ман Синг возглавил налоговое и финансовое ведомство.

Сочетая начало реформ с политикой захватов, в княжестве Гуджарат Акбар лично встал во главе войска и сломил сопротивление эфиопских воинов, состоявших на службе у местных правителей, причем, как гласят источники, неким ментальным зовом нейтрализовал эфиопских (африканских) слонов-убийц. Однако изгнать засевших в приморских гуджаратских крепостях Диу и Даман португальских торговцев-пиратов, грабивших всех на морских путях в Аравию и Восточную Африку, Акбар не сумел. Не помогли даже первоклассные пушки Сулеймана Великолепного, доставленные в Индию после триумфальных побед османов в Восточной Европе.

Акбар с большим вниманием относился к военным свершениям и реформам турецкого современника своего отца и деда – Сулеймана Законодателя, или Сулеймана Великолепного (1520–1566). Бабур-хана же в свое время преследовал призрак замученного в 1402 г. кровавым Тамерланом османского султана Баязида I. Бабур усердно учился у турецких мастеров литью пушек и взаимодействию пехоты и артиллерии. И при этом, стремясь умиротворить дух Тамерлана, всячески возвеличивал племя *барлас* – родное племя Тимура и, следовательно, Бабура – Хумаюна – Акбара [11, р. 339–430].

Были и другие походы... К 1574–1575 гг. была покорена находившаяся под властью афганцев Бенгалия. В решающем бою при с. Тукарои мусульманские вожди из акбаровского окружения трусливо бежали. Устоял во главе десятка телохранителей только «несгибаемый клинок падишаха» индус Тодар Мал, он перегруппировал отступавших и после битвы вручил Акбару ключи от древней столицы Бенгалии. «В назидание трусам и в поощрение героям» Акбар сделал наместником огромной Бенгалии индуса – своего «финансиста» Ман Синга.

Угрозами, подкупом и внезапными, но хорошо подготовленными вторжениями войск местных феодалов, привычных к климату и рельефу местности, в течение 1586–1589 гг. были присоединены Кашмир и Синд. Их правители были с почетом приняты на падишахскую службу, массовых репрессий против мирного населения в доступных нам источниках не зафиксировано.

Затяжные войны ждали Акбара в Центральной Индии. Княжество Ахмеднагар пало только после того, как Акбар за фантастические суммы в драгоценных камнях «уговорил» португальцев, засевших в приморских крепостях, выделить ему советников и артиллерию. Правительница Ахмеднагара, прекрасная Чанд Биби, столь успешно руководила обороной, что потребовался очередной «несчастный случай»: легендарная воительница погибла, когда делала обход крепостных укреплений. Европейское военное искусство португальцев – первых колонизаторов Востока – и изощренное коварство Акбар-шаха победили. Однако дальше углубляться в абсолютно чужеродные области Декканского нагорья Акбар не решился. Если верить легенде, ему стал являться во сне образ матери, заклинявшей сына не воевать с женщинами – правительницами древней земли женского владычества. Вспомним, что Тимура Кровавого остановила под Ельцом Мать Божья – Святая покровительница Земли русской. Акбар об этом, вероятно, знал [5, с. 200–207, 256–267].

Далеко на северо-западе оставалась страна предков – Средняя Азия, с которой попеременно то вяло воевали, то вели переговоры, а в обширной

империи, включавшей Индостан и часть Деккана, уже шли реформы, требовавшие мира и собственного надзора ока падишаха.

Завоевания Акбара привели к определенной централизации на большей части Индостана. «Воины ислама» из Средней Азии, из персидских и афганских земель получали все больше джагиров. Огромные древние богатства оседали в сокровищницах новых владельцев, которые связывали себя семейно-брачными, служебными, хозяйственными узами именно с Индией, а не с далеким Кабулом, Гератом или Мавераннахром. Потомство от смешанных браков новых правителей рождалось с потомками традиционных раджей, создавались новые слои общества. Весьма разнообразные по национальному, религиозному, хозяйственному признаку земли от Пенджаба до Ориссы связывались едиными и законодательной, и судебной системами Акбара. Сколь бы несовершенно они ни были, но единство все же обеспечивали.

Вторжения Акбара не носили истребительного «тамерлановского» характера. Падишаху были нужны постоянные налоги, а таковые платят, как известно, только живые. Правда, соблюдая традиции деда, выходцев из племени *барлас* падишах окружал особым почетом.

Армии Акбара действовали чаще всего вдоль древних караванных путей «Китай – Иран – Левант» или «Китай – Иран – Прикаспий». Они стремились установить контроль над морскими портами Индостана. Постепенно возрождался мировой цивилизационно значимый Великий Шелковый путь. Новые землевладельцы все чаще вкладывали средства в мировую торговлю Востока, казалось, утраченную с варварскими вторжениями португальских купцов-корсаров в теплых морях и с расширением связей Европы с Новым Светом. Богатели и крепи в основном джагирдары-военачальники и верхнее звено местной индусской знати.

Правитель умный и дальновидный, Акбар строил государство не на костях и черепаках, а на поте и мозолях своих разноплеменных подданных.

Первоначально Акбар наметил вообще уничтожить практику условных держаний – джагиров, а армию и чиновников посадить на денежное содержание. Одновременно была введена система откупов налогов, которые отныне собирали сами джагирдары. Однако откупщики налогов, что само по себе редкость для Востока, и мусульмане, и индусы, учинили такие притеснения и жуткий произвол, что, по словам одной хроники, в тюрьмах налогового ведомства людей погибать стало больше, нежели в далеких походах. Реформа провалилась, но некоторое облегчение налогового гнета все же наступило. Главное – власти провели перепись населения и примерный кадастр (реестр) земельных площадей, налоги

(предпочтительно в денежном, но также и в натуральном виде) стали соответствовать реальной плодородности земли и размерам участков.

«Революцией» стало введение на 19-м году правления Акбара мерного шеста из бамбука, причем строго фиксированного размера, вместо обычной мерной веревки, которую то размачивали для удлинения, то сушили, чтобы укоротилась. Это меняло, разумеется, размер участка и сумму, оседавшую в кошельке чиновника.

В военном ведомстве Акбар пошел на постепенное сокращение числа военачальников высшего и среднего звена «из народа пришлого» (тюрки, персы, афганцы) и на увеличение прослойки местного воинства, лучше подготовленного к походам, например, в Бенгалию или Деккан. Из 212 эмиров, что служили Акбару в 1582 г., 83 человека были «пришлыми», а 129 – местными: мусульманами (85 человек) и индусами (44 человека).

Перейти к армии, целиком набираемой и оплачиваемой государством, Акбар не смог, однако ряду злоупотреблений в высшем звене был положен конец. Так, каждый эмир был теперь обязан иметь личное тавро для клеймения лошадей своей армии. Деньги на содержание наемного войска в походе выдавались эмиру не по числу всадников (оно менялось), но по числу лошадей «под седлом», в боевом строю. Окончательно искоренить воровство в армии не удалось еще ни одному правителю в мире, но шаг в этом направлении Акбар все же сделал.

Опираясь на рекомендации своих советников-индийцев и на опыт почитаемого им Чингисхана, Акбар провел жесткую административную реформу. Государство было разделено на 15 областей, в ряде случаев не совпадавших с доакбаровским делением на земли и княжества. Была централизована и унифицирована система управления. Для чиновников впервые вводилась система, делившая управленцев по чинам и рангам, в целом совпадавшая с армейскими чинами и званиями. Переход с гражданской службы на военную был предельно облегчен, но производство в чине зависело от воли падишаха и его ближайшего окружения.

Удачным и крупным шагом Акбара было введение единой меры длины, обмера земли по периметру и по площади. Торговцы вздохнули с облегчением, получив единую меру веса и денежную единицу – *рупью* с фиксированным содержанием благородных металлов. Устранить хождение разнообразных монет из различных эпох, вплоть до сохранившихся и очень ценившихся в XVI в. монет Александра Македонского, Акбар не смог. Ему приписывают фразу: «Не важно, сколько монет будет в хождении, но пусть монета с моим именем будет самой чистой [т.е. полновесной. – *Авт.*]».

Основным и объединяющим звеном реформ Акбара стала его попытка создать объединяющую интегрированную модель религии для молодой и разноплеменной державы. Первоначально Акбар искал «подходящую доктрину» в рамках сектантских исламских орденов. Он даже построил «Ибадат ханэ» («Молитвенный дом»), где дискутировали исламские богословы, которым Акбар торжественно повелел «установить правду, найти и открыть принципы истинной религии и проследить ее до божественного источника» [6, р. 204, 273]. Вскоре, однако, выяснилось, что Акбара мучает, главным образом, вопрос о *законности* его политических браков с индусскими княжнами; муллы и шейхи стали толковать о возвышенном и требовать себе все больше власти в управлении и новых жертвований (хотя Акбар был щедр к улемам, как никакой другой султан). Однако они встретили резкий отпор со стороны Акбара.

В качестве следующего шага он приблизил к себе радикальных сектантов мусульман-*махдистов*, веривших в приход некоего мессии, и к 1579 г. пришел к мысли объединить в своих руках всю полноту духовной и светской власти. Султаном-халифом, тенью Всевышнего на земле, были до него только правители в Арабском халифате и в Османской империи. В месяце раджабе 987 г. хиджры, т.е. на рубеже августа–сентября 1579 г., Акбар провозгласил себя «муджтахидом [высшим духовным лицом. – *Авт.*] своего века» и сверх того – «самым праведным, умным и познавшим Бога». Так было сказано в хронике XVI в. [6, р. 271–272].

Подобие *имамата* – государства шиитского образца, когда духовный лидер осуществлял функции высшего руководства обществом, – Акбара не устраивало. В «Молитвенном доме» проводились открытые диспуты на богословские темы в присутствии самого Акбара, в которых участвовали мусульманские, индуистские и другие индийские религиозные деятели. Туда прибывали христианские португальские миссионеры, зороастрийцы, иудеи, суфии едва ли не со всех стран Востока. Эти поразительные по терпимости и широте тем обсуждения «конференции», не существовавшие ни до, ни после Акбара, сближали различные ветви мировых цивилизаций, переплетавшиеся на земле Индии, открывали людям новый мир общения, тем более что в новую столицу Акбара вблизи от Дели стекались сотни ученых, поэтов, людей искусства. Все они находили там понимание и поддержку.

Если отец Акбара, мечтатель и суфий Хумаюн-хан, частенько принимал решения, гадая по «темным сурам» Корана, то мистик в душе и прагматик на деле Акбар любил повторять почитаемого всей Индией философа-вольномудца и поэта Кабира (1380–1418). Как писал Кабир,

«Всеобщее имя Бога – это внутреннее, чье бы имя ни призывали в молитвах: Али у шиитов или Рамы у индусов... Город индусского Бога на Востоке [Бенарес. – *Авт.*], а город мусульман на Западе [Мекка и Медина. – *Авт.*], но ищите Его у себя в сердце, ибо там Бог и мусульман, и индусов... Пураны [священные гимны. – *Авт.*] и Коран – это только слова, хотя и святые»¹ [12, р. 18–19].

Преодолевая, нередко вооруженной рукой, сопротивление ортодоксальных мусульманских богословов и части упрямых джагирдаров, Акбар сделал следующий шаг. В 1582 г. он провозгласил новую религию – «дин-и илах», «божественную веру». В ней причудливо сочетались элементы всех основных религий Индии во имя того, чтобы «слава была обеспечена Богу, мир – населению, а безопасность – государству». Сам Акбар становился как бы всеиндийским *гуру* – духовным наставником многомиллионной державы. Ключевая роль в новой религии отводилась человеческому разуму как единственному критерию правильности любых духовных исканий.

Равенство всех людей перед Всевышним не отрицало ни ислам, ни кастовую систему (которая для Акбара была неприкосновенна, как Коран), ни сложившихся за многие века бытовых норм индийцев. Как свод нравственных правил «божественная вера» возвеличивала Акбара-правителя и была нацелена на объединение вокруг него и его преемников на могольском троне низов Индии – крестьян, ремесленников, торговцев при сохранении «ближайшего круга и опоры» – правящей исламско-военной верхушки [2, с. 155–163].

Из феодальной среды безоговорочную поддержку новой вере оказали военачальники среднего и низшего звена, придворные поэты, художники. Горожане, люди из народа ринулись в новую веру, как заметил автор одной хроники, «рыдающими от счастья толпами». Крестьяне взирали на суету безучастно. Высшее звено власти – мусульмане и раджпуты – откровенно не желало даже знакомиться с новыми идеями.

Тем временем, к радости «толпы» и озлоблению «верхов», был отменен личный налог на индуистов, запрещены насильственные браки индусов-детей по расчету родителей (по сути – продажа девочек) и обряд «сати» – самосожжение индусских вдов. Были введены некоторые ограничения на безмерный рост вакуфов – имущества мусульманских мечетей и т.д.

¹ Заметим, что несколькими столетиями раньше эти идеи воспевал и развивал современник Александра Невского – один из величайших суфиев мира Джелаледдин Руми [3, с. 13–16].

Главное, чего достиг Акбар, – это веротерпимость (пусть на время) как основа государства. Для денежной торгово-ростовщической верхушки городов, массы мелкого управленческого и военно-служилого люда государственная система, созданная Акбаром, приобрела значительную привлекательность.

Эклектичная новая религия ненасильственно угасла со смертью в 1605 г. своего создателя [3, с. 287–332].

Государство, укрепленное Акбаром Великим, сумели разрушить только английские колонизаторы, применив все достижения другой эпохи, – эры промышленного капитализма.

Он умер достойно и тихо, оплакиваемый всеми без различия подданными Могольской державы.

Внук Акбара Шах Джахан, поддерживавший, по примеру предков-бабуридов, культуру и искусство, создал один из величайших памятников исламской Индии – мемориал умершей любви, мавзолеем Тадж Махал.

Библиографический список

1. Джан Ш. Мевляна Джелаледдин Руми / Пер. Л.В. Зелениной; Коммент. В.И. Шеремета. М., 2008.
2. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. // История Востока. Т. III. М., 1999.
3. Комаров Э.Н. Реформаторские вероучения в Индии XV–XVII вв. // Alaiica. М., 2008.
4. Никитин А. Хождение за три моря. М.–Л., 1948.
5. Шеремет В.И. Акбар; Тамерлан // Великие правители: Современная энциклопедия. М., 2005.
6. Badaoni. Muntakhab al-tawarikh / Translated by Lowe W.H. Calcutta, 1884. Vol. II.
7. Banerji S.K. Humayun's Religion // Journal of Indian History. 1938. Vol. XXII. August. – P. 2.
8. Danvers A. The Portuguese in India. L., 1984. Vol. 1.
9. Hawkins W. Purchas, his pilgrimes. Glasgow., 1905 (1st ed. 1625). Vol. 3.
10. Jouher. Tezkereh al-vakait, or Private Memoirs of Moghul Emperor Humayun / Translated by Ch. Stewart. L., 1832.
11. Memoires of Babur. Baburnuma / Ed. by Leiden R. and Ersine J. L., 1926.
12. One Hundred Songs of Kabir. [Rabindra Nath Tagore.]. L., 1914.

С.А. Артеменко

Социальный состав и общественная жизнь ранних пуритан в Англии конца XVI – начала XVII вв.

Данная статья рассматривает становление английского пуританизма. Главный акцент делается на социальном составе вовлеченных в движение пуританизма людей, а также на иных социальных аспектах общественной и личной жизни ранних пуритан: семейных, деловых, церковных, благотворительных, образовательных и пр.

Ключевые слова: умеренный пуританизм, возникновение пуританизма в Англии, социальный состав ранних пуритан.

Причиной появления первых пуритан, их недовольных голосов, призывающих избавиться от «отбросов папизма», стало сохранение вышедшей из-под контроля римского влияния Англиканской церковью всех обрядовых форм католичества при переходе на английский язык богослужения. Изначально новые протестанты-формалисты, недовольные реформой срединного пути Елизаветы, пребывая в лоне англиканской церкви, не помышляли об отделении и организации собственных епархий.

У ранних пуритан не было сильного противника: большая часть английского духовенства, принявшая новую модель англиканского богослужения, не имела ни реальных знаний, ни энтузиазма для борьбы с нарождающимся неореформатским движением. Пуритане первой волны пытались самостоятельно изменить церковный уклад и привести его к единому образцу. В основном их требования касались реорганизации богослужения в церквях, возвращению ее к первоапостольской чистоте и учреждения проповеднического служения. Возврат к простоте и чистоте жизни подразумевал под собой не только соблюдение этого правила в повседневных вопросах (простая одежда, манеры, быт), так и в богослужебных вопросах (простое убранство церкви, отсутствие дорогих одежд на священниках и украшений храмов). Именно по этой причине так исто-во уничтожали первые пуритане дорогое убранство бывших католических храмов: разбивали статуи, замазывали образа, убирали из обращения свечи и ломали органы. Во всех своих начинаниях каждому человеку, избранному Богом для спасения, следовало придерживаться честности и добропорядочности: как в личных делах, так и в делах общественных,

а также в торговых и деловых, согласно кальвинизму, следовало придерживаться умеренности и честного ведения дел.

Говоря о социальном составе людей, примкнувших к пуританизму, можно отметить неоднозначность мнений историков по поводу большей или меньшей предрасположенности определенных слоев общества к восприятию пуританизма. В исследованиях историков, придерживающихся марксистской интерпретации, популярность пуританства среди англичан объясняется с экономической точки зрения. По их мнению, кальвинизм как нельзя лучше отвечал интересам буржуазии, особенно в его покровительстве торговле, накоплению богатств, трудолюбию и, в немалой степени, устройством кальвинистской церкви, основой которой являлась религиозная община, возглавляемая выборными старейшинами. «Устройство церкви Кальвина, – писал Ф. Энгельс, – было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов?..» [1, с. 308].

Радению за торжество религиозных и нравственных идеалов историками-марксистами отводится не самая главная роль в истории английской реформации. Религиозные предпосылки, по их мнению, являлись второстепенными, основные же принципы пуританизма определялись нуждами завершавшегося первоначального накопления капитала и задачами борьбы буржуазии против политического и морального авторитета монархии, феодального дворянства и церкви.

Однако, если придерживаться этой точки зрения, встает вопрос о причинах вовлечения в движение пуританизма иных социальных слоев, не относящихся к нарождающемуся классу буржуазии, к тому же нельзя сбрасывать со счетов и то, что идеологами пуританизма изначально были университетские преподаватели и священники, а не представители новой буржуазии – те лишь подхватили согласующуюся с их мировоззрением новую идею и претворили ее в жизнь. Согласно утверждению Л. Стоуна, помимо крупных и мелких торговцев, пуританизм в не меньшей степени привлекал представителей знати, ремесленников, йоменов. Ремесленники, говорит Стоун, были особенно восприимчивы к религиозным влияниям радикального характера, поскольку сидячий характер их труда располагал к философствованиям и размышлениям. Тогда как генераторами и распространителями идей пуританизма среди населения были радикально настроенные преподаватели университетов [9, с. 99–100].

Версия исследователей-марксистов о пуританах как о безжалостных предпринимателях, для которых получение прибыли было сравнимо с выполнением божьих рекомендаций, была опротестована

А.Дж. Диккенсом. Он не отрицает, что среди воспринявших пуританскую мораль и образ жизни было немало предпринимателей, однако утверждает, что хищных предпринимателей среди них на ранних этапах не было вовсе, и лишь на поздних появилось сравнительно небольшое количество пуритан, позволяющих себе думать, что в деле получения прибыли Бог им дал возможность и право действовать сообразно необходимости. Чарлз и Кэтрин Джонс, в свою очередь, утверждают, что в XVI – первой половине XVII вв. пуритане крайне негативно относились ко всем проявлениям капиталистического предпринимательства: к роскоши, ростовщичеству, жадности и обману при заключении сделок, лишь со временем примирившись с окружающими их явлениями капиталистической экономики [2, с. 144]. Эти нормы не только позволяли следить за собственным моральным обликом, но являлись подспорьем в экономической, торговой деятельности: бережливость позволяла сохранять нажитое, осторожность помогала просчитывать риски в заключении сделок, ответственность влияла на поддержание необходимых деловых контактов.

Основание такого отношения к жизни кроется в кальвинистском обосновании бытия человека. Кальвинизм проповедовал мирской аскетизм, накопление богатств не должно было каким-либо образом влиять на простой образ жизни верующего. Р. Гривз, объясняя негативное отношение пуритан к ростовщичеству (займы нуждающимся должны быть беспроцентными), ссылается на женеvскую Библию, в комментариях к которой было ясно указано, что ростовщикам грозит Божье наказание. Однако впоследствии, при преемнике Кальвина – Теодоре Безе, эта позиция сменилась на более терпимую.

Диккенс отмечал, что если сравнивать степень вовлечения в пуританизм между жителями деревень и городов, то наибольшее распространение пуританизм получил среди горожан, поскольку для его восприятия необходима была некоторая степень образованности, чего недоставало сельским жителям. Пуританизм, таким образом, сближал не классы и слои общества, а близких по духовному мировосприятию и провозглашаемым нормам общественной и личной морали членов местного сообщества.

При обсуждении вопроса о социальной природе пуританизма современные британские историки склоняются к мнению, что пуританизм лучше укоренялся в наиболее развитых в социально-экономическом отношении районах страны среди представителей формировавшегося в процессе становления капитализма предпринимательского класса, преимущественно из числа горожан. При этом отмечается, что такая взаимозависимость может быть охарактеризована лишь как своего рода

корреляция, а не жесткая причинная связь, поскольку во многих городах, которые даже составляли относительное большинство, пуританизм не имел заметного успеха. Приверженцев пуританизма исследователи находят среди представителей буквально всех социальных групп английского общества, подводя к выводу о том, что это зависело и от индивидуального выбора, а не только от социальной принадлежности человека.

Как было отмечено ранее, к движению пуритан к XVII в. примкнуло довольно много людей из разнообразных социальных слоев английского общества. Однако в XVI в. «очень немногие стали бы хвастаться, что они пуритане» [5, с. 2].

Относительно пуритан в период правления королевы Елизаветы I сложилось весьма невысокое мнение среди интеллектуальной английской молодежи. Настоятельное желание пуритан всех и вся переделать на свой лад, их желание участвовать в чужой личной жизни почиталось за наглость, глупость и лицемерие, им приписывали провоцирование ссор и излишнее любопытство, граничащее с назойливостью. В этом отношении историки любят приводить цитату из «Двенадцатой ночи Шекспира», произнесенную устами сэра Тоби: «Или ты думаешь: раз ты добродетелен, так не бывать на свете ни пирогам, ни вину?». Публицистика начала XVII в. изобилует примерами антипуританских настроений. Бен Джонсон в своих пьесах «Алхимик» и «Варфоломеевская ночь» едко высмеивает образ жизни и мораль пуритан. Так, в «Варфоломеевской ночи» булочник из Бэнбери закрыл свою лавку и забросил ремесло, поскольку его вкусные пироги и булки люди поедали на свадьбах, праздниках и иных недостойных сборищах.

Действительно, отношение пуритан к вопросам морали и этики в любых сферах деятельности человека (в особенности в богослужениях) было крайне серьезным.

Так, пуритане очень щепетильно относились к соблюдению воскресного дня. Историки пытались обосновать подобную важность воскресенья для пуритан. К. Хилл объяснял это экономическими причинами: ритм рабочей недели должен был быть единообразно выдержан, выходной день позволял сохранять и восстанавливать рабочие силы. Лишенные выходного дня работники в итоге могут загубить результат своего труда [4, с. 127]. Существует также вера во второе пришествие Христа, которое свершится в воскресенье, возможно, в какой-то степени это убеждение повлияло на столь настойчивое требование пуританами соблюдения выходного дня. Возможно, выходной день играл роль дисциплинарного надзора, поскольку именно в воскресенье все обязательно собирались на проповедь, где возможно было не только напомнить о заветах Божьих, но

и влиять на отношение прихожан к работе через пропаганду пуританских наставлений в поведении. Такую мысль высказывает и Хилл, считая, что развивающийся капитализм нуждался в методичной перedelке менталитета масс [4, с. 208].

В семейном плане пуритане придерживались, в основном, патриархального уклада. Муж являлся главой семьи, женщина находилась в полном его подчинении, основанием чему служили слова Св. Павла: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинует Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее...»

Детей пуритане воспитывали в строгости и послушании, дети эпохи Реформации – это продукт строгости и суровости своих родителей. Джон Робинсон считал, что гордыня и непослушание должно выбивать из детей силой. Детей следовало воспитывать в уважении к заповедям Божьим, в трудолюбии и разделении жизненных забот их родителей. Однако это не исключало, по мнению П. Коллинса, теплого и доброго отношения между детьми и родителями [Там же, с. 78–79].

В отношении к музыке, живописи, актерскому мастерству, вообще к искусству любого рода пуритане были настроены крайне серьезно. Искусство имело право на существование только в том случае, если имело религиозный подтекст, в противном случае оно служило на пользу распространения предрассудков, учило праздности и легкомыслию. В 1574 г. Елизавета I даровала графу Лейстеру патент, разрешающий ставить театральные представления во всех городах, «в том числе и в нашем городе Лондоне». Возмущенные этим постановлением пуритане вступили в борьбу с нечестивым развлечением, публикуя многочисленные памфлеты и трактаты: «Трактат, в котором игра в кости, танцы, суетные пьесы или интерлюдии и прочее пустое времяпрепровождение, обычное в воскресные дни, разоблачаются авторитетом слова божия и древних писателей» (Нортбрук, 1577), «Школа злоупотреблений» (Стивен Госсон, 1579), «Анатомия злоупотреблений» (Филипп Стэббс, 1583).

Обычные народные гуляния также были не в чести у пуритан, поскольку нарушали четвертую заповедь (обязательное посещение церкви по воскресеньям), несмотря даже на то, что гуляния и народные праздники сплавляли людей, позволяя сохранять добрососедские отношения в локальных сообществах. Именно этот фактор, согласно некоторым исследованиям, выдвигался в качестве основополагающего защитниками народных традиций от давления очистителей мира [3, с. 13].

Пуритане внесли большой вклад в повышение образовательного уровня английского общества. По мнению Стоуна, англичан конца XVI – первой половины XVII вв. отличал более высокий уровень образования по сравнению с прочими нациями [10, с. 41]. Объяснялся подобный рост образования ликвидацией католической монополии на получение знаний, социально-экономическим развитием Англии, требовавшим квалифицированных и образованных служащих, управленцев, исполнителей, а также подъем уровня жизни средних классов, получивших возможности вкладывать средства в образование своих детей. В немалой степени росту уровня образования способствовали пуритане, для которых образование было важной ступенью в развитии полноценной и сильной личности, а также способствовало развитию религиозного самосознания и воспитанию в детях трудолюбия [Там же, с. 71–72]. Пуритане основывали собственные учебные заведения для воспитания новых членов общества в духе и морали пуританизма. В Лондоне в 1596 г. был основан Грешем-колледж, администрацией которого были не духовенство, а миряне: торговцы и купцы. Х.Ф. Кирни, исследуя преподавательский состав колледжа, говорит, что среди преподавателей было довольно много священников, разделявших умеренно-протестантские взгляды. Уровень преподавания в Грешеме мало чем отличался от университетского в основных предметах, но «академическая университетская культура и образование были реорганизованы применительно к нуждам столицы» [6, с. 85].

Вопрос, насколько пуритане были вовлечены в благотворительную деятельность, не выяснен окончательно. У.К. Джордан, изучавший социальную деятельность пуритан в Англии в конце XVI – начале XVII вв., говорит о росте объемов благотворительной деятельности и приписывает этот импульс роста пуританам. В противовес ему Д.М. Пэллизер обращает внимание на произошедшую тогда инфляцию, на фоне которой этот рост становится не таким значительным [7, с. 347]. Согласно исследованию У. Ханта, пуритане осуждали неразборчивую благотворительность, материальной помощи, по мнению пуританских проповедников, заслуживали только смиренные бедняки.

А. Симпсон в своем исследовании «Пуританизм в Старой и Новой Англии» так описывает социальный состав пуритан: «пуритан поддерживали самые разные социальные группы, недовольные существовавшим положением вещей: знать, боровшаяся за привилегии при дворе, джентри, горожане, мелкие ремесленники, а в случае, когда усиливалась угроза со стороны папства, все англичане были более склонны к пониманию позиции пуритан. Настоящие пуритане всегда были меньшинством, но

в обществе существовала масса недовольных, которые питали пуританизм» [8, с. 11–12].

Подобного рода значительная неоднородность социального состава пуритан не могла не привести к расколу общего движения, в результате которого в их среде выделились: умеренное движение пресвитериан и радикальное течение индепендентов-сепаратистов.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22.
2. George Ch., George K. *The Protestant Mind of the English Reformation, 1570–1640*. Princeton, 1961.
3. Goring J. *Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England*. L., 1983.
4. Hill Ch. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. NY., 1967.
5. *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589–1646*. Baton Rouge–L., 1989.
6. Kearney H.F. *Puritanism, Capitalism and Scientific Revolution // Past and Present*. 1964. № 28.
7. Palliser D.M. *The Age of Elizabeth: England under the Later Tudor, 1547–1603*. L.–NY., 1983.
8. Simpson A. *Puritanism in Old and New England*. Chicago, 1955.
9. Stone L. *The Causes of English Revolution, 1529–1642*. L., 1972.
10. Stone L. *The Educational Revolution in England, 1560–1640 // Past and Present*. 1964. № 28.

Н.В. Шимонова

Неизвестный эпизод биографии Яна Андерса Егергорна, борца за независимость Финляндии и Ирландии

В статье рассматривается период жизни барона Я.А. Егергорна, связанный с заключением его в Тауэр в 1799 г. В работе используются неопубликованные документы из фондов Архива внешней политики Российской империи.

Ключевые слова: барон Я.А. Егергорн, Аньяльская конфедерация, Екатерина II, граф С. Р. Воронцов, лорд У. Гренвилл, лорд У.Г. Портленд, внешняя политика России и Великобритании конца XVIII в.

Одним из эпизодов русско-шведской войны 1788–1790 гг. было прибытие в Россию представителя финляндской оппозиции. В Санкт-Петербурге на встречу с Екатериной II в качестве депутата летом 1788 г. прибыл один из лидеров тайного союза финских офицеров [4, с. 159] майор Ян Андерс Егергорн (в переписке русских современников его называют Ягергорном, в современной финской исторической литературе – Юхани Антти Егергорном) с Лиикальской нотой, в которой предлагалось заключить мир с Россией и восстановить границы, установленные по Ништадскому миру [2, с. 30]. Екатерина II приняла Егергорна, однако, дав благожелательный ответ заговорщикам, осудила их за измену королю (хотя Густав III как личность не вызывал в ней сочувствия, получив от нее насмешливое прозвище «Фуфлыга-богатырь») и не оказала заговорщикам никакой реальной поддержки [3, с. 306].

Заговор, составленный в д. Аньяла (Аньяльская конфедерация), был подавлен королем Густавом III, офицеров-конфедератов в 1789 г. арестовали, но некоторые из них успели бежать в Россию. В числе последних был и майор Егергорн. В большинстве исторических работ, посвященных этим событиям, мы не найдем никаких сведений о том, как в дальнейшем сложилась судьба Егергорна. Между тем, в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) имеются документы, проливающие свет на некоторые обстоятельства его жизни после 1790 г. Они доказывают, что характеру этого человека был присущ авантюризм, постоянно заставлявший его принимать участие в опасных предприятиях. В этом отношении Егергорна можно назвать одним из типичных представителей

XVIII в. – века переворота в общественном сознании и общественных отношениях [6].

Ян Андерс Егергорн (J.A. Jagerhorn) происходил из шведского дворянского рода, жившего в Финляндии. Усадьба его родителей находилась в д. Туомаринкюля в Гельсингфорском (Хельсинском) приходе. Именно с Финляндией и с началом борьбы за ее независимость от Швеции будет связана значительная часть жизни Егергорна. Для современной Финляндии это настолько важно, что некоторые финские авторы называют его «предком независимости» (itsenäisyuden esi-isä) своей страны [7].

В семье Егергорнов были сильны военные традиции. Поэтому Ян уже в 14 лет вступил в шведскую армию. Известно, что в 1779 г. он учился в Берлинской военной академии, а потом дослужился до майорского звания.

Егергорн был душой Аньяльского конфедерации [Там же], при этом сильное влияние на него оказал его кумир Г.М. Спренгтпортен. Оба они выступали за независимость Финляндии, внося в заговор сепаратистский оттенок, разделяемый далеко не всеми участниками конфедерации.

После разгрома Аньяльской конфедерации Егергорн бежал в Россию и поступил на русскую службу, однако довольно скоро понял, что Екатерина II не намерена предпринимать решительных шагов для борьбы за Финляндию. Майор Егергорн принимал участие в сражениях против Швеции в составе русских войск (1789 г.). За это он был лишен шведским правительством состояния и дворянства и приговорен к смерти, как и многие другие участники заговора офицеров. После заключения мира между Россией и Швецией в 1790 г. Егергорн ушел с русской службы и переехал жить в Голштинию, в собственное имение, получая от российского правительства пенсию в размере 2 тыс. руб. ежегодно.

Человек кипучей энергии, майор Егергорн не был доволен мирной жизнью. Французский посланник в Голштинии Шарль-Фредерик Рейнхард в своем донесении в Париж писал о нем так: «Военное искусство – это его страсть. Он, было, ринулся принимать меры на службе у испанцев, когда события в Ирландии предложили ему возможность служить любимому делу – идеям свободы» [Там же]. С другой стороны, современник Аньяльского выступления М. Маннергейм характеризовал Егергорна как человека экзальтированного и фанатичного, беспокойного, немного помешанного, полного «безрассудных планов и проектов» [5, с. 165].

Действительно, еще находясь в Германии, Егергорн свел знакомство с лордом Эдвардом Фицджеральдом, одним из видных деятелей борьбы ирландцев за независимость. Финский историк Борье Тилман пишет, что Егергорн был тайным агентом Франции (1792–1793 гг. он провел в Париже), и именно в этом качестве отправился из Гамбурга в Лондон

на встречу с Фицджеральдом. В период 1796–1798 гг. ирландские мятежники старались наладить прямые связи с французскими союзниками. Тутто и потребовался Егергорн. Он покинул Гамбург в апреле 1797 г. уже в качестве тайного агента французского правительства. В республиканском Париже приверженца свободы Финляндии посчитали подходящим посредником в ситуации, в которой все сомневались во всем и во всех [9].

Прибыв в Англию, Егергорн встретился с Фицджеральдом. В том же году ирландцы подняли восстание, которое было решительно подавлено. Фицджеральда арестовали, и он умер в тюрьме в июне 1798 г. Егергорн вернулся в Германию. Однако весной 1799 г. он вновь отправился в Англию. Тилман сообщает, что это была поездка личного характера, сам Егергорн также утверждал впоследствии, что данная поездка была частной¹, и при въезде в страну был арестован и отправлен в Тауэр. С 1799 по 1801 гг. Егергорн провел в Тауэре без вынесения приговора (против него так и не было выдвинуто обвинение). В тюрьме неукротимый майор Егергорн трудился над собственным изобретением: улучшенным паровым двигателем, или вечным двигателем (оба изобретения упоминаются в архивных документах). В ноябре 1801 г. он был освобожден и вернулся в Германию.

После окончания русско-шведской войны 1808–1809 гг. бывший аньяльский заговорщик вернулся в родную Финляндию. Как участник парламента в г. Порвоо (*шведск.* Борго) в 1809 г., Егергорн принял активное участие в создании нового правительства Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Финский историк Ю.Р. Даниельсон-Калмари подчеркивал, что именно Егергорн высказал мысль о том, что российский император должен высказать обязательство уважать старинные права и законы Финляндии [7]. Таким образом, по мнению историка, была заложена основа финской независимости, осуществленной в XX в. Итак, главная цель всей жизни Егергорна осуществилась. В 1825 г. он умер в своем доме в Порвоо.

Деятельность Егергорна (в период, относящийся к 1788 г. и созданию Аньяльского союза) разными историками рассматривалась и как патриотическая по отношению к Финляндии, и как предательская по отношению к Швеции. «Хитрым крамольником» назвал его в своем труде российский историк М.М. Бородкин [1, с. 259], клеймом предателей наградила всех участников Аньяльской конфедерации шведская писательница Ц. Боот-Хольмберг [4, с. 162], а Даниельсон-Калмари охарактеризовал его

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 513 (1799 г.). Л. 37–38.

следующим образом: «Среди первых борцов за самостоятельность Финляндии Егергорн является тем человеком, имя которого должно с благодарностью передаваться из поколения в поколение народом, увидевшим, наконец, осуществление его мечты» [4, с. 164].

Таковы основные вехи биографии этого человека. Однако документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) проливают свет на один из эпизодов истории его заключения в Тауэре в 1799 г. Вместе с тем они дают возможность оценить степень искренности императора Павла I по отношению к Англии, совместно с Россией сражавшейся в это время с Францией. Как известно, российские и зарубежные ученые неоднократно выражали убеждение в том, что в 1799 г. Павел I уже вынашивал планы разрыва со своим «неверным союзником». Однако поведение российского правительства в отношении Егергорна может говорить об обратном.

Итак, оказавшись в заключении, Егергорн решил обратиться себе на пользу тот факт, что он находился на русской службе, и получает пенсию от петербургского правительства. Через свою жену он обратился за помощью к русскому послу в Лондоне графу С.Р. Воронцову. Воронцов просил священника православной церкви при посольстве отца Я.И. Смирнова [5, с. 45–78] разобраться в этом деле и доложить ему. В донесении Павлу I от 9/20 августа 1799 г., резюмируя произошедшее и приложив к письму отчет Смирнова, посетившего узника в Тауэре, Воронцов сообщал обо всех событиях, упомянув (со слов жены Егергорна), что причиной его обращения в посольство было то, что «Российской двор обещал ему везде свою протекцию», а потому Егергорн и просил именно его о «заступлении и освобождении»¹.

Егергорн также поручил жене просить свидания с Воронцовым или «с кем-нибудь другим от меня к нему для сего присланным». Воронцов на это возразил, что не может лично вмешиваться в такое дело, несмотря на важные услуги, оказанные отставным офицером России, потому что, возможно, были причины арестовать его, «тем паче, что в крепость Tower (Тауэр. – Н.Ш.) никого не сажают, кроме Государственных преступников». Дело было еще и в том, что министр иностранных дел лорд У. Гренвилл в 1789 г. говорил с Воронцовым о Егергорне как о весьма подозрительном человеке, но посол «тогда не знал [о] его связи с Россией»². В такой сложной ситуации Воронцов и решил сначала отправить на свидание с Егергорном священника Смирнова.

¹ АВПРИ. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 513 (1799 г.). Л. 33–36.

² Там же.

Смирнов выполнил поручение и 8/19 июня 1799 г. представил Воронцову подробный отчет о посещении Егергорна. Отчет дает представление о том, как и почему тот оказался в заключении.

На вопрос Смирнова о том, что желает он сказать, Егергорн ответил, что «у него для донесения особенного нет ничего, кроме того, что он, будучи арестован по повелению Правления и посажен в крепость, не знает тому причины», что никакой вины за собой он не чувствует и просит защиты графа Воронцова от «Правительства Здешняго», и просит либо предъявить ему обвинение, либо выпустить его из тюрьмы¹.

Смирнов заметил ему, что все требования Воронцову он передаст, но, по его твердому убеждению, британские власти не заключают под стражу людей без вины, это касается как своих, так и иностранных граждан. И не интересовался ли сам барон причиной своего ареста? Да, ответил он, интересовался, но статс-секретарь внутренних дел герцог У.Г. Портленд ему «ясных причин не показал, а токмо объявил, что его подозревают, будто бы он имел связи, противные Правлению по делам Ирландским»².

Смирнов просил сообщить причины такого обвинения. Егергорн ответил, что в 1796 г., находясь в собственном имении в Голштинии, в двух милях от Гамбурга, он «познакомился с [французским] генералом de Valence (Ж.Б.С.А. де Тимбрюн де Тьебронн граф де Валенс. – Н.Ш.) <...> сей сказал ему, что он знаком с Англии[й]ским Милордом Фитц-Жералдом так в тексте. – *Н.Ш.*, человеком весьма любезным и просвещенным, и для того желает свести между ими знакомство, которое, конечно, взаимно будет им приятно: сим случаем <...> я познакомился с Лордом Фитц-Жералдом и действительно нашел в нем человека весьма просвещенного и приятного, я ж <...> тем более еще желал с ним познакомиться покороче, поелику живучи у себя в деревне, я изобрел род паровой машины, которая гораздо простее и действительнее тех, кои ныне в употреблении; и которую я даже намерен поднести сведению Его Императорского Величества, которого я имею честь знать персонально, и как для рассмотрения того, что уже в сем роде изобретено в Англии, так и для вящего усовершенствования сей машины, я имел намерение поехать в Англию, то по сим причинам знакомство его для меня было и приятно и желательно»².

Вскоре после этого Егергорн прибыл в Лондон, где искал встречи с Фицджеральдом, «имея сообщить ему словесную посылку от Генерала де

¹ АВПРИ. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 513 (1799 г.). Л. 37–41.

² Там же.

Valence». Фицджеральд находился в это время в Ирландии, но туда барон попасть не смог, т.к. герцог Портленд отказал ему в паспорте. Егергорну пришлось дожидаться Фицджеральда в Лондоне. В конечном итоге, Фицджеральд, намереваясь (по словам Егергорна) привезти одну из своих сестер в Лондон, сам прибыл на место встречи, сообщив об этом барону в ответ на его письма. Информация, которую Егергорн должен был передать ему, «состояла в том, чтобы от Генерала de Valence сказать лорду Фитц-Жеральду, что Ирландцы не должны ожидать от Франции той помощи, которой они требуют; что они сами должны, как хотят, разделяться с Аглинским Правлением, а от Франции пособия чтобы не ожидали»¹.

Тут следует сказать, что речь идет о периоде между двумя неудавшимися французскими экспедициями в Ирландию, и конкретно о ситуации, сложившейся после провала высадки французского десанта генерала Л. Гоша в Бантри-Бэй в декабре 1796 г. В течение 1796–1798 гг. отношения между французским правительством и ирландскими мятежниками изменились. После смерти генерала Гоша в 1797 г. Уолф Тон, основатель антианглийского общества «Объединенных ирландцев», лишился поддержки. Генерал Наполеон Бонапарт обещал Директории нанести главный удар могуществу Англии, вторгшись в Египет и Сирию для того, чтобы перерезать пути коммуникации с Индией. Директория приняла его план, а ирландцам предложили не ждать скорой помощи от Парижа. Однако Тон не оставлял надежд на содействие Франции и добился снаряжения второй экспедиции (в октябре 1797 г.), тоже оказавшейся неудачной. Согласно сведениям, полученным герцогом Портлендом (его записка будет приведена ниже), Егергорн принимал активное участие в этих событиях в качестве связного на протяжении всего 1797 г.

Егергорн же уверял Смирнова, что искренне считал свою миссию не опасной для Англии. «Сия посылка, тут он мне приметил, не токмо не вредна, но еще весьма полезна для Англии; следовательно, она не могла делать меня подозрительным, а я, конечно, по чьей-нибудь злобе оклеветан Правлением, а затем и желал, чтобы оно объявило мне причины»². Наивное заверение из уст человека, скорее всего, действительно исполнявшего обязанности тайного агента Франции.

Считать его тайным агентом позволяет их длительное (в течение трех месяцев) общение в Лондоне с Фицджеральдом. Дела относительно паровой машины (ради которых, по его уверению, он и приезжал в Англию) Егергорн не окончил, но «по причине домашних нужд» возвратился

¹ АВПРИ. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 513 (1799 г.). Л. 37–41.

² Там же.

в Голштинию. В конце апреля 1799 г. он снова прибыл в Лондон из Гамбурга на купеческом судне и тут же, по его словам, «вдруг был арестован...». Герцог Портленд на письма Егергорна не отвечал. Фицджеральд к этому времени умер «и не может уверить Правление, что я с ним более никаких связей не имел». Егергорн считал, что, кроме «чьих-нибудь клевет», правительство Англии против него ничего «иметь не может»¹.

Смирнов заметил ему, что после Фицджеральда осталось множество бумаг и, быть может, в них нашлась какая-нибудь компрометирующая информация, или кто-нибудь из арестованных сообщников мятежника донес на него. Священник также поинтересовался: на каком основании барон ожидает покровительства от российского посла?

Егергорн ответил: «я есть один из тех несчастных людей, которые в 1788 году, не терпя тиранства, налагаемого от Шведскаго Правительства, приняли покровительство Российской покойной императрицы. Услуги мои, говорил он, были Ей известны, равно как и Ея Кабинету и князю Безбородку [А.А. Безбородко – светлейший князь, с 1797 г. канцлер Российской империи. – Н.Ш.], к которому, продолжал он, я уже и писал через моих приятелей, что в Германии, с тех пор, как уже меня здесь арестовали». Смирнов тут же известил Егергорна о смерти кн. А.А. Безбородко, последовавшей 6/17 апреля 1799 г., и барон ответил, что «сие причинит великую перемену в его делах: ибо князю все его услуги были известны, и он от него надеялся [на получение] покровительства»². О каких именно услугах идет в данном случае речь, Егергорн не уточнил.

Смирнов ответил, что Двору его услуги должны быть известны, и письма Егергорна к Безбородко также будут переданы императору и им рассмотрены. Егергорн рассказал о ежегодной пенсии в 2 тыс. руб., которая была назначена ему Российским двором «за потерю, которую я потерпел в своей земле» и кроме того, прибавил он, что был «уверен (т.е. заверен. – Н.Ш.) от Кабинета, что где бы я ни находился, то могу пользоваться Российским покровительством, а вследствие сих уверений я и прибегаю требовать Покровительства от Российского Министра»².

Егергорн просил священника через посла отправить в Петербург письмо своему банкиру купцу Бардевику, «ибо несколько уже прошло времени, как я своей пенсии не получаю»².

Смирнов не дал Егергорну никаких конкретных обещаний, кроме обещания передать все услышанное Воронцову. Он выразил свое убеждение в том, что посол, конечно же, известит Павла I о просьбах

¹ АВПРИ. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 513 (1799 г.). Л. 33–36.

² Там же.

бывшего российского офицера и сообщит узнику Тауэра, какие «...меры в рассуждении его... будут... от [петербургского] Двора предписаны». Письмо к Бардевику с дозволения Воронцова пошлют немедленно. «Сим кончился мой с Бароном Ягергорном разговор, который продолжался около четверти часа»¹, – заключал свое донесение Смирнов.

Также в архивном деле находятся два документа с пометкой «секретно» на английском и французском языках, с характеристикой деятельности Егергорна, данной герцогом Портлендом по просьбе Воронцова «для извещения Вас, Всемилостивейший Государь <...> касательно его преступления». «Из них, – резюмировал Воронцов, – равно как из собственных сего барона разговоров с Священником Смирновым, нетрудно видеть, что он был в связи с Французами и с Ирландцами, затевающими бунт против Англии. Затем, хотя он и требует Российской протекции, я не думаю, чтобы Ваше Императорское Величество изволили рассудить за благо взойти в сие дело»².

Заключение Воронцова вполне естественно. Отношения Англии и России на тот момент были союзническими, дело шло к началу совместной военной экспедиции в Голландию, и русский двор не стал бы защищать человека, обвиненного в антиправительственном заговоре, несмотря на его былые заслуги. Тем более что род этих заслуг трудно было уточнить. Слишком неопределенны были пояснения самого Егергорна. Ведь он ни разу в разговоре со Смирновым не упомянул конкретных дел, которые он исполнил по поручению русского правительства. Да и бывшее участие Егергорна в заговоре против легитимного монарха не прибавляло ему популярности при Русском дворе. А пенсия была ему назначена, по его же собственным словам, только за то, что он потерял, выступив в Швеции заговорщиком и перейдя на службу в русскую армию.

Что же было в характеристике герцога Портленда? Она сводится к следующим фактам. Из секретного источника³ англичанам стало известно, что в течение всего 1797 г. майор Егергорн передавал корреспонденцию от французского правительства руководителям группы «Объединенные ирландцы», главным образом, Фицджеральду. Егергорн имел отношение к поставкам оружия, боеприпасов, перевозке военных в Ирландию, доводил до сведения французского правительства все, что происходило на переговорах в Ирландии, сопровождая донесения собственными замечаниями и наблюдениями, направленными на то, чтобы убедить

¹ АВПРИ. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 513 (1799 г.). Л. 33–36.

² Там же.

³ Там же. Л. 42.

Директорию согласиться на требования ирландской стороны, что будет способствовать успеху военных действий¹.

Вся полученная Воронцовым информация была отправлена в Петербург. В конце донесения ставился вопрос о пенсии, которая выплачивалась Егергорну русским двором. Воронцов предполагал, что в пенсии майору будет отказано². Действительно, так и произошло³. Русское правительство отказалось от всякой поддержки этого человека, утвердив тем самым официальное мнение о нем, как о предателе и «хитром крамольнике». Павел I явно не хотел портить отношения с Англией из-за Егергорна.

Как же можно охарактеризовать деятельность майора Егергорна, «оптимистичного интригана» (optimistinen vehkeilijämme), как определяет его Тилман [7]? Если исходить из его оценки как патриота и борца за независимость Финляндии, то его действия в Швеции в 1788–1790 гг. и в Ирландии в 1797–1799 гг. следует рассматривать как звенья одной цепи.

Остается только добавить, что на торжественной церемонии, проходившей в Порвоо в 1981 г., ирландский министр промышленности и торговли Десмонд Джозеф О’Мэлли открыл мемориальную доску в честь борца за независимость Финляндии и Ирландии российского офицера Юхани Антти Егергорна.

Библиографический список

1. Бородин М.[М.] История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912.
2. Варламова П.А. Россия и проблема самостоятельности Финляндии (1788–1790 гг.) // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999.
3. Екатерина II и Григорий Потемкин. Личная переписка 1769–1791 гг. / Сост. В.С. Лопатин. М., 1997.
4. Лайдинен А.П. К оценке Аньяльской конфедерации в русской дореволюционной и зарубежной исторической литературе // Вопросы истории Европейского севера. Петрозаводск, 1974.
5. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
6. Строев А.Ф. «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
7. Thilman B. Johan Anders Jägerhorn – Irlannin ja Suomen itsenäisyyden esitaistelija // URL: http://www.finnish-irish.fi/shamrock_jagerhorn.html. (дата обращения: 15.12.2010)

¹ АВПИР. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 513 (1799 г.). Там же. Л. 43, 45.

² Там же. Л. 36.

³ Там же. Л. 32.

А.А. Орлов

Новый мировой порядок в рамках венской системы. Великобритания и Россия: поиск основ послевоенного взаимодействия (1815 г.)

В статье описаны некоторые важные аспекты идейной борьбы в правящих кругах России и Великобритании по вопросу о необходимости сохранять тесный союз, принесший им в 1815 г. не только победу над Наполеоном, но и доминирование в Европе. На основании изучения новых архивных данных автором сделан вывод, что многосторонние связи Великобритании и России вовсе не отрицали, а скорее даже предполагали их острое политическое соперничество. Но при этом и в Лондоне, и в Петербурге осознавали: две страны, которые принесли Европе мир, должны остаться главными стражами венской системы международных отношений.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, венская система международных отношений, новый мировой порядок.

После окончания в 1815 г. наполеоновских войн в правящих кругах России, как и в политическом истеблишменте Великобритании, обострилась борьба по вопросу о том, необходимо ли в дальнейшем сохранять тесный союз двух стран, принесший им не только победу над Наполеоном, но и доминирование в Европе. Дискуссии, как правило, велись в двух направлениях: о важности военно-политического сотрудничества и о степени экономической заинтересованности двух стран друг в друге.

Точку зрения высокопоставленных россиян – противников пробританской ориентации – отражает записка одного из руководителей российского МИДа сенатора П.Г. Дивова о политике Англии на морях в XIV–XVIII вв., датируемая первой четвертью XIX в.¹ Записка, озаглавленная автором «Система Англии, почерпнутая из бытописания оной», посвящена доказательству тезиса, помещенного в самом ее начале. «Англия из давних времен имела только морские грабительные Силы, и предположение, [что они нужны для того, чтобы] Иностраннный Торг истре-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 917 (П.Г. Дивов). Оп. 1. Д. 104. Л. 1–6 об., 10–11.

бить, есть дело неоспоримое»¹. Дивов писал о том, что британцы никогда не стеснялись нарушать международное право, делая это во время войны и во время мира. Они нападали на корабли других наций в открытом море, на иностранных рыбаков, ведущих промысел, на испанские, французские и голландские колонии в Америке и на вест-индских островах. Ради достижения торгового преобладания в мире они совершали враждебные акции против государств, никогда даже не претендовавших на звание первостепенных морских держав. «...Наивящее (т.е. более всего. – *А.О.*) изобличает Купеческую зависть Аглинского Правительства... поступок оного относительно Австрии для истребления Остендской (так в тексте. – *А.О.*) Компании. Австрия яко морская держава ни мало не была опасна, но имела она выгодную торговлю с Ост-Индию. Сего достаточно было для Аглинского Правительства, чтоб запутаться в войну, которая окончилась токмо в 1731 году, с истреблением Ост-Индской Компании»².

Изложив историю борьбы Великобритании со своими противниками, Дивов приводит два примера удачного сопротивления этим притязаниям. Первый из них связан с созданием коалиции стран, присоединившихся к «вооруженному нейтралитету», объявленному Екатериной II в 1780 г. Французский император Наполеон I смог применить второе удачное, по мнению Дивова, средство борьбы с английским произволом – континентальную блокаду. «Франция, которая слишком (?) [долго?] предполагала одно великодушие всем удручениям Англии, имела на конец щастие Монополию Аглинскую победить собственным ея оружием, и на некоторое время только ограничила права Нейтралитета для прочнейшего обеспечения на будущие времена. Повествование нескольких веков оправдает поступки Франции и доказывает, кто истинные и единые враги были по сие время всех Торгующих Народов»³.

Мысль автора ясна: невозможно установить равноправные политические и экономические отношения с Великобританией до тех пор, пока она использует свой пиратский «морской кодекс». Но, поскольку британское господство на морях невыгодно большинству европейских государств, Россия и Франция, имеющие успешный, хотя и различный, опыт борьбы с «владычицей морей», могут оказать на нее давление, объединив и возглавив недовольных.

То, что взгляды Дивова не были взглядами одиночки, но разделялись другими близкими к высшей власти людьми, доказывают высказыва-

¹ ГА РФ. Ф. 917 (П.Г. Дивов). Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

² Там же. Л. 4 об.–5.

³ Там же. Л. 10–11.

ния бывшего сотрудника государственного секретаря М.М. Сперанского М.Л. Магницкого (1778–1835), приведенные в воспоминаниях публициста П.Т. Морозова, относящихся к концу 1820-х гг. На одном из вечеров, устроенных Магницким, он говорил: «Признаюсь, я вообще не люблю Западную Европу, но Англию ненавижу. Она, по моему мнению, скопище лицемеров, лже-либералов и ненавистников рода человеческого. Выгода Англии совершенно противоположна выгодам материка Европы. Наполеон I-й был глубоко убежден в этом. Не будет мира в Европе, говорил он, пока Англия не будет обессилена, и ослабление Англии сделал задачей своей жизни». Один из гостей возразил ему: Россия ведет обширную торговлю с Англией и получает от нее большие выгоды. Магницкий горячо отвечал: «вся внешняя торговля ничего нам не приносит, кроме убытка», но серьезных аргументов в доказательство своего тезиса не привел, предпочитая отшучиваться [5, с. 326–328].

Другая точка зрения существовала у людей, которых можно назвать англоманами. Они выступали в поддержку курса Александра I на сближение с Великобританией для того, чтобы не только сохранить политический союз двух стран, но и активно перенимать у Англии те достижения во всех сферах жизни общества, которые могут быть полезны в России. Для характеристики взглядов представителей этого направления следует обратиться к интереснейшей записке знаменитого мореплавателя И.Ф. (А.И.) Крузенштерна (1770–1846). Крузенштерн хорошо знал Англию и ее колонии, т.к. в молодости (в 1794–1799 гг.) служил волонтером на судах британского флота, получил большой опыт дальних плаваний у берегов Северной Америки, ходил в Южную Америку и Ост-Индию, побывал в Китае [6, с. 192–195; 8, с. 14–17].

На 1816–1817 гг. планировалось путешествие по России и за границу брата Александра I Вел. кн. Николая Павловича с посещением Британии. Император, полагавший тогда, что английская система государственного управления – лучшая в мире, считал необходимым познакомиться с ней и со страной в целом потенциального наследника престола. По просьбе их матери императрицы Марии Федоровны, а, возможно, и самого Александра I, Крузенштерн составил записку с перечислением всего, что могло бы заинтересовать брата императора. Вместе с тем он выразил в ней свое отношение к Англии и выделил причины, которые, с его точки зрения, сделали эту страну самой развитой и богатой в мире.

«Представляется несомненным, что Англия обязана своим политическим величием и экономическим процветанием исключительно счастливому соединению форм монархического и республиканского строя и точному определению прав каждого сословия. <...> Даже проведя в Англии

очень недолгое время, иноземец не преминет заметить, как там уважают человека, а вследствие этого и все то, на что он оказывается способен, – свидетельства тому обнаруживаются во всем, что там видят. Все англичане, не исключая самых низших классов, прекрасно знают устройство своей страны и незыблемые законы, в соответствии с коими она управляется. Этим законам привержены все ее интеллектуальные силы; именно они определяют всякий образ действия; отсюда берется та энергия, которую обычно проявляет англичанин в своих суждениях и действиях, – энергия, сочетающаяся, однако, со своего рода беспечностью, которая может проистекать только из точного представления о том, как далеко он смеет зайти, и глубокого убеждения в том, что ему незачем о чем бы то ни было беспокоиться, коль скоро он не переходит предписанных законом пределов»¹, – утверждал Крузенштерн.

Император оставил текст его записки без изменений и это свидетельствует о том, что он обязательно хотел познакомить своего брата с подобными взглядами, отчасти разделяемыми им самим. Но в то же время следует отметить: записка Крузенштерна лежит в архивном деле не первой. Ее предваряет другой документ с более осторожной позицией по вопросу о следовании британскому опыту. Крузенштерн также понимал: политическая система Англии уникальна, она складывалась столетиями и не может быть искусственно перенесена на другую почву.

Документ, предваряющий текст Крузенштерна, – это «Записка, предназначенная Е.И. Выс-ву Великому Князю Николаю по случаю Его путешествия за границу» (*Mémoire destiné à Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Nicolas à l'occasion de Son voyage dans les pays étrangers*), помеченная: Варшава, 30 сентября 1816 г.² Авторство документа не обозначено, но он уже публиковался в дореволюционной печати с указанием на принадлежность перу гр. К.В. Нессельроде [4, с. 291–298]. За два месяца до составления записки Нессельроде был назначен управляющим МИДом, хотя с 1815 по 1822 гг. ему приходилось делить руководство с И.А. Каподистрией. Как сказано в одной из биографий будущего министра и государственного канцлера, главное отличие Нессельроде от Каподистрии заключалось в том, что первый «...был довольно последовательным прагматиком в делах и большим конформистом в жизни» [7, с. 105]. Прагматично и осторожно подходил он и к вопросу о возможности восприятия британского опыта.

¹ ГА РФ. Ф. 728 (Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца). Оп. 1. Т. 1. Д. 1018. Л. 15–21 об., 22–30 об.

² Там же. Л. 1–14 об.

Этот вопрос Нессельроде поднимал в последнем разделе своей записки, названном им «Происхождение политических учреждений Англии» (*Origine des institutions politiques de l'Angleterre*). Здесь он сразу же отмечает уникальность английских государственных институтов, развитие которых «...происходило, поистине, исключительно медленным образом». Секрет устойчивости английской государственной системы автор видел в том, что «...и железному скипетру Генриха VII, Генриха VIII и Елизаветы, вторгавшемуся даже в духовные сферы, так и не удалось уничтожить ростки свободы, которые заключала в себе земля Великобритании. <...>

Даже когда вследствие развития событий преобразования назрели, там воздерживались от создания новых учреждений. Ограничивались лишь упразднением тех, что были созданы прежде, – таких, как Звездная палата (*Chambre étoilée*) или Высокая комиссия (*Commissions arbitraires*), поскольку они превращали королевские prerogatives в абсолютную власть. <...>

Никто не создавал английского устройства, и никто его не трогает. Это прекрасное сооружение стало следствием постоянно поддерживаемого и усмиряемого столкновения между устремлениями властей и чаяниями народа. Его можно уподобить плотине, воздвигнутой в месте слияния двух рек, которые укрепляют ее своими наносами» [4, с. 295–298].

Восхищаясь английским феноменом, Нессельроде в то же время предостерегал своего читателя от опасного и широко распространенного заблуждения, заключающегося в том, что «...те же самые формы можно привить другим народам и государствам». По его словам, «...великое развитие английских установлений состоялось только благодаря изолированности страны. Если бы не это обстоятельство, великие потрясения, которые претерпела Англия, несомненно, не раз грозили бы ее национальной и политической независимости. К тому же сцепление естественных причин и необходимых следствий является единственной гарантией долговечности любого установления. Таким образом, желание позаимствовать иноземные формы для устройства какого-либо народа равнозначно попытке подменить случайным волеизъявлением всю совокупность причин, часто незапамятных, и имитировать последствия. В результате воспроизводится только буква конституции, а ее дух – никогда» [Там же].

По мнению автора, основные принципы либерализма, на которых построена правовая система Великобритании, неприменимы в других странах. «Например, принцип, согласно которому всякий гражданин должен быть судим равными себе (*par ses pairs*), имеет отношение к универ-

сальной истине и справедливости. Тем не менее, сколько же стараний нужно приложить, чтобы привести все классы в такое состояние, при котором они смогут плодотворно осуществлять эту почетную обязанность. Также обстоит дело и с правом самообложения, и с правом разбирать деятельность государственных министров, и прочими прерогативами того же рода» [4, с. 295–298].

Неприятие Нессельроде вызывает господство буржуазии в парламенте, в котором «...земледельческий класс вовсе не располагает... своим особым представительством, также как в Швеции и некоторых частях Германии». Это не опасно для английского дворянства, поскольку оно «...вовсе не теряет своего достоинства, занимаясь коммерцией, поскольку само правительство там является всего лишь главным и самым богатым спекулянтом. При иных предпосылках в другом месте тот же самый порядок стал бы весьма пагубным, поскольку извратил бы предназначение дворянства или не оставлял бы, в конечном счете, никаких средств к существованию для классов, которые не имеют больших земельных владений» [Там же].

В заключение автор записки делает следующий вывод: «Это касается всех особенностей правительственной системы, которая возобладала в Англии. Чем больше их изучаешь, тем больше убеждаешься в том, что все они в совокупности не являются творением воли людей; что это устройство имеет своим основанием частную жизнь, нравы и предания английского народа, предохраняемого от всяких покушений морями, которые окружают его родную землю; что, наконец, тамошние установления заслуживают внимательного изучения только ради приложения способностей исследователя к размышлению, а не в качестве каталога конституционных форм, из которого можно позаимствовать характеристики нового здания, сооружаемого совсем под другим небом и совершенно в другой обстановке» [Там же].

«Нессельроде беспокоился напрасно: политическая жизнь Англии осталась для Николая книгой за семью печатями. Он не интересовался ею и сохранил на всю жизнь к ней пренебрежительное отношение», – утверждал советский историк Н.А. Ерофеев [3, с. 28], почти дословно повторяя вывод дореволюционного ученого Н.К. Шильдера [10, с. 76]. Это мнение представляется мне в корне неверным. То, что на Вел. кн. Николая Павловича серьезно повлияли идеи, изложенные в записке Нессельроде, доказывают строки из инструкции, данной императором Николаем I старшему сыну и наследнику (цесаревичу) Вел. кн. Александру Николаевичу (1818–1881) перед путешествием 1838–1839 гг. по странам Западной Европы (причем тоже с посещением Великобритании). Император писал:

за границей «многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания, и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может. Мы должны всегда сохранить нашу национальность, наш отпечаток и горе нам, ежели от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость!

Но чувство сие не должно отнюдь тебя делать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытно или отличительно. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты многое увидишь и узнаешь полезного, и часто драгоценного тебе в запас для *возможного* (здесь и далее курсив публикаторов. – А.О.) подражания. <...>

Не дозволяй себе никаких политических суждений, избегай сих разговоров и вообще *слушай* – рассуждай про себя и только в необходимости отвечай, и тогда – всегда *по совести*» [9, с. 31–32]. Цесаревич последовал совету и внимательно присматривался ко всему, чем гордилась Англия (часто ему показывали те же достопримечательности, что и его отцу, и он с удовольствием сообщал: «англичане Тебя помнят!» [Там же, с. 413]), выражая личное отношение к увиденному только в письмах, отправляемых императору.

Итак, спектр мнений по поводу отношения к Англии в российском обществе второй половины 1810-х гг. был весьма разнообразен. Ситуацию обостряла полемика вокруг вопроса о том, как избежать губельной для новых отраслей российской экономики зависимости от британской торговли и промышленности, сохранив прежние доходы казны и частных лиц. Но британцы были крайне заинтересованы в продолжении выгодных для них коммерческих связей с Россией. На Александра I в 1813–1815 гг. оказывалось постоянное давление с целью побудить его изменить протекционистский таможенный тариф от 19 декабря 1810 г., действие которого продлевалось вплоть до 1815 г. Также шла борьба за заключение нового торгового договора между Россией и Британией.

Британский генеральный консул в Петербурге Д. Бейли в письме к своему другу банкиру Дж. Бродгену от 29 июня / 11 июля 1814 г. обвинял императора в фактическом продолжении политики континентальной блокады, что крайне отрицательно сказывается на состоянии российских финансов, а, значит, и на объемах двусторонней торговли. «Но не одни только расстроенные финансы явились причиной, по которой правительство и страна оказались в тяжелейшем положении. К ним добавились ограниченная зона торговли, дезорганизация управления, плохое исполнение или, скорее, неисполнение законов, актов, правил и инструкций

каждым департаментом исполнительной власти. Все это стало настолько очевидным и повсеместным, приняло такой всеобщий и откровенный характер, что перестало теперь привлекать к себе внимание и вызывать хоть какую-либо критику, ранее бывшую такой шумной и постоянной; все это приобрело такие нетипичные для этой страны в прежние времена, просто невиданные ранее формы и масштабы, что наводит меня и других лиц, занимающих сходное с моим служебное положение, на не самые приятные размышления» [2, с. 183]. Несколькими месяцами ранее консул, объясняя секретарю британского посольства в Петербурге лорду Г. Уолполу настоятельную необходимость добиваться заключения полноценного торгового договора, утверждал: «...Возражение вызывает не российское законодательство как таковое, а его применение на практике. В этом и состоит разница между положением российского купца в Лондоне и английского в Петербурге. Первому не требуется никакого торгового договора, он пользуется равными правами, закон в той же степени защищает его интересы, как и интересы любого англичанина, чего, и об этом я заявляю с полной ответственностью, не происходит здесь...» [Там же, с. 182]. Российский генеральный консул в Лондоне А.Я. Дубачевский свидетельствовал: британцы использовали все имеющиеся в их распоряжении правовые нормы (таковые в избытке предоставлял «морской кодекс») для борьбы с конкурентами [1, с. 133–135].

При Александре I новый торговый договор с Великобританией так и не был заключен. Бейли указывал на следующую причину прохладного отношения российских властей к данному вопросу: ожидалось, что после введения в действие либерального таможенного тарифа от 31 марта / 12 апреля 1816 г. «...в течение первого года действия тарифа (1817-го. – *А.О.*) приток как предметов роскоши, так и предметов первой необходимости примет огромные масштабы и, учитывая продолжительный период их нехватки, они будут с легкостью раскупаться. Следствием этого явится рост суммы денежных переводов помимо векселей и трат и прекращение падения курса местной валюты. Единственным оправданием принятия этого тарифа является ожидание значительного роста государственных доходов, который должен восполнить снижение поступлений от таможенных пошлин, так как многие товары, особенно шерстяные ткани, подлежат обложению крайне высокими налогами в соответствии с этим тарифом, если он будет принят. Что же касается заключения торгового договора, то я считаю, что момент для этого уже упущен» [2, с. 186–187].

Современный английский историк Дж. Хартли, опубликовавшая переписку Бейли, полагает: русская сторона извлекла из этих договоренностей

больше пользы, чем британская. «Россия была освобождена от уплаты части своих долгов, не пойдя при этом на значительные уступки в области торговли. Кроме того, у России имелись достаточно серьезные внутренние причины, связанные с торговлей, по которым ей было необходимо ввести в действие новый тариф, носящий менее запретительный характер. В любом случае он мог быть впоследствии изменен, что и было фактически сделано дважды (в 1819 и 1821 г.). Жалобы же английских купцов на условия, в которых им приходилось вести дела в России, продолжали оставаться без ответа в течение всего царствования Александра I и позже» [2, с. 180].

Думается, что Александр I пошел на выгодное для Великобритании изменение таможенного тарифа не только из-за стремления добиться решения проблемы государственных долгов, хотя это само по себе очень важно, учитывая печальное состояние российских финансов. После окончания наполеоновских войн он продолжал активно бороться за создание системы коллективной безопасности, сменив военные методы на дипломатические. «Его попытки в это время создать международную систему на принципах права оставались постоянной целью его политики в течение всего [периода] его правления, хотя его суждение [о том, как] придать силу закона фундаментальным основаниям такого порядка изменялись со временем. <...> Убеждение царя, которого он придерживался до конца 1820 г., что каждый народ должен иметь правительство, наилучшее соответствующее ему, и что все должны действовать сообща в некотором роде всеобщего союза, защищающем безопасность каждого члена, конечно, весьма сильно изменились в практической реализации. Эти принципы могли быть, и были применимы в различных ситуациях и могли быть использованы для высоколиберальных оправданий или весьма реакционного образа действий», – пишет американский историк Б. Елавич (Джелавич) [11, с. 34–35].

В деле борьбы за создание нового порядка главным партнером для Александра I по-прежнему оставалась Британия. Это просматривается и в условиях заключения важнейших договоров 1815 г.: Священного союза (подписан 14/26 сентября 1815 г.), осторожно, но недвусмысленно поддержанного британским министром иностранных дел Г.Р. Стюартом, лордом Каслри, и Четверного союза (от 18/20 ноября 1815 г.), в котором Лондон принял самое активное участие. Священный союз был призван создать условия для мирного разрешения возникающих конфликтов с помощью регулярного созыва конгрессов стран-участниц, отстаивающих принцип легитимизма. Четверной союз гарантировал Европе сохранение достигнутого после окончания наполеоновских войн «баланса сил».

Вплоть до смерти Каслри в 1822 г. Лондон и Петербург не упускали ни одной возможности для того, чтобы продемонстрировать взаимопонимание и дружелюбие. В Англии в конце 1816 – начале 1817 гг. с помпой принимали Вел. кн. Николая Павловича. Британские фабрики и заводы выполняли массу заказов для российских потребителей. Изобретатели наперебой предлагали воспользоваться их новинками. Александр I сразу после получения ходатайства командующего русским оккупационным корпусом во Франции генерал-лейтенанта графа М.С. Воронцова (1782–1856) об уплате английскому генерал-майору Блэйми (Blaymy) долгов русских офицеров (5 535 франков), накопившихся во время их совместного пребывания в плену, приказал немедленно выдать деньги из суммы, сбереженной от офицерских порционов¹. Российские власти, пожалуй, никогда так хорошо не относились к путешествующим британцам, как в период 1815–1818 гг. Практически ни одна просьба о посещении государственных, военных и общественных учреждений, в т.ч. Шлиссельбургской крепости – тюрьмы для политических преступников, овеянной в сознании европейцев страшными легендами, не оставалась без удовлетворения. Огромное восхищение во всех слоях российского общества вызывал Веллингтон. Уважительное отношение к герцогу, получившему в 1818 г. одновременно чины фельдмаршала российской, прусской и австрийской армий, сохранилось в России надолго, несмотря на все сложности и конфликты в двусторонних отношениях.

Тесные и разнообразные связи Британии и России, а также их взаимная зависимость друг от друга в сфере международной коммерческой деятельности вовсе не отрицали, а скорее даже предполагали острую политическую и идейную борьбу. Говоря современным языком, проявлялось стремление диверсифицировать внешнеполитические отношения, приобрести определенную свободу действий. Люди, стоящие у кормила власти, напряженно работали над разработкой иных вариантов международных альянсов, искали новых стратегических партнеров. Но при этом и в Лондоне, и в Петербурге осознавали: две страны, в союзе со своими партнерами принесшие Европе мир, должны остаться главными стражами венской системы международных отношений.

Библиографический список

1. Внешняя политика России XIX и начала XX в. // Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. VIII. М., 1972.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395 (Инспекторский департамент). Оп. 65/320 (1818 г.). 2-е отд. 2-й стол. Св. 175/151. Д. 835. Л. 1–2.

2. «Возражение вызывает не российское законодательство...». Публикация Дж.М. Хартли // Исторический архив. 1995. № 1.
3. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825–1853. М., 1982.
4. Записка, предназначенная его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествия за границу. Варшава, 10-го сентября 1816 г. Сообщ. Е.[С.] Шумигорский // Русская старина. 1898. Т. 95. № 8.
5. Из Одесских воспоминаний П.Т. Морозова // Русский архив. 1877. Кн. III. № 11.
6. Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996.
7. Нессельроде Карл Васильевич, министр иностранных дел Российской империи (1816–1856 гг.) // Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 3. Биографии министров иностранных дел. М., 2002.
8. Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974.
9. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под ред. Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко. М., 2008.
10. Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903.
11. Jelavich B.A. A Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. Philadelphia–NY., 1964.

О.А. Гончарова

Взаимодействие политических партий с институтами гражданского общества

В статье рассматривается проблема взаимозависимости и взаимовлияния формирования партийной системы и становления гражданского общества в современной России. Конкурентные политические партии являются одним из важнейших институтов демократической системы. Одновременно политические партии включаются в гражданское общество как наиболее институционализируемая его часть, и их развитие рассматривается в качестве критерия развития общественности.

Ключевые слова: гражданское общество, политические партии, партийная система, политическое сознание, целевая группа, имидж политической партии.

Проблема взаимозависимости и взаимовлияния формирования партийной системы и становления гражданского общества в современной России представляется значимой и актуальной в связи с рядом обстоятельств.

Общепринятым является утверждение, что конкурентные политические партии являются одним из важнейших институтов демократической системы. Одновременно политические партии включаются в гражданское общество как наиболее институционализируемая его часть, и их развитие рассматривается в качестве критерия развития общественности [4, с. 37].

В различных моделях организации демократического режима неизменно подчеркивается особая роль партий. Р. Даль, обосновывая роль гражданской активности в демократическом обществе, отмечает, что политические партии и общественные организации должны влиять на правительство путем участия в выборах и другими мирными способами. Более того, он прямо указывает на значительную роль политических

партий в функционировании гражданского общества. По его мнению, «независимые ассоциации являются источником гражданской компетентности и информированного знания. Они предоставляют гражданам не только сведения, но и возможность вести дискуссии, устраивать обсуждения тех или иных вопросов и оттачивать свое политическое мастерство» [3, с. 97].

Место политических партий в политической системе детерминировано их двойкой природой: они являются одновременно элементом гражданского общества и частью государственного механизма.

Партия вырастает в механизм государственной власти, придает ей уникальное качество агента двусторонней связи гражданского общества и государства. Политическая партия служит каналом трансляции интересов гражданского общества к государству [9, с. 175]. Однако для партий характерна нацеленность на достижение своих сугубо партийных интересов: получение, удержание и осуществление власти посредством продвижения своих представителей на ключевые посты в государстве, опираясь на поддержку общества, полученную в открытом состязании с другими партиями в электоральном процессе [7, с. 53].

Задача современной партийной системы Российской Федерации заключается в том, чтобы формировать горизонтальные связи между людьми и их общественно-политическими объединениями, поддерживать и развивать договорные отношения как инструменты укрепления институтов, уравнивающих государство и одновременно поддерживающих индивида. Здесь проявляется некоторое противоречие между политическими партиями и гражданским обществом, которое нивелируется в политической системе взаимной заинтересованностью и зависимостью политических партий, гражданского общества и государства.

С этой точки зрения политическая система представляет собой два циркулирующих, взаимообусловленных процесса: процесс обмена интересами и процесс обмена решениями.

Обмен интересами определяется тем, что во взаимоотношениях политических партий и гражданского общества политические партии заинтересованы в создании и укреплении социальной базы поддержки, выражающейся в формировании общественного мнения и прочных социальных связей. Гражданское общество заинтересовано в государственной поддержке гражданских инициатив через участие политических партий во властных отношениях. В первом случае интересы политических партий определяются стремлением к мобилизации граждан к волеизъявлению и поддержке партий на выборах, а во втором – гражданское общество стремится мобилизовать политические партии на поддержку структур

гражданского общества. Обмен интересами происходит в партийно-политической системе по двум каналам: коммуникационному и организационному.

Если коммуникационный канал предполагает синтез политическими партиями импульсов, исходящих со стороны гражданского общества, которые трансформируются в специфический политический язык, выражающийся в идеологиях, программа, лозунгах, выступлениях и позициях лидеров, политической рекламе, формировании имиджа политической партии, то организационный канал включает в себя создание и укрепление собственно партийной организации, формирование социальных связей с группами интересов и укрепление позиции партии в социальных сетях [7, с. 55].

Обмен решениями происходит в рамках политических институтов и включает в себя два процесса: процесс принятия избирательных решений гражданским обществом (процесс голосования) и процесс принятия политических решений (процесс политического управления).

Особое значение в процессе обмена интересами по коммуникационному каналу играют идеология партии и ее программные цели. Эти два компонента позволяют отличать партии друг от друга, позволяют гражданам идентифицировать себя с той или иной политической партией, системой ценностей и интересов.

Не менее специфической предстает и связь между теоретическим и так называемым актуализированным уровнем функционирования идеологии – массовым сознанием. По мнению некоторых исследователей, современное состояние массового сознания стимулирует идеологов на поиски идей, способных в разных случаях либо превратить обывателя в гражданина, сознающего свои интересы и соизмеряющего их с интересами общества и других граждан, либо сделать гражданина обывателем, далеким от сознания общественного интереса [5, с. 100].

Формирование политического сознания начинается с критического осмысления окружающей действительности, в первую очередь, под влиянием конкретных условий жизни, куда человек объективно попадает и которые были созданы для него. Эти условия интегрируют и уровень развития общества, и конкретную ситуацию (политическую, экономическую, социальную). В данном случае они воспринимаются человеком как результат заботы о нем государства, политических партий, как оценка его роли и места в общественном развитии.

Подход к формированию программно-идеологических принципов в России имеет свою специфику. Лишь небольшая часть избирателей мыслит в отчетливых идейно-политических категориях. Эта

составляющая имиджа политической партии является самой главной, поскольку отражает основной смысл создания и деятельности политической партии.

В современной российской политике существуют две взаимообусловленные тенденции: партии являются важным фактором оформления идеологий как способа коммуникации и, наоборот, идеологии формируют политические партии и их имидж. Кроме того, в российской партийной системе существуют и формальные требования к необходимости разработанных партийных программ: в соответствии с новым Федеральным законом «О политических партиях» партийные программы приобрели статус необходимых документов, которые должна иметь политическая партия для прохождения государственной регистрации.

Выборы многими российскими избирателями воспринимаются как способ выразить свое отношение к политикам и политическим партиям. Желание продемонстрировать солидарность с той или иной альтернативой развития, представленной в программно-идеологических позициях партий, играет большую роль в электоральном поведении избирателей. Именно поэтому через программно-идеологическую составляющую имиджа политические партии не только определяют себя как политическую организацию с определенной позицией, но и апеллируют к интересам тех или иных социальных групп [7, с. 78, 80].

Для достижения необходимых результатов при выступлении на выборах и в партийном строительстве политическая партия должна решить ряд ключевых проблем, из которых на первое место выходит определение стратегии поведения политической партии в партийной системе и в избирательном процессе [8, с. 149–179].

Стратегия поведения политических партий в партийно-политической системе предполагает определение основной линии поведения в отношении структур гражданского общества, целевых групп избирателей, групп интересов, органов власти, конкурирующих политических партий, средств массовой информации и других участников политического процесса.

Все основные направления партийной стратегии должны быть прочно взаимоувязаны и адекватно соотноситься друг с другом, нацелены на достижение единой стратегической цели – победы на выборах. При этом успех целостной партийной стратегии будет зависеть в первую очередь от эффективности имиджа политической партии.

В связи с этим чрезвычайно важным в контексте взаимодействия партии и гражданского общества представляется построение эффективной имиджевой стратегии политической партии в избирательном процессе

и в межвыборный период. Несмотря на то, что в политической партии одновременно сочетаются политические идеи, программы, лидеры, отдельные члены партии, деятельность партийных организаций, отношения партии и ее фракции к тем или иным политическим событиям и т.д., избиратель воспринимает политическую партию в общем, ориентируясь на образ партии, сложившийся в его сознании, являющийся важнейшим средством коммуникации партии с гражданским обществом.

Стратегический имидж политической партии – это образ, который конструируется для обеспечения победы партии на выборах и дальнейшего увеличения ее популярности в обществе.

Имидж политической партии формируется под воздействием ряда факторов, например, таких как деятельность составляющая, личностная или лидерская составляющая, внешняя составляющая.

Деятельностная составляющая имиджа политической партии формирует его через постоянный процесс политической коммуникации и взаимодействие с гражданским обществом, посредством которого у избирателей появляются определенные представления и установки [7, с. 81].

Важность рассматриваемой компоненты имиджа политических партий определяется тем, что, только ориентируясь на деятельность партии, избиратель формирует свои политические предпочтения. Сегодняшняя политическая ситуация характеризуется слабой позиционной деятельностью политических партий, которые в большей степени рассчитывают на применение политической рекламы в сжатые сроки избирательной кампании.

Содержательное наполнение деятельности политических партий должно включать в себя инициирование политических событий и информационных поводов, разработку акций и мероприятий, ориентированных как на потенциальный электорат, так и на партийную организацию. Это направление должно включать в себя также разработку комплекса мер по осуществлению эффективного взаимодействия политических партий с различными элитными группами с учетом целостности партийной стратегии.

От того, как организован процесс политической коммуникации, какие формы и методы используются партией для обеспечения двусторонней связи, как складываются отношения лидеров и рядовых членов партии с избирателями, будет зависеть их восприятие и, в конечном итоге, имидж политической партии [7, с. 82].

При рассмотрении личностной составляющей имиджа следует обратить внимание на тот факт, что политические партии – это массовые политические организации, в которых лидерство может быть распределено среди

нескольких политиков. Лидеры партий, как правило, выступают лицом политической партии, особенно в общении с прессой и избирателями, поэтому их имидж во многом будет проецироваться на имидж всей политической партии, а в некоторых случаях и полностью ассоциироваться с ним [7, с. 85].

Если мы обратимся к социологическим опросам, регулярно проводимым российскими центрами общественного мнения, например ФОМ, ВЦИОМ, то из них можно почерпнуть достаточно объективную информацию о степени доверия к тому или иному политику, который ассоциируется у избирателей с определенной политической партией [6, с. 238]. В этом случае доверие к политику, ассоциируемому с партией, может быть переадресовано политической партии¹. Именно поэтому так важно определить политиков, способных стать центром притяжения электората.

Атрибутивная составляющая имиджа политических партий представляет собой определенный набор визуальных способов воздействия на общественную среду для формирования эффективного имиджа политических партий.

Единый стиль и дизайн основных атрибутов политической партии помогает сформировать к ней позитивное отношение, создать необходимые условия для отличия политических партий друг от друга, подчеркнуть индивидуальность партийного образования.

Формирование и продвижение привлекательного имиджа политической партии является технологической стороной политического вопроса, касающегося установления полноценного взаимодействия политических партий и гражданского общества [10, с. 395].

Имидж партий становится своего рода «лакмусовой бумажкой», на которой отражаются конкуренция идей, программ, лидеров, конкретной работы партии с избирателями, структурами гражданского общества и их деятельностью в стенах парламента [7, с. 95].

Одним из важных моментов взаимодействия политических партий и гражданского общества являются средства массовой информации, которые выступают основным каналом коммуникации между этими участниками политического процесса. Посредническая роль СМИ заключается в том, что они представляют интересы общества перед партиями, помогают обществу их формулировать и защищать, сами являются

¹ Механизм переадресации доверия хорошо продемонстрирован во время думской избирательной кампании 1999 г. межрегиональным движением «Единство» («Медведь»), которое было подкреплено личностью популярного министра МЧС С.К. Шойгу, а впоследствии – поддержкой Председателя Правительства РФ В.В. Путина.

важнейшим институтом гражданского общества. При этом СМИ играют роль передаточного механизма импульсов, идущих от политических партий к обществу и обратно.

Средства массовой информации – достаточно сложная категория. Во-первых, это элемент гражданского общества и политической системы, во-вторых, инструмент выработки и реализации определенного политического курса, в-третьих, профессиональное корпоративное сообщество, коммерческое предприятие и юридическое лицо [1, с. 32].

В данном контексте СМИ можно рассматривать двояко:

- как связующее звено между политическими партиями гражданским обществом, благодаря которому политические партии решают целый ряд стоящих перед ними задач и реализуют свои функции;
- как полноправные партнеры партий, с которыми необходимо выработать стратегию сотрудничества, учитывая их специфику, состояние, тенденции и перспективы развития.

Наполнение этих двух сторон деятельности СМИ реальным содержанием зависит от того, с кем СМИ структурно связаны и чьи интересы они отстаивают. В этом проявляется их роль публичного информационного института, проводящего либо общественную политику, либо узко корпоративную, когда можно профессионально манипулировать общественным мнением [8, с. 98]. Невыполнение СМИ своих функций в политической системе способно исказить ее цели и ценности, превратить демократию в иллюзию и лишить эффективного взаимодействия между гражданским обществом, политическими партиями и государством.

Важнейшим общественным институтом в демократическом обществе, во взаимодействии с которым партийная система существенно расширяет свои возможности по развитию гражданского общества, являются профессиональные союзы. В мире они считаются достаточно мощной и организованной общественной силой, имеющей большое влияние на государство. Однако, оценивая состояние профсоюзного движения в России сегодня, можно сказать, что пока не решена главная задача – превращение профсоюзов в эффективно действующий институт гражданского общества. Это обусловлено сращиванием профсоюзного движения с бюрократическими структурами государственных институтов и его неспособностью наладить диалог с частным бизнесом.

Исходя из вышесказанного, можно определить, что партийная система занимает важное место в механизме формирования гражданского общества Российской Федерации.

Такое место партийной системы в механизме формирования гражданского общества обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, партийная система генетически связана с гражданским обществом, зарождается и развивается в нем.

Во-вторых, являясь выразителем интересов общества, политические партии составляют политические платформы, ориентированные на политическую ситуацию в стране, главная цель которых – достижение результата на выборах и как следствие – воплощение их в жизнь. Именно таким образом учитываются чаяния народа.

В-третьих, место партий в обществе регулируется правовым положением (Закон Российской Федерации «О политических партиях»).

В-четвертых, функционально партийная система оказывает влияние на все стороны жизни гражданского общества – экономическую, политическую, социальную, духовно-идеологическую.

В-пятых, партийная система располагает огромными возможностями, богатейшим арсеналом средств, форм и методов воздействия на формирование гражданского общества.

На нынешнем этапе развития Российской Федерации существует настоятельная потребность в установлении между государством, партийной системой и гражданским обществом упорядоченных отношений, превращения этих институтов в самодостаточное автономное целое, способное самостоятельно формулировать и решать свои проблемы.

В условиях огромных размеров российского государства и зачастую аморфности общефедерального политического пространства партии, по нашему мнению, должны стать, наряду с естественными монополиями в экономике, скрепами государства и гражданского общества в геополитическом пространстве современной России. Актуальной становится проблема унификации политической жизни всей России, создание таких институтов, которые адекватно воспринимались и эффективно действовали бы на всей территории Федерации [2, с. 114].

Библиографический список

1. Веденеев Ю.А. Средства массовой информации и избирательный процесс // О выборах. 2001. № 2.
2. Воржецов А.Г. Взаимодействие институтов гражданского общества и государства в современной России. Казань, 2008.
3. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. М., 2000.
4. Долгов В.М. Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006.
5. Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5.
6. Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. М., 2002.

7. Чижов Д.В. Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. М., 2008.
8. Ханов Г.Г., Чижов Д.В. Некоторые подходы к построению имиджевой стратегии политических партий в новых условиях партийной и избирательной системы // Война по правилам и без... (Технологии изготовления предвыборных миражей). М., 2003. – С. 149–179.
9. Холодковский К.Г. Политические партии России // Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998.
10. Шейнис В.Л. Выборы и политическое развитие // Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов / Под ред. М. Макфола, Н. Петрова, А. Рябова. М., 2000.

В.Д. Нечаев

«Институциональная организация» как концептуальный инструмент институционального анализа в политологии

В статье анализируется понятие «институциональная организация». Необходимость введения этого понятия обусловлена, прежде всего, потребностью в выявлении, определении и сравнительном анализе сложных институциональных комплексов в различных областях общественных отношений.

Ключевые слова: «институциональная организация», «институциональный дизайн», акторы, институциональные комплексы.

В последние 20–25 лет неoinституционализм развивается как один из доминирующих методологических подходов в современной политологии, что закономерным образом ведет к расширению понятийного аппарата данного направления. Одним из важных и не до конца определенных вопросов является вопрос о соотношении понятий «институт» и «организация».

В старом институционализме рубежа XIX–XX вв. эти понятия совпадали. В известном смысле отождествление институтов и организаций

сохранялось вплоть до появления методологии нового институционализма, который развел эти понятия.

Для сторонников экономического подхода институты – это, скорее, правила поведения, выступающие внешними ограничителями для рациональных акторов. Организация в этой версии может рассматриваться и как совокупность институтов, и как коллективный актор, в зависимости от выбранного ракурса анализа. Если предметом рассмотрения является взаимодействие игроков внутри организации, то в этом случае она будет определяться как комплекс институтов. Если же предметом рассмотрения будет взаимодействие между организациями, то каждая из них будет рассматриваться как коллективный актор, т.е. группа людей, объединенных общими целями [7] и взаимодействующая в рамках определенных институтов с другими организациями. Мир институтов и акторов обладает, таким образом, многоуровневой структурой. Концепт «организация» как раз и отражает эту многоуровневость.

В свете сказанного выше введение понятия «институциональная организация» может представляться тавтологичным. Действительно, может ли организация быть неинституциональной? Вероятно, нет. Но взаимодействие между одними и теми же акторами может быть организовано при помощи разных наборов институтов.

Понятие «институциональная организация» как раз предполагает конкретную комбинацию институтов, регулиующую взаимодействие между акторами определенных типов по определенному перечню предметов взаимодействия. Необходимость введения этого понятия обусловлена, прежде всего, потребностью в выявлении, определении и сравнительном анализе сложных институциональных комплексов в различных областях общественных отношений.

В термине «институциональная организация» также имплицитно присутствует идея институционального строительства. Институциональная организация – это организованный, выстроенный кем-то набор институтов. Англоязычным аналогом термина «институциональная организация» мог бы служить термин «институциональный дизайн» («institutional design»).

Анализ институциональной организации предполагает в качестве самостоятельной теоретической задачи определение и классификацию ее элементов – институтов, а также принципов их связи внутри институциональной организации.

В рамках неоинституционального направления рационального выбора принято определять институты как «правила игры». Трудности начинаются, когда мы пытаемся конкретизировать это понятие [6, p. 582–600].

Ответ на вопрос, что есть институт, может быть следующим:

- 1) зафиксированное правило;
- 2) правило, о котором все знают (разделяемое правило);
- 3) исполняемое правило.

Если принять первую трактовку, то возникают проблемы с ключевым для экономической версии неoinституционализма представлением о том, что институты воздействуют на поведение рациональных акторов. Если принять третью трактовку, исчезает различие между рациональными акторами и институтами, также ключевое для избранного подхода. Вторая трактовка также не выглядит беспроблемной, т.к. исключает ситуации, в которых индивид подвергается воздействию правила, не зная о нем (как известно, незнание закона не освобождает от ответственности), т.е. правило существует и воздействует через механизм санкций на индивида, хотя индивид изначально и не догадывался о его существовании.

Представляется, что проблема несовпадения зафиксированных, разделяемых и исполняемых правил может быть удовлетворительно разрешена, если мы попытаемся представить институт не просто как когнитивную схему, а как материально выражаемый культурный артефакт.

Как и всякий артефакт, институт – это когнитивная схема, которая так или иначе выражена материально. Так, норма или правило должны быть как-то зафиксированы – устно или письменно, и в таком виде должны попасть в системы коммуникации.

Другое материальное выражение правила – реализация его в регулярном поведении членов общества в процессе обмена деятельностью. Именно эта реализация позволяет сформироваться механизму стимулирования. Под стимулированием понимается физически выраженная реакция других членов общества или уполномоченных лиц на поведение актора в той или иной ситуации.

Иными словами, институт, если на него смотреть через концепцию артефакта, выраженную в культурно-историческом подходе, представляет собой согласованное либо несогласованное взаимодействие трех компонентов:

- 1) когнитивных схем, существующих в индивидуальном образе мира;
- 2) когнитивных схем, зафиксированных в рамках знаковых систем (текстов);
- 3) когнитивных схем, выраженных в форме поведенческих стратегий.

Каждый из этих компонентов включен в относительно независимые друг от друга процессы. Например, процессы индивидуального осмысления и согласования образа мира, порождения новых схем в воображении затрагивают главным образом когнитивные схемы индивидуального

сознания, процессы коммуникации обеспечивают существование и изменение институтов как текстов, экономические процессы оказывают прямое воздействие на поведенческие стратегии.

Институт в действии предполагает согласованное взаимодействие этих трех компонентов. Разнонаправленное воздействие на эти компоненты института может нарушать их взаимодействие. Их рассогласование и последующее согласование – важная предпосылка институциональных изменений.

Важной методологической задачей с точки зрения определения понятия «институциональная организация» является классификация институтов. Концепт институциональной организации имплицитно включает в себя представление о разнообразии ее форм, достигаемом в том числе путем различных комбинаций институциональных элементов. Классификация элементов институциональной организации представляет собой важную задачу с точки зрения дальнейшего описания и анализа той или иной конкретной институциональной организации.

Традиционно в рамках неоинституционального подхода институты классифицируются по двум ключевым характеристикам: степени формализации и степени универсальности.

Под формальными обычно понимают следующие правила:

- 1) установленные уполномоченными органами и лицами;
- 2) письменно зафиксированные;
- 3) поддерживаемые через механизм санкций [3].

В отличие от них, неформальные правила устанавливаются и транслируются спонтанно, не имеют письменной фиксации и обязательных санкций за неисполнение. Это разграничение, однако, встречает ряд возражений. Различие между формальными и неформальными институтами заключается не только в форме фиксации правила, но и в механизмах контроля. Мониторинг поведения на предмет соответствия его установленным правилам в случае формальных институтов осуществляется специальными, наделенными легитимной властью лицами и органами, они же приводят в действие и механизм санкций. Формальные институты предполагают, таким образом, действие механизма власти – подчинения. Неформальные институты действуют внутри определенных социальных сетей, к которым принадлежит индивид. Внутри сетей также осуществляется мониторинг поведения их членов и санкции (главным образом, связанные с включением или исключением из сети) в отношении нарушителей правил. Но эти мониторинг и санкции не носят специализированного и централизованного характера: каждый наблюдает за всеми и подвергается контролю со стороны всех остальных.

Второй критерий, по которому часто классифицируют институты – степень их универсальности [5, с. 591]. Институты различаются в зависимости от того, имеет ли их действие характер, обязательный для всех членов общества, или они регулируют отношения только ограниченного круга лиц. С этой точки зрения институциональные установления можно разделить на правила и соглашения. Правила регулируют как обязательства различных ролей, так и обязательства в отношении различных ролей, в то время как соглашения фиксируют добровольное принятие на себя участниками взаимодействия определенных обязательств (напрямую или через принятие роли). Очевидно, что соглашения, особенно в тех ситуациях, когда система предпочтений задает отношения между участниками, описываемыми моделью «дилеммы узника», могут исполняться только при наличии правил, принуждающих выполнять добровольно принятые на себя обязательства. Иными словами, соглашения почти всегда предполагают наличие действующих правил.

Основываясь на этих двух критериях, В.В. Радаев предлагает матрицу, уместную для вычленения элементов институциональной организации [3, с. 91] (Таблица 1).

Таблица 1

Элементы институциональной организации	Формальные	Неформальные
Общие	Законы	Нормы
Индивидуальные	Контракты	Договоренности

При использовании понятия «политический институт» мы также должны решить важную методологическую задачу определения его границ, что подразумевает разделение политических и неполитических институтов. Суть проблемы здесь видится в следующем: если мы будем подразумевать под политическими институтами только формальные политические правила, то рискуем упустить из виду воздействие неформальных институтов. Но именно открытие и признание этого воздействия – одно из важных достижений современной теории институтов. Однако если мы будем включать в состав политических институтов все неформальные правила, привычки, культурные паттерны и т.д., которые влияют на политическое поведение, то в этом случае понятие «политический институт» становится слишком неопределенным и расплывчатым. В этой ситуации становится трудно отделить собственно политические феномены от социальных и культурных.

Предлагаемое нами решение состоит в следующем. Атрибутами политического института, на наш взгляд, являются его политическое происхождение и политическое воздействие. Иными словами, политические

институты – это правила, возникшие в результате политического процесса и регулирующие политический процесс. На основании выделения этих двух критериев можно построить следующую матрицу институтов (Таблица 2).

Таблица 2

	Политическое происхождение	Неполитическое происхождение
Воздействуют на политический процесс	Политические институты	Неформальные социальные институты
Не воздействуют на политический процесс	Формальные институты, регулирующие неполитические отношения	Неформальные социальные институты

Как видно из приведенной матрицы, политические институты отделяются по указанным критериям еще от трех видов институтов, причем один из них также оказывает влияние на политическое поведение, следовательно, должен быть учтен при моделировании институциональных эффектов. В первую очередь, в число политических институтов входят формальные институты, регулирующие политическое поведение (например, избирательное законодательство, законодательство об общих принципах организации местного самоуправления и т.д.). Однако список собственно политических институтов формальными политическими институтами не ограничивается. В соответствии с нашими критериями и приведенной выше классификацией институтов по критериям универсальности и формальности в число политических институтов могут войти формальные и неформальные политические договоренности, касающиеся взаимных обязательств политиков, если такого рода договоренности не являются чисто ситуативными (то есть если они регулярно оказывают воздействие на политический процесс). Назовем этот тип институтов политическими конвенциями. Наконец, в качестве политических институтов могут также рассматриваться политические традиции. В данном случае имеются в виду неформальные политические правила, возникшие в результате политического процесса уже давно (причем возникнуть они могли изначально как вполне формальные правила) и обретшие устойчивость путем привыкания к ним или действия механизмов политической социализации.

Введенная нами трактовка «институциональной организации» как комплекса институтов и определенное выше многообразие ее элементов естественным образом обращает нас к проблеме иерархии институтов.

В политологической литературе наибольшее распространение получила модель иерархии институтов Э. Остром, который выделяет три уровня взаимодействий между политическими акторами: операциональный, уровень осуществления общественного выбора и конституционный.

Институты операционального уровня регулируют текущее взаимодействие между политиками. Эти правила возникают в результате так называемого общественного (т.е. политического) выбора. Институты уровня осуществления общественного выбора представляют собой процедуры принятия правил операционального уровня. Наконец, правила конституционного уровня регулируют взаимодействие между политическими акторами в процессе разработки, принятия и изменения правил уровня осуществления общественного выбора [7, p. 59].

Теоретически выше конституционного уровня должны быть «метаконституционный» и т.д. уровни. Можно предположить, что правила этого уровня вряд ли могут быть строго формализованными и представляют собой скорее неформальные принципы того, что условно можно назвать общественным консенсусом. Это фундаментальные представления о природе легитимности политического порядка и источниках политической власти. Таким образом, в процессе построения иерархии институтов мы логичным образом выходим на уровень идеологии и политической культуры определенного общества.

В отношении частного институционального комплекса, которым по определению является институциональная организация, речь может идти об определенном наборе когнитивных схем, содержащих базовые онтологические и нормативные представления о ней. Такой идеологический и культурный комплекс мы будем в дальнейшем определять как ориентационный паттерн институциональной организации.

Паттерн институциональной организации, таким образом, представляет собой неотъемлемую ее часть, которая позволяет политическим акторам поддерживать внутреннюю согласованность институциональной организации, ее культурную идентичность, развивать и достраивать ее в определенном направлении, определять релевантность и нерелевантность тех или иных институциональных изменений, легитимировать ее в более широком культурном контексте. Паттерн институциональной организации в терминах культурно-исторической теории деятельности может быть определен как третичный артефакт, раскрываемый и поддерживаемый через культурные тексты, обращающиеся в системе коммуникации данного общества. Паттерн институциональной организации – часть более широкой «картины мира» участников политического взаимодействия [1]. Он может меняться в случае существенных изменений в картине мира участников политического взаимодействия.

Институциональная иерархия как принцип связи между институтами внутри институциональной организации должен быть в отношении институциональной организации местного самоуправления дополнен

принципом многоуровневой организационной топологии, который, в частности, вводится применительно к изучению институтов отечественным исследователем В.М. Сергеевым [4].

Суть этого принципа заключается в уточнении базового аналитического разграничения между институтами и организациями, введенного основоположниками экономической версии неоинституционализма [2]. Д. Норт ввел характерную для неоинституционализма трактовку организации как актора, игрока, аналитически противопоставив его институтам как правилам, по которым данный игрок играет. Принцип многоуровневой топологии заключается в том, что организация одновременно является и актором по отношению к другим рядоположенным организациям, и набором институтов по отношению к игрокам внутри данной организации, причем эти игроки в свою очередь также могут быть организациями (например, отделы внутри фирмы, департаменты внутри региональной администрации). Такого рода организационная многоуровневость классически прослеживается в случае местного самоуправления.

С учетом произведенного теоретического анализа дадим развернутое определение институциональной организации.

Итак, институциональная организация некоторой сферы общественных отношений представляет собой специфический, относительно устойчивый и внутренне согласованный комплекс институтов (формальных и неформальных правил и соглашений), регулирующих отношения между определенной группой акторов в рамках данной сферы общественных отношений по определенному набору предметов взаимодействия. Этот комплекс возникает в результате процессов институционального строительства в данной сфере. Он обладает сложной структурой, основанной на принципах институциональной иерархии и многоуровневой организационной топологии, а также специфическим ориентационным паттерном, который согласует весь комплекс институтов на уровне когнитивных схем и легитимирует его посредством интеграции в картину мира определенного сообщества.

Библиографический список

1. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избр. психологические произв. в 2-х тт. Т. II. М., 1983.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
3. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003.
4. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М., 2002.

5. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. – 3-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
6. Grafford S.E.S., Ostrom E. The Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89.
7. Ostrom E. Institutional Rational Choice: An Assessment of the Institutional Analysis and Development Framework // Theories of Policy Process / Ed. by P. Sabatier. Boulder, 1999.

Л.В. Тарасов

Прогрессивные тенденции современной международной политики в отношении инвалидов

В статье представлены результаты теоретического анализа международных документов в отношении инвалидов. Выявлены особенности понятийно-терминологического аппарата Конвенции о правах инвалидов ООН, которые свидетельствуют об усилении по отношению к инвалидам лично-ориентированного и социально-культурного подходов. Анализ международной политики в отношении инвалидов в XX – начале XXI вв. демонстрирует также тенденции значительного углубления понимания проблем инвалидности. Выявленные тенденции уже получают свое воплощение в современных инновационных технологиях: социокультурной реабилитации и социально-культурной анимации инвалидов.

Ключевые слова: инвалидность, инвалид, дефект, нетрудоспособность, прогрессивные тенденции международной политики в отношении инвалидов, лично-ориентированный подход, социально-культурный подход, социокультурная реабилитация, социально-культурная анимация.

24 сентября 2008 г. Российская Федерация подписала Конвенцию ООН о правах инвалидов, явившуюся итогом длительной работы международного сообщества по созданию основных правил организации жизни инвалидов в цивилизованном обществе. Этот факт позволяет надеяться

на более гуманное и внимательное отношение к ним в XXI в., и связана эта надежда с появлением в конвенции ряда прогрессивных тенденций, позволяющих по-иному взглянуть на проблемы инвалидов.

В 2000 г. Организация Объединенных Наций приняла Декларацию тысячелетия, по которой международное сообщество до 2015 г. планирует достичь значительных результатов в решении наиболее острых социальных проблем: в искоренении крайней нищеты и голода, в обеспечении всеобщего начального образования, в сокращении детской смертности, в улучшении охраны материнства, в борьбе со СПИДом, в обеспечении экологической устойчивости и в формировании глобального партнерства в сфере развития [3]. В то же время в докладе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна 3 февраля 2010 г. на 64-й Генеральной ассамблее были представлены результаты аналитического обзора по решению проблем инвалидов в рамках достижения целей тысячелетия. В докладе содержатся неутешительные выводы: «Секретариат провел аналитический обзор 80 страновых докладов по этой тематике, полученных из всех регионов за период 2003–2009 гг. В общей сложности в 42 докладах (52%) содержатся немногочисленные упоминания об инвалидности и инвалидах. Эти упоминания касаются причин инвалидности, вопросов, вызывающих озабоченность, или проблем, а также инициатив. В 16 из этих 42 докладов упоминалось об одной или нескольких инициативах, имеющих конкретное отношение к инвалидам. В 28 докладах проблема инвалидности упоминалась со ссылкой на “уязвимые” или “маргинализированные” группы или население, “требующее особого внимания”. Ни одно из упоминаний не содержит подробной информации или анализа соответствующих вопросов или программ» [4].

Этот факт ясно показывает, что проблемы инвалидности пока еще не осознаны государствами как первоочередные, программ по социальной поддержке и интеграции этой категории населения реализуется недостаточно, а проблема исполняемости принимаемых нормативов актуальна не только для России. Особенно отчетливо она видна тогда, когда оценка производится косвенным путем, как в случае анализа докладов стран. Однако, с нашей точки зрения, сами международные документы в течение многих десятилетий являлись в некоторой степени препятствием к обеспечению равных прав и возможностей инвалидов. Международные документы не были свободны от стереотипов, а использовавшиеся в них подходы вместе с поддержкой инвалидов создавали условия для их изоляции. Однако в настоящее время международная политика пришла к более глубокому пониманию проблемы инвалидности, наметились очень важные тенденции, которые в большей степени могут

позволить лицам с ограниченными возможностями здоровья участвовать в жизни общества.

В Конвенции о правах инвалидов говорится, что инвалидность – это «эволюционирующее понятие». Действительно, еще со времен второй мировой войны началась активная трансформация международной политики в отношении инвалидов: вначале появилась концепция интеграции и включения инвалидов в жизнь общества, а в конце 1960-х гг. возникли подходы, учитывающие связь между ограничениями, которые испытывает инвалид, со структурой и характером окружающей его среды, с отношением населения к инвалидам.

В течение XX в. проблемы инвалидов рассматривались преимущественно с медицинской точки зрения, и только в последние несколько десятилетий внимание международного сообщества сместилось на социальные аспекты. В результате инвалидность оказалась связанной с двумя похожими по значению терминами: дефект и нетрудоспособность. Дефект – это «любая утрата психической, физиологической или анатомической структуры или функции, или отклонение от нее» [1], а нетрудоспособность – «ограниченность конкретного индивидуума, вытекающая из дефекта или инвалидности, которая препятствует или лишает его возможности выполнять роль, считающуюся для этого индивидуума нормальной в зависимости от возрастных, половых, социальных и культурных факторов» [Там же]. Помимо собственной смысловой нагрузки, эти термины демонстрируют исторически сложившиеся тенденции решения проблем инвалидов, одна из которых заключается в рассмотрении индивида с позиции его физиологической полноценности (медицинский аспект), а вторая – с точки зрения его трудовой функциональности, способности кормить себя и свою семью, способствовать развитию экономики государства (социальный аспект). Эти подходы не предполагают обязательного внимания к личностной стороне проблем инвалидов, возможности посмотреть на них с позиции субъективного мира конкретного человека, тем самым создавая основу для их социально-психологической изоляции.

Так, Резолюция Декларации о правах инвалидов, принятая 9 декабря 1975 г., гласит, что термин «инвалид» означает «любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его или ее физических или умственных способностей» [2]. Это определение не может считаться удовлетворительным, т.к. оно заведомо предполагает нахождение инвалидов в трудной жизненной ситуации. Инвалидность, характеризуя отклонения в сфере здоровья

индивида, совсем не обязательно должна вести к его ограничению в каких-либо видах деятельности. В настоящее время общество стало осознавать ответственность за доступность среды для инвалидов, и ограничения их деятельности связываются уже не столько с отклонениями индивида от нормы, сколько с ограниченными возможностями общества обеспечивать доступность благ для всех своих граждан.

Приобретение статуса «инвалид», с одной стороны, дает человеку возможность получать медико-социальную поддержку, а с другой – еще больше ущемляет его, т.к. создаются условия для его социально-психологической и духовно-экзистенциальной изоляции. Медицинские показатели «выбраковывают» личность по причине его отклонений от нормы, наличия дефектов, а социальные – в связи с его неспособностью исполнять те или иные социальные роли. С других точек зрения человек с инвалидностью не рассматривается: его личностная индивидуальность, духовно-экзистенциальная целостность, стремящаяся к выходу из изоляции субъективность, пока еще не «видна» системе социальной защиты.

Отход от этих стереотипов прослеживается в принятой в 2006 г. Конвенции о правах инвалидов ООН. «К инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими», – указано в ст. 1 Конвенции о правах инвалидов [5]. Здесь инвалидность определяется уже не через *обязательность* наличия у лиц с ограничениями жизнедеятельности барьеров, а через *возможность* их возникновения. Природу этих барьеров раскрывает следующая цитата: «инвалидность является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» [Там же]. В Стандартных правилах обеспечения равных прав и возможностей инвалидов о них прямо говорится: «невежество, пренебрежение, предрассудки и страх» являлись препятствием для развития способностей инвалидов и вели к их изоляции [7]. Это указывает на глубокие корни проблем инвалидности внутри самой личности, в ее духовно-экзистенциальной конституции.

В Докладе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна утверждается, что «инвалиды признаются в качестве как субъектов, так и бенефициаров развития во всех его аспектах» [4]. Это переводит их из позиции объектов помощи в позицию субъектов общественного развития. В Конвенции о правах инвалидов субъектность отражается в следующих понятиях:

«личностная самостоятельность», «личностная целостность», «свобода делать свой собственный выбор», «возможность вести самостоятельный образ жизни», «активная вовлеченность в процессы принятия решений» и др. Эти понятия говорят об усилении личностно-ориентированного подхода в понимании проблем инвалидности на международном уровне. Несмотря на то, что на уровне отдельных учреждений и организаций данный подход развивается успешно, в целом социальная политика нашего государства еще стоит на позиции медико-социальной поддержки инвалида как объекта социальной защиты.

Хотелось бы отметить и другие очень важные положения ст. 3 Конвенции о правах инвалидов: «уважение особенностей инвалидов и их принятие в качестве компонента людского разнообразия», «уважение развивающихся способностей детей-инвалидов и уважение права детей-инвалидов сохранять свою индивидуальность». В ст. 19 Конвенции говорится, что необходимо принятие мер, чтобы «наделить инвалидов возможностью развивать и использовать свой творческий, художественный и интеллектуальный потенциал – не только для своего блага, но и ради обогащения всего общества» [5]. В этом контексте понятие «уважение» означает признание права людей с ограниченными возможностями здоровья относиться к категории нормы. С этим пониманием принципы Конвенции становятся революционными посылами для социальной политики в отношении инвалидов, которые не просто декларирует интегрированность их (на самом деле изолируя), но осмеливаются перестать различать людей по признаку ограничений здоровья. Это становится возможным только в связи с изменяющимся подходом, ориентированным на личностные аспекты развития человека с инвалидностью.

Включение личностных аспектов в круг проблемы инвалидности выводит ее также в сферу социально-культурной жизни общества. Личностное развитие инвалида невозможно без создания благоприятной социально-психологической и социально-культурной среды. В Конвенции уделяется особое внимание культурному окружению, формирующему субъектность, и семье как естественной и основной ячейке общества. Семья и культурное окружение являются той воспитательной и интегрирующей силой, которые способны активно помогать личности на ее пути к полноценному участию в жизни общества. Введение термина «общение» как одного из ключевых терминов этого документа показывает значимость социально-культурного контекста жизни инвалида как фактора личностного развития человека с инвалидностью. Правда, в данном определении больше внимания пока уделяется вспомогательным средствам, чем качествам общения.

Конвенция использует и другие важные термины, обладающие большим социокультурным значением и еще не раскрытым до конца смысловым потенциалом: «разумное приспособление» и «универсальный дизайн». Эти термины описывают условия, призванные обеспечить каждому человеку, вне зависимости от степени ограничения здоровья, естественный доступ к различным сторонам повседневной жизни. Пока под этим подразумевается техническая доступность, хотя аспекты знаковой и психологической культуры как факторы обеспечения доступности наверняка обратят на себя внимание в ближайшем будущем.

В Конвенции о правах инвалидов уделяется внимание просветительско-воспитательной работе, что говорит о большом влиянии социально-культурного подхода, нацеленного на духовную сферу личности. Он представляет большой интерес в связи с тем, что способен сделать ценности культуры регулятивом преодоления личностью ограничений медицинского и социального характера. Данный подход уже начал активно проникать в сферу практической работы с инвалидами в России и во всем мире. В 1990-х гг. в России получили развитие технологии социокультурной реабилитации инвалидов, которые предполагают использование средств культуры и искусства в их социальной, психологической и физической реабилитации. Однако данные технологии по-прежнему рассматривают инвалида как объект помощи, а не как субъект личной и общественной жизни, не в полной мере реализуются те его возможности, которые связаны с духовными ресурсами.

Еще больший интерес представляет направление, которое развивалось во Франции в XX в., а в настоящее время получило распространение во всем мире, – социально-культурная анимация. Социально-культурная анимация представляет собой самоорганизующееся общественно-педагогическое движение, направленное на духовное оздоровление общества [8]. В работе с инвалидами анимационная деятельность ориентируется на личностное развитие инвалидов и их духовно-нравственное воспитание с использованием средств культуры и искусства. Она имеет мощную ресурсную базу в институтах гражданского общества, в ценностях культуры и в духовно-личностном потенциале общественных лидеров [9].

Таким образом, в XXI в. произойдет значительное углубление понимания проблемы инвалидности, рассмотрение ее через призму личностно-ориентированного подхода, для которого основными препятствиями к социальному взаимодействию являются людские страхи, предрассудки, невежество; а также социально-культурного подхода, с позиций которого инвалиды становятся частью культурного и людского разнообразия [6] и рассматриваются как категория социальной нормы.

Библиографический список

1. Всемирная программа действий в отношении инвалидов. Принята 3 декабря 1982 г. резолюцией № 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН.
2. Декларация о правах инвалидов. Принята резолюцией № 3447 Генеральной Ассамблеи ООН.
3. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Утверждена резолюцией № 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г.
4. Доклад Генерального секретаря ООН [A/64/180] «Достижение провозглашенных в Декларации тысячелетия целей в области развития, касающихся инвалидов, посредством осуществления Всемирной программы действий в отношении инвалидов и Конвенции о правах инвалидов».
5. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией № 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г.
6. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения.
7. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Приняты резолюцией № 48/96 Генеральной Ассамблеи 20 декабря 1993 г.
8. Тарасов Л.В. Социокультурная анимация: истоки, традиции, современность. М., 2010.
9. Тарасов Л.В. Социокультурная анимация молодых инвалидов. М., 2003.

В.В. Федулова

Информационные и коммуникационные технологии в контексте политики

В статье исследуются несколько концепций последних десятилетий: концепции информационного общества, глобализации, теории политических коммуникаций и др.

Ключевые слова: информационное общество, коммуникации, средства массовой информации.

Среди теорий, описывающих современное состояние общественно-го развития, наиболее важными следует назвать теории коммуникации и информационного общества.

Происходящие в глобальных масштабах изменения связаны с развитием информационных и коммуникационных технологий. Как указывает М.Н. Грачев, «современные методы автоматизации производства, где предмет труда подчас уже полностью обрабатывается технологической системой, действующей без прямого участия человека, а также проникновение информационно-коммуникационных технологий в сферы управления деятельностью, обслуживания, образования и научных исследований, знаменуют становление качественно нового этапа социально-экономического развития человечества, который получил название информационного общества» [1, с. 39].

По мнению В.С. Комаровского, «информационное общество – это ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием роли инфокоммуникаций, информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте, созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворением их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах» [4, с. 503].

По мнению С.Г. Корконосенко, информационное общество – это «система, способная обеспечить функциональный контроль над информационными взаимодействиями» [2, с. 73]. Применительно к международным отношениям это выражается в способности акторов мировой

политики использовать определенные ресурсы для управления какой-то частью информационных отношений, а также использовать информационные взаимодействия для реализации своих интересов в политике.

Я.Н. Засурский связывает тенденции развития СМИ во всем мире также с другим важным явлением – «влиянием глобализации и развития новых технологий, которые позволяют ускорить передачу сигнала в разные точки земного шара» [7]. При этом глобализация СМИ сочетается с развитием местных средств массовой информации и специализированных изданий.

Современные ученые, говоря о развитии средств массовой информации, выделяют такие процессы, как политизация СМИ и медиатизация политики. И.И. Засурский определяет медиатизацию политики как «процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации» [3]. Он описывает ее как закономерное в конце XX века явление, как неизбежный результат взаимодействия выборно-представительной демократии с бурно развивающимися средствами массовой информации. Медиатизация политики ведет к тому, что режим работы средств массовой информации становится важнейшим неписанным законом публичной политики. Процессы медиатизации политики и политизации СМИ, сближение сферы средств массовой информации и политики обуславливает появление медиа-политической системы, которая определяется И.И. Засурским как «структура институционализации власти (вернее – различных ее центров) в российских масс-медиа» [Там же].

Медиа-политическая система структурирует СМИ по форме собственности и характеру ее влияния на редакционную политику. Средства массовой информации, входящие в нее, формируют единое информационное пространство на разных уровнях. При этом даже коммерческие СМИ, с точки зрения автора, структурно или функционально интегрируются в медиа-политическую систему, наряду с электронными и печатными всероссийскими СМИ, которые контролируются политизированным капиталом или находятся в собственности государства, и региональными СМИ, которые, как правило, находятся под контролем местных администраций или, намного реже, крупных региональных корпораций.

Коммуникация, под которой обычно понимается «тип взаимодействия между людьми, социальными общностями и институтами, предполагающий обмен информацией» [1, с. 6], сегодня охватывает своим влиянием все области социальной действительности и по-новому организует общественные отношения. Создателями, отправителями и получателями

коммуникаций могут быть политики, журналисты, представители групп и индивиды.

Разработанная в 40-х гг. XX века двухступенчатая модель коммуникации [1, с. 81] говорит о том, что воздействие массовой коммуникации на индивида является не прямым, а опосредуется микрогруппами, где посредниками выступают так называемые «лидеры общественного мнения».

В соответствии с концепцией Л. Фестингера, появившейся в середине 1950-х гг., если людям навязывают определенные взгляды и суждения, заставляющие их сомневаться в собственных идеалах или задевающие их чувства, они испытывают психологический дискомфорт, впадают в состояние «когнитивного диссонанса». Чтобы избежать дискомфорта, человек отбирает ту информацию, которая согласуется с его собственными убеждениями и верованиями и игнорирует противоречащие сообщения [Там же, с. 82].

Другая концепция указывает на существование создаваемого средствами массовой информации «псевдоокружения», замещающего рядовому члену общества его реальное окружение. Под действием СМИ в сознании индивида возникает упрощенный, искаженный и стереотипизированный образ внешнего мира, который, наряду с самой реальностью, становится весьма существенным фактором, предопределяющим и мотивирующим их поведение в реальной жизни [Там же, с. 84]. Из этих посылок исходит теория культивации, согласно которой СМИ (и в первую очередь, телевидение), создают символический мир, который зрители склонны принимать за реальный.

Одним из ведущих подходов к изучению воздействия СМИ на общественное мнение и поведение является концепция «установления повестки дня» или «информационной повестки дня» [1; 3]. Согласно этой концепции, воздействие СМИ на аудиторию носит своего рода конструирующий характер: когда пресса, радио или телевидение начинают уделять более пристальное внимание освещению тех или иных событий, именно эти события и проблемы начинают восприниматься аудиторией как наиболее важные и значимые по сравнению с остальными.

В.Д. Попов, объединяя учения Н. Винера, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, А.С. Панарина, говорит о социокоммуникативном подходе в исследовании современного общества. Наиболее важными выводами, на наш взгляд, являются следующие.

Современное постиндустриальное общество сместило доминанту развития, социального действия с экономической на коммуникативную и культурную системы. В свою очередь, интегрирующим ядром культуры также является коммуникация, поскольку она цементирует связи между прошлым, настоящим и будущим с помощью адекватной информации [5, с. 33–34].

Связывая понятия «коммуникация» и «информация», согласимся со следующими высказываниями. Во-первых, «общество коммуникации» (Н. Винер), «коммуникативное сообщество», «коммуникационные жизненные миры», дискурс «коммуникативного разума» (Ю. Хабермас) шире по содержанию, по сущностным характеристикам «информационного общества», если принять во внимание, что «информация» – все-таки одна из составляющих процесса коммуникации, хотя и является его ядром [5, с. 26, 264]. Во-вторых, сочетание, синтез понятий «информация» и «коммуникация» помогает по-новому взглянуть на журналистику как науку, когда расширяются и существенно актуализируются содержание и границы ее объекта.

В связи с упомянутыми концепциями принято говорить также о журналистике как «четвертой власти». В эпоху становления информационного общества происходит рост «власти информации». Средства массовой информации, как указывает Е.П. Прохоров, не обладают ни силой государственного принуждения, ни возможностями экономического давления, и поэтому их «властные полномочия» лежат в сфере влияния. «Будучи неофициальной, эта власть осуществляет всепроникающее давление на все области жизни, притом не менее сильное, чем давление экономической и политической власти» [6, с. 184–185]. Журналистика присущими ей идеологическими средствами вмешивается и в различные области управления государственными делами, и в жизнь экономической составляющей общества, и в деятельность институтов гражданского общества. «Вроде бы к суждениям, приговорам и рекомендациям СМИ никто прямо не обязан прислушиваться, но таков характер духовного влияния, что он скрыто или явно проявляется в сознании или поведении людей» [Там же, с. 185].

В России, так же, как и в других странах, происходит сближение сфер политики и СМИ, формируется медиа-политическая система. В ней средства массовой информации становятся основной средой политической коммуникации и, являясь одними из главных средств осуществления информационно-коммуникационных технологий, значительно влияют на ежедневное формирование общественного мнения, создают идеологический фон, формируют сознание людей и могут оказывать воздействие на мировую политику.

Библиографический список

1. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004.
2. Журналистика в мире политики: Исследовательские подходы и практика участия / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2004.

3. Засурский И.И. Масс-медиа Второй республики. М., 1999.
4. Политология: Учебник / Под общ. ред. В.С. Комаровского. М., 2006.
5. Попов В.Д. Социальная информатиология и журналистика: Учебное пособие. М., 2007.
6. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». М., 2005.
7. Система средств массовой информации России: Учебное пособие для вузов / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2001.

Артеменко Светлана Александровна – соискатель кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anubises@mail.ru.

Гончарова Оксана Анатольевна – кандидат политических наук, докторант кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова, доцент кафедры социальных и философских дисциплин МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: vechnosttt@gmail.com.

Грезнева Анна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anna.grezneva@mail.ru.

Коптелов Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и теологии. МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: bvk888@mail.ru.

Нечаев Владимир Дмитриевич – доктор политических наук, ректор МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: mgoru@mgoru.ru, mggu-sh@mggu-sh.ru.

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

Субханкулов Руслан Фанзилович – соискатель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. E-mail: 9035038012@mail.ru.

Тарасов Леонид Викторович – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научно-методической работе ГУ г. Москвы «Центр досуга и творчества молодежи “Россия”». E-mail: leotar@rambler.ru.

Федулова Вера Владимировна – соискатель кафедры философских и социально-политических дисциплин МГГУ им. М.А. Шолохова, аналитик центра коммуникативных технологий «Пропаганда». E-mail: vera.fedulova@gmail.com.

Шерemet Виталий Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: sheremetv@mail.ru.

Шимонова Наталия Викторовна – аспирант кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: rossetty@yandex.ru

Шматова Маргарита Борисовна – аспирант кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова, ассистент кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: shmatova.margari@mail.ru.

Юрьев Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: istfak-mggy@mail.ru.

A. Grezneva

Attorneys at law
about revolutionary societies in Russia
(the second half of XIX century)

On the basis of newly shown speeches of attorneys at law the article analyses their views on specifics of some revolutionary organizations and their activities. These speeches played an evil role in public perception by presenting political terrorists as innocent victims of their time and circumstances.

Key words: state trials, attorneys at law, lawyers, crimes against the state, secret societies, «trial of 50 accused», «trial of 193 accused», «trial of 11 accused», V.N. Gerard, V.D. Spasovich, N.M. Sokolovsky.

M. Shmatova

P.N. Tkachyov's
Magazine «Nabat»
in polemic with emigrant editions
of «propagandists» and «anarchists»

The article is devoted to the comparison of programs of three types of tendencies in Narodnaya Volya movement in the 1870-s and the beginning of the 1880-s, depicted in emigrant press: P.L. Lavrov's magazine «Forward!» (Vperyod!), M.A. Bakunin's «Community» (Obshina) and «Worker» (Rabotnik) and P.N. Tkachev's «Alarm» (Nabat). Different views of tactical problems in revolution, advanced by the editor of blankist «Alarm» (Nabat) by P.N. Tkachev from his counters P.L. Lavrov and M.A. Bakunin are reviewed in this article.

Key words: Narodnaya Volya movement, socialism, revolutionary movement, propagandists, anarchism, Russian blankism, magazine «Alarm» (Nabat), magazines «Forward!» (Vperyod!), «Community» (Obshina), «Worker» (Rabotnik).

A. Yuryev

The difference in opinion between the Socialists-revolutionaries and Bolsheviks concerning the political growth of Russia in the spring of 1917

The article is about the increasing disarrangements between Socialists-revolutionaries (Esers) and Bolsheviks in their views and opinions concerning the political growth of Russia from the line of revolution in February till summer, 1917.

Key words: the party of socialists-revolutionaries, Esers, Bolsheviks, Mensheviks, social-democrats, cadets, Provisional government, Councils of deputies, meeting, overthrow, demonstration.

R. Subkhankulov

Involvement of the USSR in the armed conflicts at the Khasan Lake and the Khalkhyn Gol river: historiographic aspect

The article presents a brief overview on the history of the USSR's involvement in the armed conflicts with Japan shortly before the Second World War. The author points out that in the Soviet time there were unambiguous indicators of assessment of the reasons and results of the events in the Far East. In modern historiography a lot of the issues that seemed unshakable were reconsidered. Analysis of the post-Soviet works shows two approaches: on the one hand, the majority of specialists view these events in the context of global confrontation of super powerful states before the Second World War with the emphasis on the expansionist foreign policy of Japan, on the other hand – Soviet-Japanese conflicts are considered as border conflicts due to vagueness of the border line or even its absence.

Key words: USSR foreign policy, Soviet-Japanese relations, Khasan Lake, Khalkhyn Gol river, armed conflict.

B. Koptelov

Spiritual elite of Roman Empire
in perception of Julian the Apostate

The article studies the problem of «philosopher-on-the-throne» emperor Julian's attitude to social groups that can be called «spiritual elite». An attempt to objectively examine the emperor's views on the role of pagan philosophers and priests in society, as well as Christian clergymen is undertaken. The attention

is also drawn to the peculiarities of Julian's personality, which influenced his philosophic works. The predominance of emperor's religious considerations in his understanding of spiritual elite and wish to weaken the public role of Christianity in combination with attempts of considering its positive aspects is underlined in the article.

Key words: Roman Empire, Julian the Apostate, paganism, Christianity.

V. Sheremet

A Contemporary of Ivan the Terrible
and Suleiman the Magnificent.
Political Portrait of Akbar the Great

The article portrays the most outstanding representative of the Great Moguls – Akbar the Great. It shows him as a warlord, emperor and founder of a new synthetic religion, which, however, ceased to exist soon after Akbar's death.

Key words: The Great Moguls, Akbar the Great, India, Portugal, religion, Islam, tolerance.

S. Artemenko

Social Structure and Public Life of Early Puritans
in England at the end of XVI – beginning of XVII century

The article considers the formation of English Puritanism. The main emphasis of the article is made on the social structure of people involved in the Puritan movement as well as on other social aspects of public and private life of early Puritans: family, business, clerical, charitable, educational and other aspects.

Key words: moderate Puritanism, emergence of Puritanism in Britain, social structure of early Puritans.

N. Shimonova

Unknown parts of the biography of a fighter for independence
of Finland and Ireland Johan Anders Jägerhorn

The article reveals the period of life of a baron Johan Anders Jägerhorn when he was imprisoned in the Tower in 1799. Some of the non-published documents from the Archives of Foreign Policy of the Russian Empire have been used in the research.

Key words: baron Johan Anders Jägerhorn, Anjala Confederation, Catherine II, count S.R. Vorontsov, lord W. Grenwill, lord W.G. Portland, Foreign Policy of Russia and Great Britain at the end of the XVIII century.

A. Orlov

New World Order in the Vienna system limits.
Great Britain and Russia: search for the basis
of post-war interaction (1815)

Some important aspects of ideological struggle in the ruling circles of Russia and in political establishment of the Great Britain are studied in the article. The necessity to keep a close union between Russia and Britain which brought them not only a victory over Napoleon but also domination in Europe were widely discussed by political elites in both countries. On the basis of studying of previously unpublished documents from the archives the author comes to the conclusion: multilateral ties between Great Britain and Russia didn't deny and even implied their sharp political rivalry. At the same time both sides in London and in Petersburg realized that two countries which had won peace for Europe should remain the main guards of the Vienna system of the international relations.

Key words: Great Britain, Russia, the Vienna system of the international relations, New World Order.

O. Goncharova

Interaction of political parties
with the institutes of the civil society

The article highlights the problem of interdependence and interference of formation of party system and formation of a civil society in modern Russia. Competitive political parties are one of the major institutes of a democratic system. At the same time political parties are one of the institutionalized parts of a civil society; their development is regarded as a criterion of the public development.

Key words: civil society, political parties, party system, political consciousness, target group, image of a political party.

V. Nechaev

«Institutional organization» as the conceptual tool
of the institutional analysis in political science

The concept «institutional organization» is analyzed in the article. The necessity of introduction of this concept is caused, first of all, by requirement for revealing, definition and the comparative analysis of difficult institutional complexes for various areas of public relations.

Key words: institutional organization, institutional design, actors, institutional complexes.

L. Tarasov

Progressive tendencies
of a modern world policy concerning disabled people

The article presents results of the theoretical analysis of the international documents concerning disabled people. The article highlights peculiarities of concept and terminology of the United Nations Conventions on the rights of disabled people that show more emphasis on the person-oriented and socio-cultural approaches. Analysis of world policy concerning disabled people in XX – the beginning of XXI centuries shows tendencies of considerable deepening of understanding of problems of physical inability. These tendencies partially already receive the embodiment in modern innovative technologies: sociocultural rehabilitation and social cultural animation of the handicapped.

Key words: disability, disabled, defect, progressive tendencies of a world policy concerning the disabled, person-oriented and socio-cultural approaches, socio-cultural rehabilitation, socio-cultural animation.

V. Fedulova

Information and communication technologies
in the political context

The article analyses a few modern tendencies: information society, globalization, theory of political communications, etc.

Key words: information society, communication, mass-media.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

К статье прилагается анкета автора: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); должность; место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); почтовый адрес (место проживания); телефон; E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а рецензии или отзывы на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках;

– библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – директор РИЦ Наумова Татьяна Николаевна, главный редактор Алексеева Алла Александровна.

E-mail: izdat_mgou@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2011.1

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 31.03.2013 г.
Подписано в печать 17.12.2010 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.